

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
МУЗЕЙ – ИНСТИТУТ ГЕНОЦИДА АРМЯН
СОЮЗ АРМЯН РОССИИ

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

ТРАГЕДИЯ АРМЯНСКОГО НАРОДА
В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

ЕРЕВАН – 2003

УДК 941 (479.25)
ББК 63.3 (2Ар)
3 – 183

Печатается по решению Ученого совета
Музея-института геноцида армян НАН РА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Альберт Харатян

Закарян, Ан.

3–183 Трагедия армянского народа в оценке русских литераторов. /Отв. ред. А. Харатян. – Ер.: МИГА НАН РА, 2003. – 286 с.

В монографии рассматривается общественно-политическая, литературно-культурная и военно-патриотическая деятельность представителей российской литературной среды – Т. Ольгенина, А. Кулебякина, С. Городецкого, В. Брюсова, С. Рафаловича, П. Сибирцева, Б. Лазаревского и многих других в Западной Армении и в Закавказье в 10-е годы XX в. На основе разностороннего фактического материала представлены ценные свидетельства и объективные оценки видных русских литераторов армянской действительности.

Книга предназначена для специалистов и широкого круга читателей.

*...Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
И воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой!*

Сергей Городецкий

ВВЕДЕНИЕ

Независимо от общественно-политического строя, идеологических установок, противоречивости нашей современной действительности армяно-русские вековые литературно-общественные и историко-культурные связи были и будут в центре внимания армянского литературоведения. Они имели не только политическое, но и большое духовно-нравственное значение для армянского народа. Взаимосвязи русских и армян, уходящие своими корнями в прошлое, – как в начале XX века, так и в наши дни, – укрепляют взаимоотношения единоплеменных народов, Армении и России.

Десять лет XX в. были трудным временем в судьбе армянского народа. Погромы армян в конце XIX – начале XX в. переросли в геноцид 1915 года. Последующий период также был трагическим: обезлюдение Западной Армении, общее тяжелое положение молодой Республики, борьба армян против турок и мусаватистских банд за сохранение своего государства, погромы армянского населения в Баку и в других регионах Закавказья.

Несмотря на все это, в эти годы взаимно расширяются и крепнут связи армянского и русского народов почти во всех сферах общественно-политической жизни. Приезжают, а иногда и подолгу живут в Западной Армении и в Закавказье русские журналисты, публицисты, писатели, музыканты, художники, а также известные общественно-политические деятели России. Став очевидцем трагической армянской действительности, они выступают на страницах российской и закав-

казской печати, освещая военные действия, рассказывая о трагических испытаниях, выпавших на долю армянского народа, защищая его национальные интересы. Такой же направленности были их публичные выступления в Тифлисе, Баку, Ереване, в которых в основном была сосредоточена духовная жизнь восточных армян. Такое живое общение дает возможность русским людям ближе ознакомиться с жизнью и бытом армянского народа, с его культурой и историей, в том числе и с Армянским вопросом.

Царское правительство, исходя из интересов своей внешней политики, часто поощряло и защищало национально-освободительную борьбу армян против восточной тирании — постольку, поскольку это не противоречило его политическим программам. Так, бесчисленные войны России против Турции в XVIII—XIX вв. объективно помогали национально-освободительным движениям народов, находящихся под османским игом. Вспомним, какую решающую роль сыграла Россия в деле освобождения болгар, сербов, греков и ряда других народов. Отметим ту положительную прогрессивную роль, которую она имела в исторической судьбе восточного армянства. Россия обеспечивала физическое существование армян, выступала против турецкой политики их истребления, пыталась пресечь планы пантуркизма. Во многом интересы России и армянского народа в Армянском вопросе совпадали.

Однако то же царское правительство в империи вело политику социального и национального подавления, отвергало идеи создания армянской государственности, закрывало национальные школы, в начале XX в. конфисковало имущество и владения армянской церкви и т. д.

Таким образом, следует избегать однозначных оценок русско-армянских отношений и необходимо рассматривать вопросы исходя из конкретной ситуации. В данном случае интересующая нас проблема — вопросы литературно-общественных и историко-культурных взаимоотношений, контактов, связей в начале XX века, особенно в 10-е годы, в частности,

связи действовавших в Армении и в Закавказье русских литературных деятелей с армянской жизнью — важный вопрос, до настоящего времени не ставший предметом специального изучения. Научное исследование этих проблем ныне стало очень актуальным в силу известных исторических событий конца XX в. — развала советского государства и образования суверенных государств.

В оценке вклада русских литературно-общественных и государственных деятелей в освещение волнующих армян в то время проблем не все просто и бесспорно. Так, в частности, известный армянский писатель и деятель Аветис Агаронян (1866—1944) в статье «За что?», написанной летом 1917 г., укорял русскую элиту в том, что она, по примеру западноевропейцев, не поднимает в этот судьбоносный и драматичный период свой голос протеста против преступлений в отношении армян. «Да, весь культурный мир братски откликнулся на страдания армянского народа; больно признаться, что только великий русский народ остался безучастен и нем,— пишет А. Агаронян. — ... Стопятидесятиmillionный великий народ явился лишь молчаливым зрителем всех ужасов нашей родины и ни разу ... не обратил своего взора в нашу сторону и не приобщился к общечеловеческой скорби о нас. Больно сказать, что даже лучшая часть русской интеллигенции проявила перед нами непростительное духовное банкротство и сердечную пустоту... Нет никого, кто бы взял на себя труд хоть раз объехать страну ужасов, подышать в атмосфере великой армянской трагедии и рассказать жестокую правду русскому народу»¹. Агаронян в недоумении: «Почему, однако, это необъяснимое молчание перед нашими страданиями, почему такое забвение нашей отчизны, почему эта преступная слепота перед лицом наших жертв, наших лишений, нашего права и справедливости?».

¹ Агаронян А. За что? — Кавказское слово, 20. VIII. 1917; Оризон (Горизонт), 20. VIII. 1917 (на арм. яз.); Гракан терт (Литературная газета), 21. IX. 1990 (на арм. яз.).

Однако подобный взгляд на события не совсем объективен: роль России и российской интеллигенции в освещении судеб армянского народа и реальной помощи ему, как известно, велики уже с XIX в.

Данная работа имеет цель показать всю ту положительную роль, которую сыграла в исследуемый период Россия в жизни армянского народа в лице своей передовой интеллигенции.

Деятельность представителей русской литературы в Западной Армении и в Закавказье, имея не только гуманитарную, но и бесспорную политическую значимость, оказывала большое влияние на духовную и культурную жизнь народа.

Исследование может восполнить многие неизученные страницы жизни и деятельности как известных, так и малоизвестных русских литераторов. В свое время видный русский историк литературы, критик, библиограф и педагог С. Венгеров (1885–1920) писал: «Я считаю совершенно ненаучным изучать литературу только в ее крупных представителях... Бывает даже так, что мелкий писатель ...сплошь да рядом ярче характеризует ту или другую эпоху, чем писатель крупный»². Сказанное полностью можно отнести ко всем тем литературным деятелям, чья жизнь и творчество были тесно связаны с армянской действительностью, особенно 10-е годы XX века.

В период пребывания в Западной Армении и в Закавказье, в частности в Тифлисе, Ереване и Баку, они популяризировали одновременно русскую литературу и искусство, знакомились с жизнью и бытом, с историей и культурой местных народов, в том числе и армянского народа. Этой своей деятельностью они как бы становились связующим звеном между двумя народами.

Начало XX века в армянской действительности было, как известно, периодом переоценки прежних ценностей, неустан-

ных поисков новых путей развития. Теоретическим обоснованием эстетического перелома стала лекция известного поэта Ваана Терьяна (1885–1920) «Грядущий день армянской литературы» (1914 г.). В ней он, в частности, сказал: «... будущее России у меня не вызывает сомнений. И связывая свои лучшие надежды с надеждами передовой русской демократии и свои желания с ее желаниями, я не сомневаюсь, что не буду разочарован»³.

Программа, выражавшая назревшие требования жизни, национальной литературы, достижения общечеловеческих критериев в обществе, важна также с позиции отношения к русской литературе. Связывая в армянской действительности выдвижение нового «культурного течения» прежде всего с консолидацией «творческих сил всего народа», с «народной культурой», внутренним духовным потенциалом, Терьян одновременно считает первейшей необходимостью освоение «чистой и ясной русской литературы». В «коренном возрождении» армянской литературы, в разнообразных «источниках» и «движущих силах» «широких путей» ее развития поэт выделяет традиции «ясности и душевной открытости русской литературы», а естественное развитие и продолжение ее связывает с переворотом общественной жизни⁴. Лекцию В. Терьян завершает предсказанием грядущего армянской литературы: «Ростки этой литературы налицо, а их пышный и красочный расцвет придет тогда, когда молодая Россия встряхнет свои орлиные крылья, и живые силы страны двинутся вперед мощно и радостно, как поднявшиеся вешние воды»⁵.

Заметный вклад в изучение творчества и жизнедеятельности в Закавказье русских поэтов, писателей, публицистов, журналистов и др. внесли А. Тертерян, К. Григорьян, Г. Ов-

³ Терьян В. Критика и публицистика. Статьи. Ереван, 1985, с. 92.

⁴ Агабабян С. Б. Динамика армянских откликов русской литературы. — Историко-филологический журнал АН АрмССР (далее — ИФЖ), 1978, № 3, с. 81–82 (на арм. яз.).

⁵ Терьян В. Указ. раб., с. 101.

² Проф. Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Второе, совершенно переработанное, иллюстрированное издание. Т. 1 (вып. 1–3), Пг., 1915, с. XIV–XV.

нан, Т. Ахумян, Н. Туманян, З. Гукасян, Л. Мкртчян, Ов. Ганалаян, И. Сафразбекян, Г. Татосян, М. Амирханян, Ю. Даронян, историки Г. Гарибджанян, А. Мнацаканян⁶ и др., однако тема в целом нуждается в рассмотрении многих по сей

⁶ *Тертерян А.* Валерий Брюсов и армянская культура. Ереван, 1944 (на арм. яз.); *Григорьян К.* Валерий Брюсов и армянская поэзия. Ереван, 1959 (на арм. яз.); *его же*, В. Я. Брюсов и армянская поэзия. М., 1962; *его же*, Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X — начало XX вв.). Ереван, 1974; *Ованн Г.* Русско-армянские литературные связи в XIX—XX веках. Кн. 2, Ереван, 1961 (на арм. яз.); *Ахумян Т.* Валерий Брюсов — переводчик армянской поэзии. — Дружба народов, 1956, № 5, с. 181—184; *его же*, Валерий Брюсов и Ваан Терьян (К вопросу об их творческих взаимоотношениях). — В кн.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 116—129; *Туманян Н.* Ованес Туманян и русская литература. Ереван, 1956 (на арм. яз.); *Гукасян З.* Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода. Ереван, 1961 (на арм. яз.); *Мкртчян Л.* Армянская поэзия и русские поэты XIX—XX вв. (вопросы перевода и литературных связей). Ереван, 1968; *Ганалаян О.* Армения в творчестве русских поэтов. Ереван, 1988; *Сафразбекян И.* Ованес Туманян и мировая литература. Ереван, 1976; *Татосян Г. А.* Из архива Валерия Брюсова. — Изв. АН АрмССР, обществ. науки, 1959, № 5, с. 88—93; *его же*, Большой друг армянской литературы (к 90-летию со дня рождения В. Я. Брюсова). — ИФЖ, 1963, № 4, с. 15—24 (на арм. яз.); *его же*, В. Брюсов — переводчик армянской поэзии (О некоторых переводческих принципах В. Брюсова). — В кн.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 185—198; *Амирханян М. Д.* Русская художественная литература об Армении. Ереван, 1983; *его же*, Русская художественная публицистика об Армении. Ереван, 1984; *его же*, Русская художественная литература и геноцид армян. Ереван, 1988; *его же*, Русская поэзия и Ван. 2825. Ереван, 2002; *Даронян Ю. С.* Армения в жизни и творчестве С. Городецкого. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1983; *его же*, Сергей Городецкий и Армения. Ереван, 1985; *Гарибджанян Г.* Бескорыстный друг армянского народа (к 90-летию со дня рождения С. М. Городецкого). — Литературная Армения, 1974, № 1, с. 77—82; *его же*, Предисловие. — В кн.: Городецкий С. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1980, с. 3—7 (на арм. яз.); *Мнацаканян А.* Русские писатели о трагедии армянского народа. — Литературная Армения, 1965, № 4, с. 72—78; *его же*, Трагедия армянского народа в оценке русской и мировой общественной мысли. Ереван, 1965 (на арм. яз.).

день не изученных вопросов. Вне поля зрения исследователей остались такие деятели, как Т. Ольгенин, А. Кулебякин, С. Рафалович, П. Сибирцев, Б. Лазаревский и многие др.

Работа в основном написана с привлечением архивных материалов: источниковедческой базой работы являются документы, выявленные автором в различных архивах, фондах и музеях Армении. Важными источниками для создания книги явились периодическая печать 10-х годов XX века и литература, освещающая общественно-политическую и литературную жизнь Закавказья и Армении рассматриваемого периода в контексте исследуемой нами проблематики. Издававшиеся в Тифлисе, Баку, Ереване, Москве газеты и журналы широко освещали деятельность русских литераторов в Западной Армении и в Закавказье, их участие в общественно-политической, литературной жизни, контакты и сотрудничество с армянскими деятелями, их публичные выступления и пр.

Особенно широко использованы такие органы печати, как издаваемые в Тифлисе газеты «Мшак» («Труженик»), «Оризон» («Горизонт»), «Гахапар» («Идея»), «Пайкар» («Борьба»), «Ашхатавор» («Работник»), «Арач» («Вперед»), «Нор ашхатавор» («Новый работник»), «Кавказское слово», «Возрождение», «Народная свобода», «Республика», «Речь», «Слово», «Тифлисский листок», в Ереване — «Арач» («Вперед»), «Айастани ашхатавор» («Работник Армении»), «Ашхатанк» («Работа»), «Жоговурд» («Народ»), в Баку — «Арев» («Солнце»), «Баку», «Каспий», в Александрополе — «Шираки ашхатавор» («Работник Ширака»), а также издававшиеся в Баку журналы: «Горц» («Дело»), «Искусство», в Москве — «Армянский вестник», в Тифлисе — «Арг», «Орион», в Петрограде — «Летопись».

Для работы первоисточником служили и многие страницы из наследия русских литераторов, а также И. Иоаннисиана, Ов. Туманяна, А. Ширванзаде и др. Используются и письма, телеграммы и другие документы, хранящиеся в фондах домов-музеев И. Иоаннисиана, Ов. Туманяна, архивные материалы Музея литературы и искусства им. Е. Чаренца, На-

ционального архива РА.

Сопоставление документов в процессе исследования и введение их в научный оборот делают неизбежным переоценку ряда явлений, нашедших место в жизни, новый взгляд и новые подходы к литературно-общественным проблемам.

На основе первоисточников сделана попытка раскрыть реальную картину действительности; значительное место уделено использованию фактического материала — ведь лишь благодаря сопоставлению документов и имевших место событий можно составить четкое представление об исследуемых проблемах.

Не претендуя на исчерпывающее освещение всех вопросов, относящихся к теме, поставлена задача воссоздать более или менее целостную историю деятельности русских литераторов в Западной Армении и в Закавказье в богатый историческими событиями период, рассмотреть их связи с армянской действительностью, общественно-политической, литературной элитой. С этой целью в работе сделана попытка решить следующие конкретные задачи:

- на основе нововыявленных архивных документов и материалов печати всесторонне представить деятельность русских литераторов, в исследуемый период длительное время находившихся в Армении и в Закавказье, вплотную соприкасавшихся с армянской действительностью;

- вскрыть их участие в освещении и оценке трагического положения армянского народа, их моральную помощь бедствующим беженцам во время геноцида армян 1915 года и позднее;

- представить непосредственное участие русских деятелей в боевых действиях на территории Армении, боевое содружество русских и армян на поле битвы;

- проанализировать публицистическую и творческую деятельность русских литераторов в освещении и пропаганде национально-освободительной борьбы армянского народа в период Первой мировой войны, а также Армянского вопроса;

- показать положительную роль русских литераторов в объективном освещении вопросов армянской истории, культуры, литературы и искусства, в пропаганде духовных ценностей армянского народа в целом;

- оценить весомый вклад русских литераторов в представлении широкой российской общественности всех необратимых негативных процессов для судеб армян в результате Первой мировой войны;

- показать связи и контакты русских литераторов с армянскими общественными организациями, общественно-политическими деятелями, поэтами, писателями, художниками, указать грани их сотрудничества и взаимовлияния.

Некоторые аспекты данной проблемы затрагивались в работах армянских и русских литературоведов. Однако до выхода в свет первых статей автора настоящей работы в литературоведении не было трудов, специально посвященных поднимаемой проблеме. Как в ряде наших статей, опубликованных в «Вестнике общественных наук» НАН РА, «Историко-филологическом журнале» НАН РА, «Вестнике Ереванского университета», «Вестнике архивов Армении», «Айкакан банак» («Армянская армия»), «Литературной Армении» в период 1986–2003 гг.⁷, так и в монографиях⁸ представляется и характеризуется деятельность русских литераторов, посетивших Западную Армению и Закавказье, их участие в общественно-политической, литературной жизни края, в них в сжатом виде изложены важнейшие материалы и содержание настоящей книги.

Вводимые в научный оборот материалы в своем большинстве являются новыми как для армянского, так и русского литературоведения. На основе строго выверенных

⁷ См. раздел: «Источники и литература».

⁸ *Закарян Ан.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). Ереван, 1984 (на арм. яз.); *его же*, Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.). Ереван, 1994; *его же*, Александр Кулебякин и Армения. Ереван, 2003.

фактов нами впервые в полном объеме, углубленно и детально, обстоятельно говорится о целях посещения Западной Армении и Закавказья Т. Ольгениным, А. Кулебякиным, В. Брюсовым, С. Городецким, С. Рафаловичем, П. Сибирцевым, Б. Лазаревским и многими другими, об их связях с армянской жизнью. Армянское литературоведение в том или ином аспекте из перечисленных деятелей обращалось к А. Кулебякину, В. Брюсову и С. Городецкому. Впервые мы обращаемся к освещению поездок, связей и контактов с армянскими общественно-политическими, литературно-культурными кругами вышеназванных представителей русской интеллигенции. Вводимыми в научный оборот нововывявленными фактическими материалами исследуются идеологическая и эстетическая позиции каждого, опираясь при этом также на отзывы печати, анализируются и оцениваются их отдельные произведения, лекции, выступления.

Рассматриваемая в работе проблема, на наш взгляд, представляет не только чисто литературоведческий интерес, — она имеет вполне практический аспект и четкие позиции в освещении достаточно благоприятных общественно-политических взаимоотношений Армении и России в исследуемый период в связке с современными реалиями в отношениях двух стран и народов.

Г Л А В А I

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ

1. Журналистская и исследовательская деятельность Т. Ольгенина

В начале 10-х годов XX века Армянский вопрос вступил в новую фазу. Поражение Турции в балканской войне вновь пробудило надежды в армянских политических кругах на скорейшее решение этого вопроса. Армянский вопрос оказался в сфере интересов великих держав — в дипломатии все чаще стали по различному поводу упоминать Армению. Европейская и, в частности, российская пресса публикует статьи о тяжелой и трагической участи западных армян, в которых призывает спасти находящийся на грани исчезновения народ. Армянские общественно-политические партии и различные союзы направляют прошения и заявления великим державам с целью урегулирования положения в Западной Армении. В 1912—1913 гг. вокруг реформ в армянских вилайетах развертывается острая дипломатическая борьба, в которую вовлекаются великие державы. Однако реальной силой, способной сыграть определенную положительную роль в судьбах Армении, по-прежнему оставалась Россия. С успешными балканскими войнами еще более укрепились основы пророссийской ориентации армян, стала ощутимой надежда западного армянства сбросить турецкое иго. Известный армянский деятель, член османского парламента Григор Зограб (1861—1915) в 1912 г., высказываясь по поводу роли России в судьбе западной части армянского народа, утверждал: «Наша главная опора в Армянском вопросе — Россия, по праву соседства и степени за-

интересованности»¹. В декабре того же года выдающийся армянский музыкант и композитор Комитас (1869–1935) в письме известному западноармянскому деятелю Аршаку Чопаняну (1872–1954) излагая свои взгляды на возможное решение Армянского вопроса, заключает: «...нет спасения без России... Не должны обманываться различными лживыми обещаниями Европы»². А великий армянский поэт, прозаик, общественный деятель Ованес Туманян (1869–1923) в январе 1913 г. пишет свою известную статью «Армянский вопрос и его решение». Рассматривая в ретроспекции историю возникновения и развития Армянского вопроса, он приходит к выводу, что «Вновь армянский вопрос связывается с Россией, от нее ожидается благоприятное его разрешение. Вновь русская пресса возбуждает армянский вопрос, и снова русское войско стоит на границе чудовищной страны, где снова мечется под угрозой страшной резни армянский народ»³.

После того, как в январе 1913 г. Армянское национальное собрание Константинополя решило незамедлительно потребовать реформ от Турции под покровительством великих держав, российская дипломатия установила более тесные связи с ведущими западноармянскими национальными лидерами. Константинополь посетили ряд государственных и политических деятелей. Так, с ведома и по указанию Министерства иностранных дел России здесь побывали члены Государственной думы М. Пападжанов (Пападжанян), историк Н. Адонц и др. Октябрист А. Гучков, кадет П. Милоков и другие встречаются с известными армянскими деятелями, «прошупывают» их настроения. А последние пытались доказать, что «сохранение и процветание армян как на Кавказе, так и в сопредельных османских областях не только не угрожает российским

интересам, но и действительно согласно этим интересам...»⁴.

В этой атмосфере всеобщего интереса к Армянскому вопросу в конце 1912 – начале 1913 г. в Тифлис приезжает корреспондент петербургской газеты «Биржевые ведомости», известный публицист Антуан Березовский-Ольгинский (псевдоним. – Т. Ольгенин). До этого он в течение восьми месяцев был на Балканском полуострове – в Албании, Сербии, Болгарии – и стал свидетелем военных действий, развернувшихся здесь. Как сообщала тифлисская армянская газета «Мшак», «ныне он (Ольгенин. – Ан. З.) прибыл в нашу страну – для изучения Армянского вопроса. Он... из Тифлиса направится в Эчмиадзин, где... ознакомится с армяно-григорианским кафедральным собором и учреждениями при нем... затем поедет в Ван и другие места Западной Армении»⁵.

3 января Т. Ольгенин в «Литературно-художественном салоне» Тифлиса выступает с лекцией о балканской войне, которая вызвала большой интерес слушателей. Русский журналист представляет причины (экономические, политические, социальные) возникновения войны на Балканах, касаясь договоров союзных государств, подробно перечисляет причины победы последних, дает описание войск воюющих сторон, рассказывает о зверствах отступающей турецкой армии над христианами. Ольгенин говорит также о прекращении огня и перемирии, представляет взаимоотношения союзников и отношение России к Болгарии, одновременно сообщает интересные сведения об Албании и ее населении. Лекция, длившаяся полтора часа, сменилась интервью, которое длилось столько же. В течение его Ольгенин обращается также к Армянскому вопросу, отмечает, что он «становится очередной политической задачей, которая после разрешения балканских вопросов потребует своего решения»⁶. Ольгенин одновре-

¹ Нерсисян М. Г. О некоторых вопросах истории армяно-русских политических отношений. – ИФЖ, 1994, № 1–2, с. 26 (на арм. яз.).

² Там же.

³ Туманян Ов. О России и русской культуре. Статьи и письма. Ереван, 1969, с. 55.

⁴ Киракосян Дж. С. Первая мировая война и западные армяне 1914–1916 гг. Ереван, 1965, с. 56–57 (на арм. яз.).

⁵ Мшак (Труженик), 6.I.1913 (на арм. яз.).

⁶ Там же.

менно отмечает, что армяне предоставляют «мало сведений» о своей стране и своих требованиях русской и европейской печати и общественности, в результате чего широкая мировая общественность находится в неведении относительно положения армян.

Во время пребывания в Тифлисе Т. Ольгенин знакомится с городом, посещает достопримечательные места, имеет встречи и беседы с широкими слоями населения, прислушивается к их мнению о жизни и положении западных армян. И именно из Тифлиса он отправляет в «Биржевые ведомости» четыре статьи о своих впечатлениях⁷.

15 января Ольгенин из Тифлиса отправляется в Ереванскую губернию⁸, посещает Ереван, Эчмиадзин. 23 января в актовом зале Эчмиадзинской семинарии, по просьбе начальника канцелярии вардапета Баграта, он повторяет свою лекцию о балканской войне⁹.

Затем русский публицист направляется в Западную Армению — в шесть армянских вилайетов [Эрзерум, Ван, Битлис (Багеш), Диарбекир (Тигранакерт), Себастья и Харпут (Харберд)], которые подлежали, согласно 61-й статье Берлинского договора, европейскому контролю. Здесь он остается четыре месяца, путешествует по армянским селам и городам, опустошенным от армян местам, подробно исследует социальное, экономическое и политическое положение западных армян. О пройденном пути, местах пребывания, почерпнутых разнообразных сведениях Ольгенин сообщает исчерпывающие факты в корреспонденциях своей газете. Написанные под непосредственным впечатлением от увиденного и пережитого, сообщения Ольгенина, опубликованные в номерах «Биржевых ведомостей» в 1913 г., имеют ценность исторического документа. И неслучайно эти статьи и корреспонденции мгновенно переводились на армянский, о них в закавказской печати

⁷ Там же, 27.I.1913.

⁸ Там же, 15.I.1913.

⁹ Там же, 30.I.1913.

публиковались пространные отклики¹⁰.

Т. Ольгенин свою первую корреспонденцию — «Среди курдов» — посылает из Диадина¹¹. Из этой статьи ясно видно, в каком тяжелом и ужасном положении жили и живут западные армяне, окруженные фанатично настроенными иноверцами.

Из Баязета в Диадин Ольгенин добрался за пять дней. В первый день он переночевал в маленьком курдском селении Гзе-Дизе, которое, судя по старому кладбищу, ранее было армянским. Единственным армянином оказывается служащий таможни, который ночью с опаской посещает корреспондента и извиняется за то, что не осмеливается пригласить его к себе домой. Затем рассказывает, что среди курдов царит сильное возбуждение: они совершенно открыто говорят христианам, что лишь дожидаются малейшего повода, чтобы покончить с ними. Служащий таможни сообщает, что в районе Баязета 20–25000 армян, рассыпанных среди 125000-го курдского моря¹². В таких условиях думать о сопротивлении бесполезно. Бессмысленно даже жаловаться турецкому правительству, которое делает все для возбуждения фанатизма курдов. Из рассказов становится известно также, что в открытых по приказу правительства медресе свободно ведется «антихристианская» или «антиармянская» пропаганда. По его совету Ольгенин встречается с шейхом курдского аширета — Али-беком, который был самым влиятельным в Северном Курдистане. Вот как описывает публицист этого всемогущего курдского шейха. Шейх был одет неряшливо, его крепость была окружена мусором. Во время беседы шейх говорит, что все их существо заполнено шариатом, другого закона они не признают и во всех случаях жизни строго руководствуются его заветами. По

¹⁰ К сожалению, в библиотеках и архивах Армении нет подшивки «Биржевых ведомостей» за 1913 г., поэтому использованные нами сообщения Ольгенина почерпнуты из «Мшака» и «Оризона» («Горизонт»).

¹¹ Мшак, 9.III.1913.

¹² См.: там же.

его словам, шариат требует, чтобы они ни при каких обстоятельствах не общались с христианами. Говоря о взаимоотношениях с соотечественниками-христианами, живущими среди курдов, шейх признается, что волей-неволей они должны поддерживать с ними отношения, несмотря на то, что христиане чужды им. Мы живем в Курдистане, подчеркивает шейх, мы курды, следовательно ни дорог, ни телеграмм, ни жандармов и прочих европейских новинок мы не хотим и нам не надо — все, что нам надо, мы приобретем своими собственными ружьями¹³.

Т. Ольгенин в своих заметках описывает также невыносимо тяжелое экономическое и правовое положение армян Алашкертского уезда. В статье «Без надежды и рассвета», датированной 9 февраля, он, в частности, представляет село Члкаани (Чилканд), в котором вынужден был из-за непогоды остаться на два дня. Русский публицист описывает подземные жилища селения, их жителей. Последние говорят по-русски, так как здесь есть семей десять, которые прожили в России 12–15 лет. Беседа с ними, по словам Ольгенина, произвела ужасно тяжелое и удручающее впечатление. Во всем том, что говорилось русскому публицисту, чувствовалось «глухое отчаяние», «сознание неизбежных потерь», их рассказы «вызывали содрогание»¹⁴. Сельчане сообщают, что хотя уже два года, как не наблюдается больше вооруженного разбоя, однако их грабят более ужасным образом: это «ашар», который правительство взимает деньгами. Подобная политика младотурок, как известно, преследовала цель экономически разорить западных армян. В случае неуплаты долга правительство продавало имущество должника, и западное армянство вынуждено было держать путь беженства. Это явление принимало массовый характер. Армянские крестьяне, оставляя свою родину, направлялись в Россию или в Америку. Публицист вспоминает, что на него произвело «ошеломляющее впечатление»,

¹³ См.: там же.

¹⁴ Там же, 20.III.1913.

когда, прощаясь с ним, престарелый священник обратился к сельчанам: «Братья, давайте помолимся, чтобы Россия нас не забывала». И все собравшиеся, опустившись на колени, со стенаниями и верой повторили громко его печальные слова¹⁵.

В своей статье под заголовком «Без веры и без света»¹⁶, написанной 10 февраля из Патноца, Т. Ольгенин, описывая пройденный им путь, отмечает, что спустя 10 дней после выезда из Баязета в снежную пору поднялся на возвышенность Килиш-Гедюки, откуда спустился в долину реки Арацани, восточного притока Евфрата. Публицист пишет, что когда-то эта местность была центром Армении, ныне же — «медленно, но неуклонно исчезающая Армения». Из многочисленных цветущих армянских деревень в одних ныне остались лишь кладбища, в других — армяне несколькими десятками домов влачат свое убогое и полуголодное существование¹⁷. Ольгенин описывает село Кюшке, в котором известный английский путешественник Линч в 1894 г. насчитал 80 домов, а ныне осталось лишь 20. Публицист констатирует, что курды не дают покоя армянам ни днем ни ночью, отобрали у них $\frac{2}{3}$ земель и держат их под страхом. Турецкое правительство мобилизует в армию только армян, курды освобождены от этого.

Как в Кюшке, так и в административном центре Дудах (Тутах) Ольгенин неоднократно имел возможность слышать, что среди курдов растет «глухое возмущение», что слухи об организованной и готовящейся резне распространяются и здесь. Об этом факте Ольгенину рассказал очень влиятельный среди эмигрировавших из России мусульман Караманлы-бек, который являлся командиром составленного из курдов полка гамидие. Он не скрывал своего мнения о стране, куда переселились и где обосновались его соплеменники. Народ погибает от различных болезней, в 62 селах Тутахского каймакамства нет ни одного врача, ни одной больницы, вместо школ — по-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, 23.III.1913.

¹⁷ См.: там же.

луразвалившиеся строения, дорожного сообщения и в помине нет, объективности и справедливости – тоже. Простой, бедный народ, курды и мухаджиры (выехавшие из России мусульмане), так же, как и армяне, страдают от произвола соседних курдов, их грабежей и насилия. Он выражает мнение, что лишь возможность вмешательства русских сдерживает курдов, а то они давно истребили бы жалкие остатки армянского населения. Всюду, где побывал Ольгенин, ему довелось услышать от курдов это признание. Последние были глубоко убеждены в том, что в ближайшем будущем вся эта страна перейдет под покровительство России. В создании подобного представления, пишет Ольгенин, повинны младотурки, которые, умышленно распространяя такие слухи, желали оправдать новую мобилизацию полков гамидие, тем самым накаляя обстановку. На всем протяжении русско-турецкой границы, а также в Эрзерумском, Ванском и Битлисском вилайетах турки усердно организовывали полки гамидие, которые не только были обмундированы в форму нового образца, но и вооружались современным оружием. Армяне, согласно Ольгенину, придерживались мнения, что мобилизация гамидие была обусловлена не страхом перед Россией, а тем, чтобы «раз и навсегда покончить с Армянским вопросом». Русский публицист отмечает, что данное армянами объяснение предпринятым турецким правительством мерам кажется невероятным, но, с другой стороны, каждый день, который прожит им в «исчезающей Армении», убеждает его в том, что вмешательство России или кого-то другого – вмешательство немедленное, решительное, подкрепленное реальной силой, – необходимо. Каждая верста, которую прошел он в этой стране, каждое новое село, каждая новая встреча убеждают, заставляют его во весь голос обратиться ко всему цивилизованному обществу: «Господа, поймите, наконец, что этот народ находится накануне катастрофы».

16 февраля Т. Ольгенин прибывает в Ван¹⁸. Издающийся в

¹⁸ Ван-Тосп, 1913, № 5, с. 56–57 (на арм. яз.).

городе армянский еженедельник «Ван-Тосп» публикует интервью с ним. На вопрос корреспондента, с какой целью он прибыл в Армению, русский публицист говорит: «Для ознакомления на месте с положением и состоянием армян и Армении»¹⁹. А на вопрос, какое значение может иметь это для армян, он отвечает: «Как всегда, так и ныне русское правительство весьма заинтересовано Арменией, оно имеет здесь свои интересы, так что армяне могут надеяться на его благосклонность. Мои исследования призваны подготовить в России благоприятное для армян общественное мнение». Из интервью становится ясно, что Ольгенин хорошо знал редактора «Мшака» Александра Калантара, путешествовал в Баязете, Алашкерте, Арчеше и со дня нахождения на Кавказе отправил своей газете 22 статьи и что намерен 15 дней остаться в Ване, затем направиться в Битлис, Муш, Сгерд, Тигранакерт и Харберд.

В Ване Ольгенин общался с различными слоями армянского общества, собирал сведения о жизни и быте западных армян, о земельном и других вопросах, участвовал в званых обедах, организованных в его честь. Здесь же, в Ване, он вновь отметил, что народ России незнаком с Армянским вопросом, с армянами и их проблемами и даже не знает об их существовании, следовательно, по этой причине не может быть и общественного мнения в пользу Армянского вопроса²⁰.

В другой корреспонденции Ольгенин сообщает о своей беседе с представителями партии Дашнакцутюн²¹. Остановимся на этой статье подробнее, так как в ней четко просле-

¹⁹ Там же, с. 52–53.

²⁰ Мшак, 13.III.1913.

²¹ Оризон, 17.III.1913; Мшак, 13.III.1913. Дашнакцутюн – Армянская Революционная Федерация – армянская национальная партия, созданная в 1890 г. в Тифлисе. В идеологии, стратегии и практической деятельности партии главенствующее место занимала борьба за освобождение западных армян от турецкого деспотизма и решение Армянского вопроса.

живается точка зрения их лидеров на западных армян и Армянский вопрос, на их отношение к России. Дашнакцутюн противится тому, заявили они, что будто бы на ее знамени лозунг «Подальше от России». Это злостная клевета, распространяемая противниками партии. Их указания на какие-то резолюции 1907 года – также заведомая ложь. Подобные резолюции ни на упоминаемом, ни на другом съезде не принимались. Однако партия не скрывает, что в 1905–1907 гг. дашнаки, как и многие передовые русские люди, занятые общим демократическим движением, мечтали о возможности создать такой государственный строй, который обеспечивал бы право каждой нации на культурную и административную автономию. Армяне виноваты в том, что увлекались идеями децентрализации, как и несколько русских партий, однако расстояние от децентрализации до «политического сепаратизма» вряд ли преодолимо. Нагрянул 1908 год и российскую весну сменила турецкая. Возможно, что часть армянского народа, видя в России крушение своих идейных, народных и национальных устремлений, слепо и шумно поверила обещаниям младотурок, подчеркивает в беседе один из дашнакских представителей. Вот почему в те далекие дни в речах и словах некоторых деятелей из турецких армян прозвучали горечь, оскорбление и раздражение, но отнюдь не злая воля. В те дни тюркского равенства и братства Дашнакцутюн говорил о России как о потерянном друге. Но, с другой стороны, если турецкие армяне так легкомысленно «поддались младотурецкому гипнозу», то взамен российские армяне «остались глухи и чужды его обаянию»²². В доказательство этого факта приводится мнение органа партии Дашнакцутюн газеты «Оризон». Газета, по мнению собеседника Ольгенина, бурно протестовала по поводу таких недостойных нападок, потому что, как бы возмутителен и несправедлив ни был с армянской

²² Мшак, 13.III.1913.

точки зрения суд над дашнаками²³, тем не менее «Оризон» находит, что русское правительство борется и преследует не весь армянский народ, а лишь одну из его социально-политических партий и, что положение армян в России несравненно лучше положения турецких армян.

Следующая статья Ольгенина, помещенная под рубрикой «Исчезающая Армения», озаглавлена «Турецкие армяне и Россия». Отмечая, что во всех его статьях красной нитью проводится мысль о том, что западные армяне влекомы мощной и чисто стихийной притягательной силой к России²⁴, публицист сообщает, что это подтверждает и русский вице-консул в Ване С. Олферьев, и французский консул Зарческий, и немецкие, американские миссионеры. Совершая исторический экскурс в прошлое, Ольгенин отмечает, что с конца предыдущего века Дашнакцутюн пыталась разбудить в народе «сомнения» по отношению к России. Провозглашение в Константинополе конституции и «мягкая» политика младотурок в отношении армян кинули дашнаков в их объятия, с которыми и был сколочен тесный политический блок, острие которого было направлено против России. Однако в отношении последней враждебность дашнаков, по мнению Ольгенина, имела чисто политическую окраску. Жизнь показала, что историко-инстинктивная вера армян в Россию – безошибочна²⁵.

В конце статьи он приводит волнующие душу свидетельства надеющихся на Россию армянских крестьян, сообщенные ему С. Олферьевым. Последний был в селе Кихзи, где ему показали одного «душевнобольного» дряхлого старика-армянина. Его единственной болезнью было то, что он 40 лет подряд на рассвете приходил на околицу села, устремляя взор на север и, возвращаясь домой, вздыхая, говорил: «Нет, московские дяди еще не идут».

²³ Речь идет о суде, который организовало царское правительство над членами партии Дашнакцутюн.

²⁴ См.: Мшак, 18.IV.1913.

²⁵ См.: Оризон, 4.IV.1913.

Невольно вспоминаются события вековой давности. Декабрист Е. Е. Лачинов в своей «Исповеди» писал о том, как «обезумевшие от ужаса разорения армяне бежали из своих родных мест, как женщины, старики и даже дети бросились к русским войскам с возгласом: «Рус! Рус! Здравсти! Здравсти!».

Не зная русского языка, одним этим словом они выражали все — и ужас, и мольбу, и любовь, и надежду... Они полностью доверяли нам, полагались на нашу помощь, на помощь русских. Их глубокая признательность трогала нас, возбуждала в нас высокое и благородное чувство национальной гордости... Вот почему каждый из нас воспринимал нападающих как своих личных врагов и стремился на помощь к страдальцам, словно к своим соотечественникам... «Не бойтесь. Не бойтесь!», — кричали обезумевшей толпе бегущие навстречу солдаты, ускоряя свой бег»²⁶. Ссылаясь на слова Лачинова, Ов. Туманян позднее, в 1912 г., писал: «И вот это русское слово «здравсти», прозвучавшее сквозь слезы и молитвы, слово, которым многострадальный армянский народ встречал освободительную русскую армию, — занесено и увековечено в «Ранах Армении», как самое сердечное слово, произнесенное когда-либо армянским народом перед лицом всего мира. В своих неустанных мытарствах только тогда и узрели армяне действительную помощь, когда во имя справедливости, во имя цивилизации прогремело мощное братское русское «не бойтесь!»²⁷.

О событиях, происходивших в Западной Армении, и об отношении к Армянскому вопросу армянских общественно-политических партий в исследуемый нами период в печати упоминалось неоднократно. В основном выражалась идея объединения, совместных действий, нанесения удара по единой цели. В этом отношении характерна следующая мысль: «На виду армяно-турецкая проблема... Здесь нет ни Дашнак-

²⁶ См.: *Гарибджанян Г. Б.* Армения и Россия. Начало и развитие армяно-русских отношений. X–XIX вв. Ереван, 1993, с. 38–39.

²⁷ Там же, с. 39.

цугюн, ни Гнчака, ни Арменаканов, ни другой партии: здесь только единственное — разбой, грабеж, огонь, резня, море крови и взывающий к помощи крик. Кто армянин, тот не может оставаться равнодушным, и кто *силен*, тот должен пожертвовать свои силы»²⁸.

«Мшак» сообщает, что, выезжая из Вана, Т. Ольгенин со страниц городских газет выразил благодарность ванским армянам за теплый прием. Одновременно он возлагал надежды на то, что начавшаяся с него связь представителей российской печати с Западной Арменией будет продолжена и что армяне и впредь будут поддерживать непосредственные связи с ним. Кстати, следует отметить, что Ольгенин здесь вновь обвиняет восточных армян в том, что последние не утруждали себя налаживанием тесных связей с российской печатью и общественной жизнью. Ванская армянская газета «Ашхатанк» («Труд»), к которой присоединяется и «Мшак», считает этот взгляд русского журналиста неверным и отмечает, что российские армяне «вряд ли могли игнорировать этими своими обязанностями»²⁹. Что же касается поддержания связей ванских армян с российской печатью, то армянская периодика считала это невозможным в силу того, что местные жители не видели русской прессы и языка не понимают.

14 марта Т. Ольгенин прибывает в Битлис, где останавливается в доме военного атташе российского консульства³⁰. Его навещают наместник, известные в городе турки и представители армянской общественности. 23 марта епархиальный начальник армян города в честь Ольгенина дал обед, на котором присутствовали знатные лица от армян и турок. На следующий день в честь русского публициста дала обед и армянская молодежь города³¹.

²⁸ Бакви дзайн (Голос Баку), 17.VII.1913 (на арм. яз.).

²⁹ Мшак, 18.IV.1913.

³⁰ Оризон, 19.V.1913.

³¹ Жаманак (Время), 16–29.IV.1913 (на арм. яз.).

В посланной 21 марта из Битлиса статье Ольгенин вновь возвращается к тяжелому положению армян. Он пишет, как по прибытии в Битлис почувствовал, что попал в страну, где «царствует со всей темной силой отвратительный и бесстыдный режим Абдул-Гамида». Консульство, где остановился публицист, немедленно подверглось «обсервации» как со стороны полиции, так и замаскированных агентов³². Затем корреспондент подробно останавливается на положении армян, проживающих в городе Битлисе, горных и дальних селениях вилайета, на их тяжелой и необеспеченной жизни, на беспредельном произволе курдских беков и ага. Следует отметить, что, будучи в Битлисе, Ольгенин пишет корреспонденцию и о столкновении в городе армянского и курдского населения³³.

Из Битлиса Ольгенин направляется в Муш, затем — в Эрзерумский вилайет³⁴. Из Эрзерума пишут, что по дороге из Вана в Битлис или же при выезде из Битлиса курды совершили нападение на русского публициста и убили его³⁵. Однако вскоре печать сообщает, что эта весть оказалось ложной³⁶.

Из города Каракилисе Эрзерумского вилайета Ольгенин посылает своей газете статью «Под дамочловым мечом» под общей рубрикой «Исчезающая Армения». В ней он с «фотографической точностью» сообщает о событиях, происходящих в стране по линии кавказской границы, приводит факты, которые, по его мнению, являются позорными для человечества, но, увы, это — «действительные факты в современной Турции»³⁷. Описывая Каракилисе, представляющий собой торговый город с 200 домами жителей, Ольгенин приводит многочисленные факты, свидетельствующие о поощряемых турецкими властями насилиях курдов города над армянами. В этот

³² См.: Мшак, 7.V.1913.

³³ См.: там же, 19.IV.1913.

³⁴ См.: там же, 10, 21.III.1913.

³⁵ См.: Оризон, 18, 19.IV.1913.

³⁶ См.: там же, 21.IV.1913.

³⁷ Мшак, 14.III.1913.

период обычными были тайные совещания мусульман, на которых обсуждались вопросы объединения и поголовной резни христиан. Ольгенин дополнил эти факты новейшими событиями, которые происходили на его глазах. Он говорит о новой погромной агитации, которая велась турками среди курдов — начиная с февраля, когда стали известны последние события на Балканах. 5 или 6 февраля состоялось тайное совещание под предводительством самых видных курдских шейхов и, как говорят, по инициативе известного Гусейна-паши.

Это совещание было созвано в доме Али-бека, могучего вождя аширета Адеманли. О чем говорилось и что решалось на этом собрании — точно не известно, но об этом можно предположить, слушая на базарах, в кофейнях и мечетях беседы возбужденной фанатичной курдской толпы, подстрекаемой турками. «Откуда же и как придет помощь армянскому народу, стоящему на грани резни, от которой задрожит весь мир»³⁸, — с болью задается вопросом русский публицист.

Путешествие Т. Ольгенина в армянские вилайеты, его встречи, беседы с христианами и мусульманами, объективные статьи о полученных впечатлениях серьезно стали беспокоить турецкие власти, одним из свидетельств чего явилась опубликованная в издающейся в Эрзеруме турецкой газете «Ал байраг» статья о деятельности русского публициста. Приведем цитату из этой статьи: «В эти дни к нам прибыл русский корреспондент газеты. Слежу за его передвижением. Из достоверного источника подтверждаю, что под видом корреспондента в эти места приехал с рядом заданий русский офицер. Согласно моим предположениям, целью его является уточнение позиции армян и затем попытка склонить на сторону России курдских вождей. После Битлиса он должен посетить наместничества Диарбекира и Мосула. Более недели он уже находится здесь. Завтра должен выехать в Сгерд — некоторые из эшрафов официально встретились с ним... Видевшиеся с ним

³⁸ Там же.

некоторые шейхи в частном порядке заверили меня, что этот корреспондент подбивал курдских вождей сменить имеющиеся у них привилегии на русское подданство. Не добившись успеха в этом предприятии, он пытался сыграть на национальном достоинстве курдов и толкал их на требование автономии, подобно албанцам»³⁹. Выясняется также, что некоторые из курдских вождей «просто обмануты словами корреспондента из своих корыстных соображений». Однако, тем не менее, пишет газета, «будьте уверены, что кажущиеся невеждами курды очень умны... и должны следовать только тем вождям, в чьей религиозной приверженности и честности они уверены». В редакционном примечании отмечается, что русский корреспондент выслан за пределы страны. Выдвинутая газетой мысль, что русский корреспондент являлся «русским офицером, прибывшим с рядом заданий», была подхвачена и другими органами турецкой печати. Последние начинают повсюду писать о русских агентах, которые, якобы, путешествуют по Западной Армении и призывают курдов требовать автономии.

Вот в такой атмосфере турецкие власти поднимают вопрос о пребывании Т. Ольгенина в Тигранакерте⁴⁰. В связи с этим 11 апреля он посылает телеграмму в «Биржевые ведомости», в которой сообщает, что, обвиняясь со стороны вали Вана и Битлиса в антитурецкой пропаганде, получил предписание из Константинополя немедленно покинуть Турцию, придерживаясь пути, на котором ему не встречались бы «ни армяне, ни курды».

Турецкий министр иностранных дел не счел нужным уведомить русское посольство о высылке Ольгенина. Из-за отсутствия в Диарбекире русского консульства публицист через местного французского консула послал в адрес русского посольства свой протест против действий турецкого прави-

тельства. Ольгенин был возмущен теми методами насилия, которые были применены турецким правительством по отношению к нему как к русскому журналисту, вся вина которого заключалась лишь в том, что он добросовестно констатировал действительное положение вещей⁴¹.

Отозвавшись на призыв Т. Ольгенина, органы русской периодической печати поднимают свой голос протеста в защиту его прав. Так, петербургская газета «Новое время» пишет, что Ольгенин выслан не за «антитурецкую агитацию», а «только потому, что он беспристрастно освещал печальную жизнь армян, стонущих под курдо-турецким игом. Мы думаем, что турецкое правительство избрало наименее убедительный способ для опровержения тех слухов о зверствах, чинимых над армянами, которые все более и более крепнут в печати. Преследуя корреспондента, константинопольские власти восстанавливают против себя всякого беспристрастного наблюдателя: ибо тот, кто боится гласности, расписывается в своей виновности»⁴². Газета «Речь» отмечает, что Ольгенин в своих корреспонденциях точно описывает неутешительную картину условий жизни западных армян, о которых не раз указывалось на страницах как русской, так и иностранной печати. Корреспонденции Ольгенина, как видно, были неуютны турецкому правительству, и по этой причине, подобно недалеким государством, оно также подвергло их автора административному наказанию. Способ «заткнуть рот» журналисту, добросовестно исполняющему свой долг, всем, естественно, покажется наилучшим доказательством того, что турецкое правительство бессильно, по существу, опровергнуть печальные сведения, сообщенные Ольгениным, констатировала газета⁴³. Вместе с русскими газетами свой голос протеста поднимает и «Мшак», добавляя, что Т. Ольгенин «послужил и Турции, по-

⁴¹ См.: Мшак, 30.IV.1913.

⁴² Новое время, 19.IV.(2.V.).1913.

⁴³ См.: Оризон, 27.IV.1913.

³⁹ Жаманак, 1–14.V.1913; Оризон, 17.V.1913.

⁴⁰ См.: Жаманак, 8–21.V.1913.

казав угрожающую ее существованию опасность»⁴⁴.

По требованию российского посольства в Константинополе и Министерства иностранных дел России Высокая Порта восстановила права Ольгенина. Однако, исходя из угрожающих последнему опасностей, «Биржевые ведомости» решают отозвать его⁴⁵. 15 апреля Ольгенин направляет в свою газету письмо, которое было напечатано в номере от 31 мая. Здесь публицист описывает зверства курдов, отмечает, какую хитрую политику проводит турецкое правительство, пытаясь направить в желаемое русло находящееся на подъеме курдское национально-освободительное движение. Правительство само прекрасно осознает, что бесполезно посылать против курдов различные большие и малые отряды карателей и старается действовать иначе — или подкупом, или антихристианской агитацией. Именно с последней целью, пишет Ольгенин, недавно в Среднем Курдистане путешествовали два молодых турецких делегата — диарбекирский Февзи-бей и битлисский Судулла-эфенди⁴⁶. Ольгенин замечает, что маршрут последних совпадал с его собственным и благодаря этому он имел возможность собрать много документальных материалов и убедиться в том, что деятельность указанных делегатов турецкого парламента среди курдов носила явно преступный характер. Именно в этот период младотурки в основу своей политики по отношению к христианам положили тесный союз между турками и курдами, а также на основе межнациональной вражды и религиозного фанатизма пытались возбудить курдов против христиан, обвиняя последних (особенно Россию) в поражении Турции в балканской войне. Россия, по мнению турецких делегатов, подкупила Абдул-Резака, шейха Сеид-шаха и других, чтобы они подняли восстание: повсюду она посылала своих агентов и тайных офицеров, которые путешествовали по Курдистану и пытались подбить курдов на восста-

⁴⁴ Мшак, 20.IV.1913.

⁴⁵ Там же, 24.IV.1913; Жаманак, 8–21.V.1913.

⁴⁶ См.: Оризон, 7.VI.1913.

ние против Турции⁴⁷. С такими проповедями эти делегаты стали вхожи в определенные слои курдского общества, пишет Ольгенин. Результатом этих заявлений, призывов, агитации, продолжает публицист, является то, что курды поднялись против христиан и это послужило началом неопишуемых преступлений. Это признают и сами курды, говоря, что поскольку европейские христиане довели Турцию до гибели, то они, как правоверные и примерные мусульмане, обязаны отомстить христианам за это. Европа далека от нас, и, посему, мы отомстим тем, кто рядом с нами⁴⁸.

24 апреля Ольгенин находился в Харберде⁴⁹, а 27 апреля прибыл в Ван⁵⁰. Здесь он встречается с различными слоями городского общества, в частности посещает училище Ерамян. В его честь организуется обед, во время которого русский публицист рассказывает о впечатлениях, полученных им от пребывания в армянских областях⁵¹.

4 мая Т. Ольгенин прибывает в Эрзинджан, где турецкое правительство устанавливает над ним бдительный надзор⁵². 10 мая он уже в Эрзеруме⁵³. Как и везде, армянская общественность и здесь оказывает Т. Ольгенину теплый, сердечный прием. «Только 3–4 шефа партии «Дашнакцутюн» несколько бурно выразили свои антипатии, — сообщает «Мшак». — Безусловно, подобное поведение не имеет никакого отношения и даже противоположно настроениям дашнаков Вана, Битлиса, Муша и других мест. Это противоречит также настроениям и стремлениям армянского населения... Прямо противоположно умонастроениям дашнакских групп, находящихся именно в Эрзеруме. Это Ольгенин уже имел возможность проверить».

⁴⁷ См.: там же.

⁴⁸ См.: там же.

⁴⁹ См.: Мшак, 26.IV.1913.

⁵⁰ См.: там же, 30.IV.1913.

⁵¹ См.: Оризон, 2.V.1913.

⁵² См.: там же, 9.V.1913; Мшак, 9.V.1913.

⁵³ См.: Мшак, 16.V.1913; Оризон, 19.V.1913.

Что же произошло на самом деле? Некоторые местные руководители партии Дашнакцутюн выразили недовольство Ольгениным — за использование последним против турецкого правительствa «бурного языка и за имевшие место скандалы» с турецкими властями. «Неужели вновь повторится трагический водевиль блока Иттихад-Дашнакцутюн?»⁵⁴, — задается вопросом «Мшак».

12 мая группа молодежи из Эрзерума направляет письмо в редакцию «Мшака», в котором, представляя благодарную деятельность Т. Ольгенина по изучению западноармянской действительности, пишет: «Его изнурительная работа — огромная заслуга перед судом турецких армян и армянским народом в целом, а также для иностранной печати и политических кругов, интересующихся судом турецких армян... Нашу любовь и симпатии мы преподносим г. Ольгенину, который вызвался стать и стал свидетелем освободительной борьбы армянства и принять те страдания, которые выпадали на долю турецких армян веками»⁵⁵. Затем авторы письма выражают пожелание, чтобы редакция газеты «Биржевые ведомости» дала бы возможность Ольгенину в центрах Кавказа и России прочитать лекции о совершенном путешествии и изыскать средства для опубликования результатов исследования.

2. Поэт-полководец А. Кулебякин на Кавказском фронте

Об *Александре Кулебякине* (1871-?) имеются сведения в изданной в 1915 г. библиографии С. Венгерова, где читаем: «Кулебякин Ал-др Парф., сотр. «Терс. Вед.», полк. 2 горско-

⁵⁴ Мшак, 16.V.1913. Кстати, на деятельность, развернутую Ольгениным, среагировали и органы американской армянской печати, а газета «Аспарез» («Арена») подвергла ее критике (Мшак, 13.IX.1913).

⁵⁵ Там же, 18.V.1913.

моздок. п. 1912 г.»⁵⁶. В 1920 г. арменовед, искусствовед и общественный деятель Левон Лисицян (1892–1921) писал: «Полководец Кулебякин, сам будучи терским казаком, питал всегда большую симпатию и интерес к армянскому народу, чувствовал и уважал его стремления и боль, и известен был как человек бескомпромиссной мысли и светлой души»⁵⁷.

С первых дней войны А. Кулебякин в чине полковника командовал Карадербентским отрядом, который обслуживал левый фланг Сарыкамышского отряда. Под его руководством доблестно сражалась «3-я армянская дружина под начальством Амазаспа Сервастьяна [Срвандзтяна]»⁵⁸. 4 ноября 1914 г. дружина прибыла в с. Делибаба, где в то время находился штаб русского отряда. 6 ноября дружина перешла в подчинение полковника Кулебякина, в отряде которого и получила первое боевое крещение в бою против курдов. 25 декабря 1914 г., будучи уже начальником Башкейского арьергарда, полковник А. Кулебякин направил донесение командиру 1-го Кавказского армейского корпуса генерал-майору Пржевальскому: «Сегодня 3-я Армянская дружина временно выбывает из состава вверенного мне отряда для реорганизации и пополнения своей убыли в Кагызмане. По долгу службы и совести считаю себя обязанным засвидетельствовать самую добросовестную, усердную и беззаветную работу всей дружины и особенно ее начальника Амазаспа»⁵⁹. А. Кулебякин особо отмечает роль Амазаспа в преобразовании дружины, состоящей из

⁵⁶ Проф. Венгеров С. Указ. раб., с. 432.

⁵⁷ Центральный государственный исторический архив Республики Армении (далее — ЦГИА РА), ф. 428, оп. 1, д. 77, л. 2–3. См. также: Закарян Ан. Участие генерала Александра Кулебякина в работе Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны. — Айккан банак (Армянская армия), 2002, № 1–2, с. 155–161 (на арм. яз.).

⁵⁸ Нерсисян М. Г. Обращение католика М. Хримяна к Николаю II (1907 г.) и другие архивные материалы по Армянскому вопросу (1912–1915 гг.). — ИФЖ, 1993, № 1–2, с. 179 (на арм. и рус. яз.).

⁵⁹ ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 5, л. 20.

русских и турецкоподданных армян, в отряд, отличающийся железной дисциплиной, стойкостью и порядком. По словам русского военачальника, во всех боях армянские дружинники «беззаветно шли на явную смерть» и «честно умирали» как «настоящие герои», проникнутые глубоким чувством к родине. Кулебякин с удовлетворением отмечает, что армянские бойцы выполняли все его требования «радостно и усердно», а сам Амазасп показал себя «настоящим вождем» своего отряда, «беззаветно храбрым, самоотверженным и твердым... исполнителем» указаний начальства, «беспощадным и стремительным» в бою, «справедливым и милосердным» к побежденным врагам. Русский полковник считал Амазаспа «достойным всякого поощрения» и был бы рад его возвращению с обновленной им дружиной в состав своего отряда.

Особым приказом командира 1-го Кавказского армейского корпуса генерал-майора Пржевальского от 27 декабря 1914 г. выносятся благодарности «за честную и доблестную службу» начальнику дружины Амазаспу Срвандзтяну и его дружинникам⁶⁰.

Несколько подробнее, в свете исследуемой темы, остановимся на истории создания армянских добровольческих дружин, так как дальнейшая работа русского полководца, как увидим ниже, была связана во многом с исследованием их также и их деятельности.

В 1914 — 1916 гг. по инициативе Армянского Национального бюро (Тифлис) и с разрешения российского правительства было организовано 7 добровольческих дружин, в рядах которых состояло около 9000 армянских бойцов⁶¹, оказавших существенную помощь русским в деле освобождения Западной Армении и спасения части армянского населения от турецкой резни. Летом 1916 года царское правительство расформировало эти дружины и на их основе организовало 5

батальонов, которые были включены в состав русской регулярной армии. В ноябре 1917 г. сформировался Армянский корпус Кавказского фронта, имевший в своих рядах около 20.000 человек⁶². Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант Ф. Назарбеков.

Формирование армянских добровольческих дружин вызвало много разноречивых откликов как в русском, так и в армянском обществе. Высказывалось, в частности, мнение, что этот шаг спровоцировал турок на «ответные действия» против западных армян. «Появление армянских дружин в рядах нашей армии не есть плод прихоти какой-либо политической группы или национального тщеславия. О, далеко нет. Оно — порождение вековой ненависти турецких же армян к Турции, пять столетий питавшейся их кровью и пять столетий осквернявшей один из красивейших уголков нашей планеты. Оно — плод глубокой симпатии к России — исконной защитнице восточных христиан. Это было и есть стихийное движение, вызванное вековыми страданиями мирного и культурного народа. Чаша была слишком переполнена, чтобы армяне открыто и смело не выступали против своих угнетателей, — в свое время в статье «Судите, но не осуждайте» заметил армянский писатель Ширванзаде (1858—1935). — И теперь, когда армянские дружины храбро проливают свою кровь за честь России и в защиту многострадального народа, было бы нечестно и бесчеловечно с чьей бы ни было стороны бросать малейшую тень на их бескорыстное самопожертвование.

Трагедия турецких армян вызвана не выступлением их и даже не местными восстаниями в турецко-армянских провинциях, как это силятся доказать некоторые политиканы. Наоборот, и появление дружин, и эти местные восстания вызваны беспримерными зверствами турецкого правительства. Кому не известно, что последнее давным-давно решило раз-на-всегда избавиться от народа, который не мало содействовал

⁶⁰ Нерсисян М. Г. Указ. раб., с. 179.

⁶¹ Арутюнян А. О. Кавказский фронт. 1914—1917 гг. Ереван, 1971, с. 297.

⁶² ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 30, л. 7.

моральной и физической гибели Турции.

Где же были дружины в 1895 году, когда по приказанию султана Гаида было истреблено 300.000 армян и в 1908 году, когда по приказанию младотурок было вырезано в Адане 30.000 армян?

Надо же быть объективным в столь серьезном обвинении»⁶³.

Не забудем также, что армяне внесли свой вклад в победу русского оружия со времен Петра Великого, в суворовских походах конца XVIII века, в Отечественной войне 1812 года, антинаполеоновской кампании 1812—1814 гг., в трех русско-турецких войнах и двух русско-персидских войнах XIX века, в русско-японской и Первой мировой войнах начала XX века. В течение этого времени в царской армии были организованы отдельные армянские дружины, сформирован офицерский корпус⁶⁴.

А. Кулебякин был участником и свидетелем общего наступления русской армии весной 1915 г., ее отступления, создавшегося тяжелого положения, оборонительных боев в Ване. «Восстание ванцев было вызвано систематическими преследованиями армян, не скрывавших своего тяготения к России..., — пишет он. — Турки стремились к ослаблению во всей стране армянского элемента путем экономического разорения, равно как и посредством единичных убийств видных армянских деятелей и массовых арестов и избиений... Так, например, в районах Абага и Беркри в марте 1915 г. было поголовно вырезано все население... Очередь доходила до Вана и его окрестностей ... Осведомленные о кровавых

⁶³ Кавказское слово, 15. IX. 1915.

⁶⁴ *Нерсисян М. Г.* Суворов и армяне. Ереван, 1982; *его же*, Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1965; *Арутюнян А. О.* Указ. раб.; История армянского народа. Т. 5, Ереван, 1974 (на арм. яз.); *Аветисян Г.* Армяно-русское боевое единство. Традиции и современность. — ИФЖ, 2000, № 2, с. 3 — 17 (на арм. яз.).

событиях, разыгравшихся в Абаге, Беркри, Тимаре, Арчаке, Агбаке и т. д., и убежденные в неизбежности и близости такой же участи и для себя, они (ванцы.—*Ан. З.*) в отчаянии взяли за оружие с решением: или погибнуть с честью, или освободиться. Искрой, зажегшей буйный огонь восстания, послужили два происшедших одновременно события: предательское убийство Ишхана, крупного деятеля, и арест Враряна, выдающегося политического вождя армян всего Ванского вилайета, члена турецкого парламента»⁶⁵.

События стремительно развивались на глазах А. Кулебякина, и он имел возможность по достоинству оценить действия армянских добровольцев. Вот что пишет русский полковник о них: «В связи с известиями о восстании в Ване настроение армян-дружинников было напряженное: все они с нетерпением ожидали утра, с началом которого должен был начаться и первый бой. У всех взоры и мысли и чувства были обращены в сторону Вана. Занятие Вана стало яркой мечтой армян-дружинников, из которых многие были уроженцами гор. Вана и окрестностей. Никакие трудности не могли ослабить порыва вперед, который охватил армян»⁶⁶.

С 17 ноября 1915 г. генерал-майор А. Кулебякин уже начальник Ванского отряда. В составе его находились также 1-я Армянская дружина под командованием Андраника и 3-я Армянская дружина, возглавляемая Амазаспом. В «Дневниковых протоколах первой Армянской добровольческой дружины» писаря полковника Андраника Вардгеса Агароняна, охватывающих действия дружины на Кавказском фронте в период с 25 декабря 1915 г. по 18 марта 1916 г., есть интересные подробности о первой встрече А. Кулебякина и Андраника.

Еще во время встреч с генералом Чернозубовым, 13—14 декабря 1915 г., Андраник выразил беспокойство в связи с находящимися в тылу русской армии вооруженными курдами.

⁶⁵ ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 6, л. 4—5.

⁶⁶ Там же, л. 6.

На вопрос армянского полководца, как относится Чернозубов к данному обстоятельству, русский генерал отвечает, что их следует разбить.

«25 декабря Андраник,— читаем в дневниковых протоколах В. Агароняна,— представился начальнику Ванского отряда генералу Кулебякину.

Андраник.— Я уже говорил с генералом Чернозубовым о курдах, и он одобрил очищение нашего тыла от вооруженных курдов. Надеюсь, Чернозубов уже сообщил Вам об этом.

Ген. Кулебякин.— Нет, об этом мне ничего не сообщено. У Вас есть какое-либо письменное распоряжение от генерала Чернозубова?

Андраник.— Нет, генерал поручил мне идти на Арчеш и очистить наш тыл от вооруженных курдов.

Ген. Кулебякин.— Это все равно, что он ничего не сказал. Это на него похоже»⁶⁷.

Затем генерал Кулебякин зачитывает для Андраника основные пункты телеграммы Верховного главнокомандующего о курдах: всячески постараться привлечь курдов на нашу сторону; не трогать мирных курдов; пользоваться их услугами и попытаться пробудить в них интерес к торговле; получать сведения посредством их о врагах; однако пользоваться вооруженными силами курдов только в тех случаях, когда можно быть уверенным, что они нас не предадут; не позволять курдам нападать на армян и персов; всячески стремиться примирить курдов и армян. А. Кулебякин подчеркивает, что именно этими принципами следует руководствоваться. От них можно в случае необходимости и отклониться. Андраник заявляет полководцу, что русские могут считать курдов своими друзьями, однако армяне не могут примириться с ними, так как все попытки армян к сближению с курдами в течение 20–25 лет ни к чему не привели; они, кстати, добавляет Андраник, на-

⁶⁷ Айастан (Армения), 16–17. VI. 1917 (на арм. яз.). См. также *Симонян Гр.* Время Андраника. В двух книгах: кн. А. Ереван, 1996, с. 493–494 (на арм. яз.).

падают также на казаков и солдат, что известно и русскому генералу. На это Кулебякин отвечает: «Я лично с вами согласен и не верю курдам (в пример приводит изменнические в отношении русских действия Бахри-бека из Хошаба.— *Ан. З.*)... К сожалению, я многого сделать не могу, так как моих сил мало. Пока моя задача — очистить ущелье Зилана от курдов и наладить связь с 4-м корпусом через Патнос»⁶⁸.

Именно в этот день генерал Кулебякин отдал приказ Арчешскому отряду, куда входила и дружина Андраника, 27 декабря наступать на Зилан-дзор⁶⁹.

И впоследствии Андраник телеграммами многократно обращался к Кулебякину относительно действий против курдов. В середине января 1916 г., опять же в связи с вопросом «о тыловых курдах», Андраник послал начальнику Ванского отряда Кулебякину подробное донесение о том, что если русское командование не уничтожит курдов, то продвижение вперед «никогда не может развить полного

⁶⁸ Айастан, 17. VI. 1917.

⁶⁹ Там же. По другим данным это наступление «было выполнено 30 ноября». Так, в документе «№ 70. Из исторической записки генерала Кулебякина о боевых действиях добровольческой дружины Андраника в составе Арджишского и Битлисского отрядов [конец 1915 г. — февраль 1916 г.]» читаем: «Район Зилан-Дараси, населенный воинственным курдским племенем (Зилан), был превращен турками в лагерь, куда стекались вооруженные курды. Под руководством турецких, а также нескольких немецких офицеров курды усиленно подготовились к операциям, которые намечались турецким командованием. ... Необходимо было прогнать назойливого врага дальше ущелья реки Зилан-Дараси-Су. Тогда генерал Кулебякин приказал войсковому старшине Александрову (в состав отряда которого вошла 1-я дружина Андраника. — *Ан. З.*) снарядить экспедицию против курдов, что и было выполнено 30 ноября» [(Андраник Озаян. Документы и материалы. — Вестник архивов Армении, 1991, № 1–2, с. 195. Ср.: *Карпетян М.* Армянские добровольческие дружины и национальные батальоны на Кавказском фронте (1914–1917 гг.). Ереван, 1999, с. 239 (на арм. яз.)].

успеха»⁷⁰. По приказу Кулебякина Андраник 20 января 1916 г. приступил к очищению от курдов северных и западных районов вдоль побережья оз. Ван до Ахлата.

Как видим, боевое содружество двух видных военачальников — Кулебякина и Андраника — имело крепкую основу. Именно этим можно объяснить лестные высказывания русского генерала об Андранике, связанные, в частности, с обороной Эрзерума. Прибытие сюда армянского героя, по словам Кулебякина, наполнило надеждой сердца защитников города, вселило уверенность, что Андранику удастся силой своего авторитета и популярности укрепить их боевой дух. Этому способствовали и личные качества генерала, поистине легендарная слава, всеобщая любовь к нему народных масс⁷¹.

Интересные сведения о деятельности А. Кулебякина в Ване и встречах с ним опубликовал уполномоченный Союз городов Аш. Атанасян. По сообщению газеты «Мшак», 11 марта в Тифлисе — в литературно-художественном салоне Т. Назаряна — состоялся доклад только что возвратившегося из Вана Аш. Атанасяна на тему: «Настоящее и будущее Вана»⁷². Сообщается также, что в подробностях доклад будет напечатан в газете. И вот в номерах с 15 по 20 марта печатается цикл статей Аш. Атанасяна «Три месяца в Ване (впечатления и факты)». В IV статье цикла значительное место уделено А. Кулебякину. Поскольку в ней есть достаточно примечательных подробностей, приведем эту часть статьи полностью: «...Наше второе посещение было генерала К[улебякина], который жил в бывшем русском консульстве. Генерату 46 лет, он статен, с уже седеющими волосами, с приятным лицом; он принял нас с присущей ему любезностью, сообщив, что наш отряд (медицинско-санитарный и сиротский отряд, который

⁷⁰ ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 8, л. 35.

⁷¹ Армянский корпус против турецких войск (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.). Воспоминания генерала Ф. Назарбекяна. Ереван, 1994, с. 12 (на арм. яз.).

⁷² Мшак, 13.III.1916.

был направлен Союзом городов в Ван.— Ан. З.) ждет давно, что позволит облегчить его ношу — оградить войско от эпидемии, обеспечив медицинскую помощью население. Далее генерал сообщил, что тревожные сведения, данные нам из надежных источников в Джульфе—Хое (о возможном наступлении турок и отступлении русской армии. — Ан. З.), ничем не обоснованы, что, наоборот, наши войска ныне надежно держат фронт и т. д. ... Разговор существенно развеял наше подавленное настроение.

Не менее заинтересованным было отношение генерала к ванским армянским национальным историческим святыням и ценным церковным реликвиям, которые были попорчены, разграблены, пропали ввиду ... попустительства армянского церковного управления; он удивлялся, что наши высшие духовные власти с самого начала войны не посылают ... ученых-священнослужителей, чтобы они по продвижении армии вперед тотчас же бывали в монастырях, церквях с целью спасения церковных и исторических ценностей от всякого рода грабежей и хищений.

Мы, краснея, слушали справедливые замечания обаятельного полководца и кое-как оправдывали ошибки Эчмиадзина присутствием служашего Императорского Археологического общества г. С. Тер-Аветисяна и миссией, однако генерал утверждал, что, к сожалению, эта миссия сильно запоздала: «Ныне боюсь, что г. Тер-Аветисян соберет лишь остатки и, возможно, десятую часть тех драгоценных вещей, которые можно было спасти еще 3 месяца назад»⁷³.

⁷³ В связи с изложенным приведем интереснейшие факты. В Тифлисе, в зале Географического общества, 15 марта состоялось заседание членов Кавказского отделения Императорского Московского археологического общества, на котором С. В. Тер-Аветисян сделал доклад о своей поездке в Ванский вилайет. Он подробно представил существующее положение, что косвенно подтверждает высказывание А. Кулебякина (об этом см.: Кавказское слово, 19.III.1916). Продолжением этой темы явилась публикация в «Мшаке»

С наилучшими впечатлениями мы распрощались с генералом, который тут же пригласил весь наш отряд назавтра на русское Рождество к себе в гости и на обед.

Затем, во время трехмесячного моего пребывания в Ване, я пользовался самым дружеским расположением этой приятной, сердечной и талантливой личности до такой степени, что когда ... зашел к нему попрощаться, мне казалось, что я прощаюсь с самым любимым другом-товарищем, с которым имел так много незабываемых встреч и поэтический дар которого в скором времени обогатит русскую литературу рядом прекрасных произведений, темой которых был разрушенный, но богатый ценными древностями и поэтическими традициями Веспуракан»⁷⁴. Как увидим ниже, пути-дороги А. Кулебякина и Аш. Атанасяна впоследствии пересекаются: они вместе работают в возглавляемом Туманяном «Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны» в 1918-1919 гг.

от 17 марта 1916 г. под названием «Новый случай». В ней говорилось о том, что действующая в районе Вана группа русских военных вместе со своим священником недавно официально обратилась в Эчмиадзин, к Католикосу всех армян, с запросом относительно получения Эчмиадином 2 пудов серебряной церковной утвари и украшений, которые были найдены этими военными в прошлом году в Ванской цитадели после ухода турок и после тщательного взвешивания, по списку были отправлены с одним известным армянином, пообещавшим доставить их непосредственно в Эчмиадзин. Не имея до сих пор сведений, доставлены ли ценности в Эчмиадзин, военные просят католикосат подтвердить получение. Из Святого престола отвечают, что никаких ценностей не получали и не имеют никаких сведений об этом. По мнению газеты, безотлагательно Эчмиадзин должен назначить расследование, и поскольку получившая эти ценности личность небезызвестная, потребовать от нее сдачи вещей, чтобы религиозные чувства честных русских военных и священнослужителя не были под ударом. Этот вопрос имел интересное развитие (об этом см.: Мшак, 26.III.1916). По всей вероятности, среди указанных в статье военных был и А. Кулебякин.

⁷⁴ Мшак, 18.III.1916.

В середине июля 1916 г. генерал-майор А. Кулебякин возглавил Соуджбулагский отряд. 28 июля по приказу командира корпуса, он объединил под своим началом Соуджбулагский и Тавризский отряды. Сохранился архивный материал (от 15 августа 1916 г.) с подробным описанием генералом боевых действий этого отряда во время Бокано-Саккизской операции с 24 по 31 июля 1916 г. и участия в ней 4-го и 6-го армянских стрелковых батальонов⁷⁵.

При взятии г. Саккиз, 31 июля 1916 г., генерал Кулебякин наблюдал атаку 4-го Армянского батальона, во время боя прислал ряд благодарственных телефонограмм. После взятия армянскими стрелками высоты 1027 он прислал подполковнику Осепянцу следующую телефонограмму, высоко оценивающую боевые действия и воодушевляющую сражавшихся в составе русских войск армян: «Поздравляю батальон с первым боевым крещением и первой победой. Благодарю за отличную боевую работу. Сегодня лично был на взятой вами неприступной позиции и на месте оценил труд и доблесть одолевших ее армян-стрелков ... Кулебякин»⁷⁶.

А. Кулебякин, как представитель высшего командного состава, при каждом удобном случае воодушевлял и ценил сражавшихся в составе русских войск армян. Это обстоятельство в свое время отмечал и Ов. Туманян, безусловно, имея в виду и А. Кулебякина: «Военные власти, четко видя находящееся в своей... армии армянство, оценили его самоотверженность и... всегда проявляли хорошее отношение; армянский народ, со своей стороны, служил ей [армии] и любил ее, как родную, и до настоящего дня ни одного недоразумения и недовольства не случилось между армянским народом и русским воинством, и сегодня... молодежь и русский солдат и казак, плечом к плечу, вместе сражаются... против врага России с истинным вдохновением»⁷⁷.

⁷⁵ ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 21, лл. 2-7.

⁷⁶ Там же, д. 18, л. 14.

⁷⁷ Туманян Ов. Полное собр. соч., в десяти томах. Т. седьмой, Ере-

Боевые действия на Кавказском фронте, как известно, характеризовались не только наступлениями русской армии и сражавшихся под ее началом армянских дружин, но и, к сожалению, внезапными, немотивированными, непонятными отступлениями... А. Кулебякин не мог не отреагировать на этот весьма пагубный, в частности, для судеб армян факт. Генерал в своем «специальном труде» следующим образом отзывается о вынужденных или тактических отступлениях русской армии, в результате которых мирное население оказывалось в бедствии. Он пишет, что необходимо было «надежным образом всеми средствами и способами укрепить уже занятые территории и не на них проводить стремительные маневры, которые, не будучи в достаточной мере подготовленными и укрепленными с тыла, обычно столь же стремительно переходили в отступление, оставляя на произвол судьбы не успевающее за маневрирующим войском армянское население. А за отошедшими войсками появлялся озлобленный враг и самым варварским способом сводил счеты с теми, кто не успел уйти, т. е. вырезали тех же несчастных армян... Повторяем, что русское командование должно было заранее предусмотреть все это, поскольку для такого предположения оно имело все данные, все примеры»⁷⁸.

За 300 последних лет подобные непонятные, вынужденные или тактические отступления русской армии повторялись множество раз, становясь причиной невысказанных бедствий армян, в частности, их бегства с родины и расселения в чужих краях.

1 июня 1917 г. генерал-майор А. Кулебякин — командир 4-го Кавказского армейского корпуса. При корпусе действо-

ван, 1995, с. 482 (на арм. яз.).

⁷⁸ Киракосян Дж. С. Указ. раб., с. 403. Рукопись указанного труда генерала Кулебякина, как пишет Дж. Киракосян, забрал с собой в Париж в 1919 г. М. Пападжанян, после чего, насколько известно, она утеряна (там же).

вали 1-й, 2-й, 5-й Армянские стрелковые батальоны⁷⁹.

Но вскоре, после ухода русской армии с фронта, положение армян осложнилось. Как истинный патриот А. Кулебякин откликнулся на разворачивавшуюся на его глазах трагедию. «Великие победы на Кавказском фронте привели к занятию большей части Турецкой Армении; с уходом же армии с фронта решила участь не только Турецкой Армении, но и всего Закавказья, сводились к нулю все завоевания, освященные беспримерным героизмом, доблестью кавказской армии, ее неисчислимыми жертвами, — с горечью писал генерал-майор Кулебякин. — Особенно тяжело было положение армянского народа, мечта которого об освобождении от векового зверского турецкого владычества уже почти совсем осуществилась; и теперь приходилось серьезно думать об организации обороны занятых кавказской армией армянских областей на случай ухода русских. Вставал грозный вопрос об единоборстве армян с турками, т. к. на грузин и татар Закавказья надежда была плоха, что впоследствии и оправдалось»⁸⁰.

Как убедились, А. Кулебякин, будучи непосредственным участником боевых действий в Западной Армении и свидетелем неисчислимых бед армянского народа, сумел впоследствии четко изложить все происходящее в своих исследованиях и наблюдениях, показывающих его незаурядную способность к трезвому анализу событий той тяжелой военной поры.

3. Гуманистическая миссия С. Городецкого

Среди представителей русской литературы и интеллигенции в целом, развернувших активную деятельность в Западной Армении и в Закавказье в период Первой мировой войны и последующие годы, особого внимания заслуживает *Сергей Городецкий* (1884–1967). Будучи тесными узами связанным с

⁷⁹ Карпетян М. Указ. раб., с. 164–165.

⁸⁰ ЦГИА РА, ф. 121, оп. 1, д. 15, л. 8.

армянской интеллигенцией, он выступил в защиту обреченных на скитание беженцев из Западной Армении, оставив в благодарной памяти поколений доброе имя подлинного друга армян в тяжелое для них время.

В начале апреля 1916 г. С. Городецкий, как деятель Всероссийского союза городов и корреспондент газеты «Русское слово», командирован на Кавказский фронт и прибывает в Тифлис⁸¹. Это был его третий приезд в Тифлис⁸² — в ту пору центр Закавказья, — совпавший со сложными общественно-политическими условиями. Армения и армянский народ, оказавшись в пучине войны, привлекали к себе внимание русской общественности. Так что Городецкий, приехав на Кавказ, уже был знаком с судьбой, историей и культурой армян.

Одним из первых деятелей культуры, с кем встречается Городецкий в Тифлисе, был Ов. Туманян. Приблизительно до 13 апреля в тифлисском отделении Всероссийского союза городов, получив назначение в Ван, русский поэт знакомится с Туманяном⁸³. И это знакомство во многом предопределяет направление его дальнейшей деятельности в Западной Армении,

⁸¹ Газета «Кавказское слово» 15 апреля 1916 г. извещала, что в ближайшие дни в Тифлис должен прибыть поэт С. Городецкий, а «Оризон» 16 апреля сообщает, что он уже в городе. В этих двух газетах в номерах от 21 апреля напечатано посвященное Ов. Туманяну стихотворение «Армении», которое датировано: «13 апреля, Тифлис». Следовательно, русский поэт прибыл в город до 13 апреля.

⁸² «С Тифлисом я связан с 1902 года, когда я, кончив гимназию, приехал к своей сестре — жене городского архитектора Алексея Константиновича Васильева», — писал С. Городецкий (*Городецкий С. Об Армении и армянской культуре*. Ереван, 1974, с. 189. В дальнейшем ссылки на цитаты из этой книги помечены в тексте). В семье сестры второй раз гостил в 1908 г. (там же, с. 77).

⁸³ Согласно свидетельству литературоведа Р. Погосян, встреча С. Городецкого и Ов. Туманяна имела место на третий день прибытия поэта в Тифлис (*Погосян Р. Старейший мастер «Цеха поэтов»*. — Литературная Армения, 1964, № 3, с. 66).

а затем в Закавказье. По приглашению Туманяна в тот же вечер русский поэт посещает его. Темой их беседы была судьба армянского народа, его горести и страдания, вера в Россию: царям «нужна Армения без армян! Им, а не русскому народу...» (с. 80), — говорил Ов. Туманян. Спустя годы Городецкий признается, что эти правдивые слова были первым ударом по его представлениям (с. 81). Беседа с армянским поэтом произвела на Городецкого неизгладимое впечатление, положив начало их искренней, бескорыстной дружбе. «Много я знал замечательных собеседников, — писал он, — но у Туманяна была такая горячность, такая искренность, что беседа с ним была художественным наслаждением. Он как будто открывал двери в свою душу и приглашал собеседника не таиться перед ним. Да и как можно было таиться перед этим прямо в тебя устремленным ясным и прямым взором?» (с. 79). Здесь уместно привести также слова грузинского поэта Т. Табидзе об этой характерной черте Туманяна: «Ованес Туманян был личностью в наше время исключительной и редкой! Незнакомому с ним может показаться преувеличением все, что о нем говорят. В этом человеке было столько обаяния, что каждый, с кем он заговаривал, становился его другом»⁸⁴.

Туманян как собеседник был прост, задушевен и очень пронизателен. Весьма характерен тот факт, что когда Городецкий высказал свою озабоченность тем, какие творческие импульсы можно почерпнуть из картин разрушенного Вана, Туманян ответил с глубокой пронизательностью: «Вы — поэт. Поэзия — это и есть познание жизни. Иначе она не нужна. Вы увидите жизнь страшную, жизнь народа на краю смерти. Напишите про то, что увидите, — это и будет поэзия» (с. 79). Искренностью, открытой «дверью души», великодушием он с первого же знакомства покорила сердце Городецкого, который, «потрясенный и окрыленный» встречей с Туманяном, посвящает ему стихотворение «Армении»⁸⁵. С этого дня вся дея-

⁸⁴ Табидзе Т. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964, с. 140.

⁸⁵ Как было отмечено, впервые опубликовано 21 апреля 1916 г. в

тельность и помыслы С. Городецкого связываются с Арменией, с проблемами ее исторических судеб, о чем он сам признается: «...мой путь стал мне ясен» (с. 80).

Спустя неделю, 20 апреля, он едет из Тифлиса в Ван⁸⁶ в качестве инспектора Всероссийского союза городов по Атрпатакану. Туманян в его честь дает прощальный обед в кругу друзей, из которых Городецкий вспоминает «молодого Дереника Демирчяна и седовласого Гарегина Вардапета (Г. Овсепян. — *Ан.З.*), знатока и собирателя древних армянских рукописей» (с. 81). Возможно, среди приглашенных были также близкие Туманяна — Л. Шант, Н. Агбальян и др., с которыми в дальнейшем Городецкий был связан тесными узами дружбы. Русский поэт вспоминает тосты, произнесенные по поводу «добрых проводов», в честь дружбы русского и армянского народов, в честь В. Брюсова, работу которого высоко ценил Туманян, и в особенности завет армянского поэта: «Берегите детей!».

Ованес Фадеевич провожал наш отряд на вокзал, и, прощаясь, еще раз повторил эту фразу, добавив:

— Не забывайте и курдских детей. Они такие же беспритонные, как и наши, армянские» (с. 81).

Знакомство с выдающимся армянским поэтом Туманяном произвело на Городецкого незабываемое впечатление. Об этом он говорит и в письме от 24 апреля 1916 г. из города

газетах «Кавказское слово» и «Оризон», затем в том же году, 1 мая, в еженедельнике «Армянский вестник» (№ 14, с. 4). Стихотворение на армянский язык первым перевел Г. Калашян (Оризон, 8.V.1916), затем — Е. Тер-Григорян (Мшак, 2.X.1916).

⁸⁶ «Кавказское слово» 22 апреля сообщало, что в Ван отправился уполномоченный Союза городов А. Атанасян, поэт С. Городецкий и др. По сообщению «Мшака» от 19 апреля, среди отправляющихся в Ван 20 апреля не упомянута фамилия С. Городецкого. В дневниковых записях поэта 1916 г. отмечено: «IV.21 (первоначально было написано 20.—*Ан. З.*) в 5 ч. — Увидел — Арагат» [(Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца (далее — МЛИ), архив С. Городецкого, № 5, с. 33)].

Хоя, адресованном Туманяну: «В душе у меня начинается какая-то новая песня, первое начало которой положено в Тифлисе, в гостеприимном Вашем доме» (с. 181).

В первые годы мировой войны определенная часть русской интеллигенции, даже передовая, не понимая империалистического характера войны, защищала политику царского правительства под девизом «война до победного конца»⁸⁷, победное шествие до захвата «Царьграда». В этом же духе в день объявления войны С. Городецкий написал стихотворение, посвященное демонстрации верных монархии подданных перед Зимним дворцом⁸⁸. Характерно, что ура-патриотические выпады Городецкого и других в январе 1916 года удостоились строгой критики в армянской печати. В статье «Война и русские воинственные стихотворения (1914—1915 гг.)» известный литературный критик Арутюн Сурхатян (1882—1938) пишет: «Слепым, фанатичным патриотизмом охвачен из лучших поэтов Сергей Городецкий. Все стороны отечественной действительности стали идеальными в его глазах. Россия — идеальный мир, живущий под ее небом должен познать лишь счастье и ликование.

Какая радость жить в России!

Воскликает поэт.

Ведь если быть Адама раю,

В России надо быть ему.

Слепой фанатизм довел поэта до того, что он, забыв смердящие раны и мрачные стороны своей страны, называет родину библейским раем... »⁸⁹.

И вот, еще полностью не избавившись от подобных настроений, С. Городецкий в апреле 1916 г. вступает на землю

⁸⁷ Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л., 1974, с. 32.

⁸⁸ Городецкий С. М. Мой путь: в кн.: Советские писатели. Автобиографии в двух томах (далее — Мой путь), т.1, М., 1959, с. 326.

⁸⁹ Мшак, 1.I.1916.

Западной Армении. Всего лишь год прошел после того, как трагическая весть о геноциде армян со страниц армянской и зарубежной печати дошла до широких слоев общественности. Благодаря наступательным действиям русских войск вновь освобождаются исконно армянские земли – Ван, Муш, Битлис... Перед взором Городецкого предстает картина страшной разрухи, непогребенных мертвецов, опустошенных сел и городов, картина, которую невозможно было вычеркнуть из памяти.

Историки, в числе западноевропейских и русских очевидцев событий, происходящих в Западной Армении, неоднократно ссылались на Городецкого, черпая из его произведений многочисленные объективные факты. Его поэтически изложенные впечатления, стихотворения, неоконченный роман «Сады Семирамиды», сотканный на материале кошмарных видений войны, заражают читателя, заставляя его глубоко задуматься. Подчеркивая, что Армения – это подлинно «райская страна», каждая пядь земли которой в то же время окрашена кровью народа, поэт заключает: «Невыносима мысль, что сотни тысяч мирных, беззащитных людей были подвергнуты людьми же неслыханным по зверству истязаниям, тончайшим пыткам тела и духа... Чувство, с которым стоишь на месте погрома, ни с чем не сравнимо по горю. Непоправимое несчастье, несмываемый позор, бессильный гнев за оскорбление души человеческой – вот первые ощущения, которыми дарит Турция» (с. 23). Впечатления Городецкого от погромов, преследований, воинствующей расправы над народом выливаются в образы и мысли, вызывающие содрогание, адресованные вандалам всех времен.

Летом 1916 г. Городецкий в ряде районов Западной Армении и в особенности в Ване ценой огромных лишений и трудов добивается отправления сотен осиротевших детей в Игдырь – в приемный пункт. Одновременно русский поэт по мере сил и возможностей пытается облегчить участь беженцев, всячески содействуя им. Видимо, именно такую цель преследовал С. Городецкий, приехав в конце июня – начале

июля в Тифлис и побывав на приеме у наместника царя⁹⁰.

23 июня 1916 г. Туманян в письме из Тифлиса сыну Артавазду в Ван отмечает: «Городецкий в ту же ночь приезда интересовался нами, но больше не приходил, его не видел... Приходили новые люди, новые русские знакомые. Сейчас они очень интересуются нами»⁹¹.

Как видно из ответа Артавазда на это письмо, в дни июльского отступления Городецкий вместе с ним приехал в Игдырь и в письме Артавазда от 10 августа шлет следующие строки приветствия Туманяну:

*Шлю сердечный привет
Крепко целую, желаю
Здоровья и сил. Масис
Тоже, клянется Вам
Седой своей головой.*

Ваш Городецкий⁹².

Потрясающие противоречия между жизнью и смертью, природой и войной, оскверняемые святыни, боль и лишения армянского народа в духовном мире С. Городецкого, органически впитавшем в себя традиции русской литературы, пробуждают желание самоотверженного служения этому народу: «Я был уже груб сердцем к тем дням от впечатлений войны, но, когда горное солнце озарило беженцев, я не мог удержаться, и слезы хлынули у меня из глаз. Я вдруг понял, что значит народное бедствие. Та минута навсегда сроднила меня с Арменией, а моя служба превратилась в служение» (с. 48).

В дни июльского мучительного отступления русской армии Городецкому придется с обездоленными, измученными армянами пройти дорогами панического бегства, увидеть и испытать «все беды беженства». После отступления и

⁹⁰ Оризон, 6.VII.1916.

⁹¹ Туманян Ов. Полное собр. соч., в десяти томах. Т. десятый, Ереван, 1999, с. 242 (на арм. яз.).

⁹² Там же, с. 616.

бегства, побывав в основном в Игдыре и непродолжительное время в Тифлисе и Ереване, поэт 22 сентября вновь возвращается в Ван⁹³. До середины ноября того же года Городецкий замещает здесь представителя Союза городов, возглавляет его работы⁹⁴ — организует дело санитарной и продовольственной помощи беженцам, открывает дома для сирот, приюты для беспризорных. «Подумайте только, буквально из крови и огня взяты детей и создать им, потерявшим все круглым сиротам, сносные условия жизни, когда кругом ад и смерть, — какая это настоящая радость! Ведь в этих маленьких птенцах — семена всей будущей жизни страны...» (с. 50), — пишет Городецкий, несомненно, уверенный в том, что спасенные им дети с благодарностью вспомнят его. Спустя годы, Городецкий писал: «Кое-кто из них сейчас работает в Ереване. Великой моей гордостью и радостью было и есть то, что я могу войти в любой дом в Армении и встретить там ласку и приют» (с. 83).

Западная Армения, эта «страна художественного быта», чарующая своей природой, вековыми материальными и духовными ценностями, одухотворенностью внутреннего мира армян, с первых же дней покоряет поэта. Обремененный тяжелыми заботами бедствующего народа, он все же находит время для того, чтобы побывать в «печальных цветущих садах Вана», искупаться в озере Ван, вода которого «мягка, как бархат», внимательно присмотреться к архитектурным сооружениям «скал-городов», прочувствовать всю «девственную» красоту и обаяние края. Особенно увлекается он народными песнями, легендами и преданиями, к которым впоследствии возвращается с интересными трактовками. Пленяющий мир Западной Армении, как «нескончаемая поэма», стал источником художественного вдохновения, и С. Городецкий находит время для того, чтобы кистью запечатлеть серию великолепных рисунков, интересные памятники, картины природы. Из

⁹³ См.: Оризон, 8.X.1916; Ашхатанк (Работа), 12.X.1916 (на арм. яз.); Арев (Солнце), 17.XII.1916 (на арм. яз.).

⁹⁴ См.: Армянский вестник, 1917, № 1, с. 19.

«ванской» акварельной сюиты выделяются рисунки «Озеро Ван», «Ван», «Двери Мгера», «Обоз», «Баязет», «Арчак», «Артамет», «Вараг», портреты ванцев, их одежда и т. д.⁹⁵. К слову, художественный дар Городецкого отметил в свое время выдающийся русский художник И. Репин.

Стараясь принести многострадальному армянскому народу как можно больше пользы, русский поэт в эти дни учится писать и читать по-армянски. В письме Нвард Туманян, дочери Туманяна, написанном из Вана 22 октября, в этой связи он пишет: «Я усиленно пытаюсь говорить по-армянски, но у меня теперь плохая память и дело плохо подвигается» (с. 184). До нас дошла записная книжка Городецкого 1916 года, где рядом со стихотворениями его рукой написаны на армянском языке буквы армянского алфавита, слова, имена и предложения⁹⁶. Всему этому он учился у сына Туманяна — Артавазда, у окружающих его армян⁹⁷, горькая судьба которых, их самоотверженные поступки и нравы достоверно воспроизведены в неоконченном романе «Сады Семирамиды».

Под непосредственным впечатлением увиденного и пережитого Городецкий писал и стихотворения, посылая их для опубликования в основном в московский «Армянский вест-

⁹⁵ МЛИ, архив С. Городецкого, № 57—73, 82—83.

⁹⁶ Там же, № 5, с. 63, 68—69, 77. Характерно, что вместе со словами и предложениями, написанными поэтом по-армянски, упомянуто имя поэтессы Арменуи Тигранян (с. 77). Несомненно, что в дни пребывания в Тифлисе Городецкий встретил ее у Туманяна.

⁹⁷ Артавазд Туманян вместе с Городецким поехал в Западную Армению и бок о бок работал с ним. Сын поэта погиб в 1918 г. близ Вана, на поле брани. В статье «Венок друзьям» (Кавказское слово, 8(25).XII. 1918) Городецкий вспоминает о нем, посвящая ему душевные строки. Как выясняется из писем Терьяна, адресованных В. Брюсову и К. Микаеляну, в июне-июле в Ване находился также известный общественно-литературный деятель Погос Макинцян (1884—1938), (Терьян В. Собр. соч., в 4-х томах. Т. 4, Ереван, 1979, с. 262, 267). Можно с уверенностью сказать, что Городецкий там встречался с ним.

ник». В еженедельнике под заглавием «Песни рая» и под эпиграфом «На небе рай, на земле Ван» опубликованы вдохновенные стихи – «Сад», «Где они?», «Руки девы», «Ван», «Ребенок», «Душевнобольная», «Панихида», «Прощанье». В то же время из Западной Армении он посылает корреспонденции в «Русское слово», отдельные записи, очерки, как например, «Хой», «Разоренный рай», «Согорский проспект», «Встреча с курдами», «Библейские беды», «Тыл и тылок», в которых представляет русскому читателю природу, рельеф, исторические памятники, быт местных жителей, памятные встречи, события, происходящие в тех районах, где он бывал.

После опубликования сатирического очерка «Три генерала», Городецкий прекращает сотрудничество с «Русским словом»⁹⁸ и в дальнейшем в основном печатается в выходящей в Тифлисе на русском языке органе армянских публицистов – газете «Кавказское слово». Именно здесь в 1917 г. публикуются его известные очерки под общим заглавием «В стране ручьев и вулканов», в которых представлены исторические пути армянского народа, его прошлое и настоящее, климатические и географические условия, многовековая культура. В той же газете печатаются его впечатления о Персии. Эти статьи-очерки, почти все без исключения, имеют большое историко-документальное значение: они являются своеобразными летописными страницами военных действий на Кавказском фронте и повествуют о событиях, имевших место в Западной Армении.

Находясь в Западной Армении, 6 ноября 1916 г. Городецкий получает травму – перелом ноги. Именно в эти дни начинается отступление из Вана. 17 ноября поэт организует необходимые передвижные средства и под личным руководством увозит 50 армянских сирот, 10 больных и многие семьи в населенный пункт Савали⁹⁹. Затем Городецкий едет в Тифлис, а оттуда – на лечение в Петербург. В феврале 1917 г. он воз-

⁹⁸ Мой путь, с. 326.

⁹⁹ См.: Оризон, 25.XI.1916.

вращается в Тифлис, а потом едет в Персию к местам дислокации действующей армии. В эти дни русский поэт в последний, третий раз побывал в разрушенном Ване, который для него стал своеобразным святым местом. «Из тех тяжелых дней вынес я светлую уверенность, что разоренный ванский рай восстановится скорее, чем можно этого ожидать, глядя на развалины: жизнь, ютящаяся в них, тому порукой» (с. 48), – с большой верой писал С. Городецкий.

Годы спустя, подытоживая пройденный путь, Городецкий признавался, что свою деятельность по оказанию помощи сиротам он считает одной из достойных страниц своей жизни. Именно здесь он, «...видя нищету и разорение, собирая сирот на дорогах, где белели затоптанные в прах кости армянского народа»¹⁰⁰, начинает освобождаться от прежних своих иллюзий, постигая подлинную сущность царской политики в отношении национальных меньшинств, о чем пишет в многочисленных своих статьях¹⁰¹.

С. Городецкий считал себя продолжателем славного дела В. Брюсова. «Он (Брюсов. – *Ан. З.*) еще более подружил Россию с Арменией. Я укрепил эту дружбу стихами и работой на фронте» (с. 84), – писал поэт.

Весной 1917 г., оставив действующую армию, С. Городецкий в качестве делегата фронта едет из Персии в Тифлис¹⁰².

* * *

Вспомним: традиции посещения древней Армении выдающимися русскими поэтами и писателями не нова. Так, одним из примечательных эпизодов биографии А. С. Пушкина является его поездка в 1829 г. в Закавказье и пребывание в июне-июле того же года на территории Армении, где тогда шла русско-турецкая война. Об этом он рассказал в изданном

¹⁰⁰ Мой путь, с. 326.

¹⁰¹ См., в частности: Кавказское слово, 3.IX.1917.

¹⁰² МЛИ, архив С. Городецкого, № 85.

им в 1836 г. очерке «Путешествие в Арзрум».

Причинами, побудившими поэта вопреки запрету Николая I отправиться в действующую русскую армию, было желание увидеться с сосланными друзьями-декабристами, интерес к закончившейся войне с Персией (1826–1828), в результате которой Восточная Армения была присоединена к России, а также к событиям войны с Турцией (1828–1829).

Выехав из Москвы 1 мая 1829 г., Пушкин 26 мая прибыл в Тифлис. Здесь он остался около двух недель, затем, 10 июня, направился в Карс, где тогда находилась русская армия. Проехав через Бзовдальский перевал, село Гергеры, Пернике, он 11 июня прибыл в Гумри, где остался на ночь, 12-го Пушкин был в Карсе, а спустя день, 13 июня, на берегу реки Карс-чай нагнал русскую армию и с ней совершил поход до Арзрума. Здесь он общался со многими из ссыльных декабристов и лицами, причастными к делу о «тайных обществах» — Н. Н. Раевским, И. Г. Бурцовым, В. Д. Вольховским, М. И. Пушиным, Н. Н. Семичевым, В. Д. Сухоруковым и др., лично участвовал в ряде сражений с турками. Пробыв три недели в Арзруме, Пушкин 21 июля выехал в обратный путь. Из-за чумы ему пришлось выдержать трехдневный карантин в Гумрах. 1 августа он прибыл в Тифлис, оттуда, через 6 дней — во Владикавказ.

В своем «Путешествии в Арзрум» Пушкин описал то, что замалчивалось официальной печатью: о героизме ссыльных декабристов, их огромной роли в победах русской армии; вместе с тем он показал и других героев войны — армян, грузин, их активное участие в боевых операциях, радость местного армянского населения в связи с освобождением от персидских ханов и турецких пашей¹⁰³.

¹⁰³ Об этом более подробно см.: Айвазян К. В. Пушкин в Армении (к 175-летию со дня рождения). — ИФЖ, 1974, № 1, с. 3–19 (на арм. яз.).

ГЛАВА II

АРМЕНИЯ, АРМЯНСКИЙ ВОПРОС И АРМЯНСКАЯ КУЛЬТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ И В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

1. Цикл лекций Т. Ольгенина «Исчезающая Армения»

13 мая 1913 г. Ольгенин выехал из Эрзерума и направился на Кавказ¹. Проезжая через Караурган в Александрополь, куда он прибыл 17 мая², Ольгенин 20 мая добирается до Тифлиса³. «Оризон» печатает корреспонденцию «У Ольгенина», в которой, представляя кропотливый труд публициста, пишет: «Ольгенин являет собой исключительный тип исследователя. Будучи бывшим корреспондентом «Нового времени» и офицером, он, как сам рассказывает, с трудом согласился ехать в Турецкую Армению, так как был равнодушен к Армянскому вопросу. «Ныне, — говорит Ольгенин, — я с ужасом вспоминаю обреченное положение армян, в котором они с беспредельной верой и любовью обращают свои взоры к России». Завершая статью, газета замечает: «Это впервые, когда видный русский публицист является перед общественностью и подтверждает положение турецких армян, вооруженный глубоким исследованием вопроса и беззаветной преданностью»⁴. А газета «Мшак», сообщая о его

¹ См.: Оризон, 26.V.1913.

² См.: Мшак, 18.V.1913.

³ См.: Оризон, 21.V.1913; Мшак, 22.V.1913.

⁴ Оризон, 23.V.1913.

прибытии, пишет: «По словам путешественника, положение страны ныне крайне неутешительное. ... Часть народа стала спешно переселяться. Она бежит от ожидаемой беды. Ольгенин в районе Малатии видел не отдельные семьи переселенцев, а большие группы, и в течение одного месяца из этого района выехали 470 семей... В течение нынешней зимы прибыли сотни переселенцев (мусульман.—*Ан.З.*) в Западную Армению и продолжают прибывать. С целью опустошения страны от армян османское правительство с некоторых пор открыло Земельный банк, которому поручено скупать земли армян по незначительно завышенным ценам, с тем, чтобы освободить земли для прибывающих мусульман. Эта политика ныне проводится с большим усердием, чем раньше»⁵.

Далее газета сообщает, что Т. Ольгенин собрал богатый материал о Западной Армении, сфотографировал многочисленные картины, лица, сооружения, и что 27 мая в театре Артистического общества состоится его лекция на эту тему. А до того, 23 мая, по инициативе редакции «Мшака» и «Литературно-художественного салона» в переполненном зале последнего организуется обед в честь Т. Ольгенина⁶. Распорядитель на обеде градоначальник Тифлиса А. Хатисян с речью, полной благодарных чувств, обратился к русскому публицисту. Этому последовала ответная речь, в которой Ольгенин, в частности, отметил, что он «старался открыть перед российской общественностью голую правду» о западных армянах. Затем слово взял редактор «Мшака» А. Калантар, отметивший значение исследования Ольгенина для Армянского вопроса. «Ольгенин прошел все шесть армянских вилайетов, проделал путь в 2300 верст, — сказал он в частности. — В прошлые важнейшие этапы Армянского вопроса мы видели европейских корреспондентов, которые выезжали в Турецкую Армению для исследований, — ныне мы никого из них не увидели. В нынешнюю тревожную пору единственным серьезным кор-

⁵ Мшак, 22.V.1913.

⁶ См.: там же, 25.V.1913; Кавказ, 26.V.1913.

респондентом является Ольгенин, который проник в Турецкую Армению при крайне неблагоприятных для себя обстоятельствах»⁷.

Выступили также известные армянские общественно-литературные деятели А. Ширванзаде, Г. Соловьян. Далее участники обеда решили обратиться к редакции «Биржевых ведомостей» со следующей просьбой, которая 25 мая телеграммой была послана в Петербург: «Представители различных слоев армянского общества, писатели, члены культурных учреждений, учителя, женщины выражают Вам признательность за посылку Ольгенина в Анатолию: он собрал очень ценные сведения о стране, населении и о его нынешнем политическом положении. Мы, ознакомившись с этими богатыми материалами, настоятельно просим Вас отложить выезд Ольгенина из Тифлиса, чтобы он имел возможность здесь обработать собранные весьма полезные материалы. Уполномоченные от имени 150 лиц — градоначальник Тифлиса Александр Хатисян, редакторы газет «Мшак» и «Апор» — А. Калантар и Г. Аракелян»⁸. Вскоре был получен ответ редакции газеты «Биржевые ведомости», в котором сообщалось, что Ольгенин может оставаться в Тифлисе еще на две-три недели — для обработки материалов о Западной Армении и подготовки их к печати⁹.

25 мая Ольгенин был приглашен на третий вечер, посвященный великому армянскому поэту позднего средневековья Саят-Нове и организованный Обществом армянских писателей в Тифлисском клубе¹⁰.

Следует сказать, что до лекции Ольгенина в закавказской печати было опубликовано множество статей, в которых была дана достойная оценка деятельности публициста и прозвучал призыв к армянам прослушать его лекции и по возможности

⁷ Мшак, 25.V.1913.

⁸ Там же, 29.V.1913.

⁹ См.: там же, 30.V.1913; Оризон, 30.V.1913.

¹⁰ См.: Мшак, 25.V.1913; Оризон, 25.V.1913.

поддержать его начинания. Одна из этих публикаций носит заголовок «Идите слушать», написанная неким «Е». «Завтра русский журналист Ольгенин прочитает свою лекцию об «Исчезающей Армении». ... Лекция Ольгенина написана кровавыми буквами об утопающем в крови народе. Редкое, единственное сообщение должно быть услышано из уст живого свидетеля об исчезающей Армении..., — пишет автор. — Воспринимаешь ли ты, читатель, всеобъемлющий ужас этих слов? ...И надо быть благодарным Ольгенину, определившему свое устное слово двумя такими словами, которые вызывают дрожь и содрогание в каждом *армянине*... «Исчезающая Армения». ...Иди, армянин, и послушай до конца живую историю от живого свидетеля о своих братьях, которые стоят в глубокой пропасти»¹¹.

26 мая в «Мшаке» публикуется программа лекции Ольгенина, а 27-го прошедший по шести армянским вилайетам известный русский публицист в театре тифлисского Артисти-

¹¹ Мшак, 26.V.1913. Кстати, отметим, что 17 апреля в зале театра тифлисского Артистического общества с лекцией на тему «Турецкий кризис и Балканский союз» выступил член Государственной Думы П. Милюков (Кавказ, 12.IV.1913; 19.IV.1913; Оризон, 19.IV.1913). Имя близко стоящего к государственной жизни докладчика собрало множество людей, пришедших послушать его мнение о тяжелом положении возрождающихся малых наций, в том числе и армян, об их освободительных устремлениях, о заявлениях и обещаниях великих держав. Однако ожидания присутствующих не оправдались: одобрительно говоря об освобождении балканских стран — Македонии, Албании, даже Аравии, докладчик ни словом не обмолвился об Армянском вопросе (Оризон, 19.IV.1913). Однако уже 19 апреля во втором прочитанном докладе в Народном Доме имени Зубалова он обратился к Армянскому вопросу и выразил надежду, что после «окончательного разрешения Балканского спора и Армянский вопрос получит свое положительное решение» (Оризон, 21.IV.1913). Интересно, что лекцию Милюкова в Баку азербайджанцы пытались сорвать, однако это им не удалось (Оризон, 24.IV.1913).

ческого общества выступает с лекцией на тему «Исчезающая Армения»¹². Полный до краев зал принимает Ольгенина с бурным воодушевлением. Он начинает свою лекцию, объявляя, что «невозможно прояснить полную картину о нынешнем положении Турецкой Армении за четыре месяца путешествия», однако готов сообщить «свежие впечатления вкратце и оставаясь исключительно в рамках объективности».

«Многие из знакомых и друзей, — говорит русский публицист, — мне задали вопрос, почему я выбрал слово «Исчезающая Армения»? Я отвечаю, что это сделал из глубокого побуждения и попробую ныне доказать правдивость этих слов, если не сказать «исчезнувшая Армения...»¹³. Затем докладчик останавливается на политике Турции и ее военной силе после Балканской войны, выражает мнение, что после поражения «Турция приобрела положительный, осязаемый результат: пробудилось мусульманское национальное чувство, разумеется, в шовинистическом духе. Волна турецкого националистического чувства докатывается даже до Кавказа...»¹⁴. Отсюда следует вывод, что как до этого, так и после Армянский вопрос становится для России очень важным вопросом, он стал русским вопросом. Ольгенин отмечает, что в Армянском вопросе Россия должна иметь в виду важнейший фактор — наличие курдского вопроса. Он подробно излагает свою точку зрения относительно курдов, описывает их прошлое, османское владычество, полузависимое положение, следующие один за другим их восстания против Турции, останавливается на зарождающемся новом движении курдов. Одновременно Ольгенин отмечает, что турецкие руководящие круги делают все для того, чтобы придать курдскому движению антиармянскую, антихристианскую направленность. Основной целью курдского движения он считает свержение дес-

¹² Мшак, 22.V.1913; Оризон, 29,31.V.1913; Кавказ, 29.V.1913; Жаманак, 7–20.VI.1913.

¹³ Мшак, 29.V.1913.

¹⁴ Там же.

потического турецкого ига, создание независимого Курдистана, возлагая при этом надежды на Россию. Затем докладчик описывает положение армян в вилайетах Вана, Битлиса, Диарбекира, Харберда, Сиваса, Эрзерума и считает его критическим.

«Я должен развенчать ...оптимизм восточных армян. Прежняя Армения более не существует — остался лишь ее жалкий вид. От прежних богатых городов ныне остались остатки, развалины. Там, в Армении вашей мечты, день и ночь возвышаются обломки прошлого... Армения ныне похожа на кладбище... Только в вилайете Вана армяне составляют 58% общего народонаселения, а в вилайете Муш — едва 70%. В остальных армянонаселенных местах армянское население не превышает 30%». Докладчик останавливается на действующих в Западной Армении армянских партиях — Дашнакцупон, с.-д. «Гнчак» и Либерально-конституционной, отмечает, что в вопросе проведения реформ в армянских вилайетах между ними существует согласие, но внутреннего единства, общей программы действий у них нет. «И если настанет критическая минута, армяне не будут готовы», — вот твердое убеждение Ольгенина, и он привлекает внимание закавказских армян именно к этому обстоятельству.

Т. Ольгенин переходит к экономическому положению турецких армян, говорит об аграрной политике правительства, о взаимоотношениях беков-землевладельцев и армянских подрядчиков, отмечает взимаемые с армян прямые и косвенные налоги, представляет деятельность так называемых аграрных банков. «Вот главная точка зла, над которой каждый болеющий душой армянин должен считать своей моральной обязанностью серьезно задуматься, чтобы земли турецких армян не были захвачены, — приходит к выводу Ольгенин. — Куда пойдет беспомощный армянин? Он не способен взять у бека землю в аренду, потерял собственную, нет промышленности, рынка и ему остается единственное — взять в руку проклятый

посох беженца...»¹⁵. Это означает, что к экономическим и земельным проблемам западных армян прибавляется и проблема беженства.

Русский публицист выражает мысль, что если это положение сохранится, то спустя 10–15 лет путешественник увидит в Западной Армении не исчезающую, а уже исчезнувшую Армению. «Российские и американские армяне, вообще живущие везде армяне должны серьезно позаботиться, задуматься над этим злом уже *сейчас*. Борьбу надо организовать днем раньше, часом раньше, минутой раньше. Иначе будет поздно»¹⁶, — призывает Ольгенин. Он отмечает также пути, способные преградить дорогу этому злу. Прежде всего, в противовес турецкому аграрному банку, — создание армянского национального банка, который должен не только предоставлять суммы турецким армянам, но и должен заложить основу союзов кооперативов, которые своей деятельностью существенно улучшат положение западных армян. Инициаторами этого дела должны быть закавказские армяне.

Далее Ольгенин говорит о религии, проявляет себя знатоком в вопросе понимания исторической, решающей роли церкви в сохранении армянского народа, осуждает веротступничество, которое достигло внушительных размеров. Говоря о деятельности миссионеров в Армении, русский журналист отмечает, что «их школьная деятельность, безусловно, в какой-то мере приносит пользу, но с национальной точки зрения они являются вредным элементом среди армян»¹⁷. Затем докладчик обращается к отношению турок к христианской церкви, к откровенно провокационной антихристианской пропаганде турецких должностных лиц.

Ольгенин развивает ту мысль, что турецким армянам в первую очередь должны протянуть руку сами армяне. Он не верит реформам, по его мнению, великие державы заинте-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, 30.V.1913.

¹⁷ Оризон, 31.V.1913.

ресованы «лишь в неприкосновенности Турции»¹⁸. «А сохранить целостность Турции — означает воевать против России, в этом вопросе воевать против России — означает быть врагом и Армянскому вопросу»¹⁹.

Русский публицист демонстрирует ряд фотографий армянских деревень, монастырей, достопримечательных мест — с объяснениями и комментариями. Продолжая лекцию, Ольгенин выражает свое отрицательное мнение о реформах в Западной Армении, обосновывая свою точку зрения тем, что Франция и Англия рассматривают Армению исключительно в качестве экономического рынка. Публицист подробно говорит об интересах России в Армении и отмечает, что «для российской общественности должно быть ясно, что Армянский вопрос это и русский вопрос»²⁰. Далее Ольгенин рассказывает несколько трогательных историй о теплом отношении и большой вере западных армян в Россию, отмечает, что «западное армянство устремило взор в сторону христианской России» и последняя должна поднять свой мощный голос в защиту армян. «Если этого не будет сделано, — говорит докладчик, — мы будем виноваты перед жертвенным христианским народом и российской государственностью...».

Публицист одновременно выражает свое отношение к действиям армянского народа в подобных условиях. Он прекрасно осознает, что сила армянского народа в его единстве и призывает все партии объединиться, затем «самоорганизоваться» (самообороняться). Ольгенин считает особо важным открытие в массовом порядке в армянских областях школ, обращается также к бесправному положению армянской женщины. Русский деятель высказывается о позиции России по отношению к Армянскому вопросу в связке с решением курдского вопроса, о моральной поддержке курдского движения и тем самым решения Армянского вопроса. «Сами курды

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Мшак, 31.V.1913.

не опасны для армян, это турецкое правительство делает их опасными»²¹, — вот его мнение.

Публицист завершает свою лекцию меткими и волнующими словами: «Сегодня исчезающий в адской стране младотурок турецкий армянин — душевно больной, телесно больной... свою последнюю надежду, чаяния связывает с Россией и, как писал русский деятель, говорит:

— Батько, где ты? Слышишь ли ты все это? Идешь?...

И слышен голос России:

— Иду...»²².

Выступление Ольгенина находит широкий отклик в среде кавказских армян. Отмечается, что «самой большой ценностью лекции является то, что впервые публично русский общественный деятель считает делом России спасение армян, показывает непредвзято свою симпатию и веру в измученный армянский народ и не стесняется... осудить нерешительную и недальновидную политику российского правительства в этом вопросе»²³. На страницах печати публикуются статьи и письма, в которых призывается немедленно принять меры по претворению в жизнь проблем, целей, прозвучавших в докладе Т. Ольгенина. Выражается пожелание, чтобы этот «весьма желательный, удачный и целесообразный доклад был повторен несколько раз и в других местах — для более широких слоев народа, а также на всех городских собраниях»²⁴.

9 июня в зале Армянского благотворительного общества Тифлиса намечалась лекция А. Арутюняна под названием «Что говорит Т. Ольгенин об Армянском вопросе?»²⁵.

Известный армянский общественный деятель, литературовед Аршак Чобанян телеграфировал: «Армянский комитет Парижа выражает свою искреннюю признательность г. Оль-

²¹ Оризон, 31.V.1913.

²² Мшак, 31.V.1913.

²³ Оризон, 31.V.1913.

²⁴ Мшак, 1.VI.1913.

²⁵ Оризон, 5.VI.1913.

генину за его благородный поход в пользу Армянского вопроса»²⁶.

29 мая 1913 г. Ольгенин отправляется в Баку²⁷. 2 июня он в библиотеке местного Благотворительного общества ведет беседу о своем путешествии²⁸, а 8 июня в театре братьев Маилянов повторяет свою лекцию «Исчезающая Армения». Армянская и русская местная печать публикует обширные сообщения о лекции Ольгенина. Из них узнаем, что и на этот раз русский публицист затрагивает в основном те факторы, которые имеют судьбоносное значение для существования армян (курдские притеснения, земельный вопрос и общественное положение западных армян). Мнение Ольгенина таково, что Армения для России и в экономическом, и в политическом, и в военном отношении играет исключительно важную роль²⁹. И посему «инициативу решения Армянского вопроса должна взять на себя Россия. Это ее и моральный долг, и того требуют ее государственные интересы. Россия должна исправить ошибки своего прошлого: если и сегодня Армянский Суд не будет решен, Российскому государству в будущем будет грозить большая опасность... Россия должна требовать не только проведения реформ, но и осуществления автономии Армении... Промедление хоть на один день для решения этого вопроса — смертельный удар и в отношении России, и в отношении армян»³⁰.

Заметим, что взгляды Т. Ольгенина об Армянском вопросе в целом созвучны воззрениям Ов. Туманяна. «Армянский вопрос связан... с успехами Российского государства, — писал великий поэт. — Кто препятствовал успеху России, тот препятствовал и благоприятному решению армянского вопроса. Кто, примыкая к Турции, шел против России, тот являлся со-

²⁶ Мшак, 4.VI.1913; Жаманак, 12–25.VI.1913.

²⁷ Мшак, 30.V.1913; Оризон, 31.V.1913.

²⁸ Бакви дзайн, 8.VI.1913.

²⁹ Там же, 11.VI.1913.

³⁰ Там же, 15.VI.1913.

участником турецких зверств и был в равной мере повинен в истреблении армянского народа, тот перед лицом истории человечества отвечает за пролитую кровь армянского народа»³¹.

«Оризон» 13 июня сообщает, что Ольгенин прочитал в Баку две лекции: «Исчезающая Армения» и «Тревога в Армении».

Лекции русского публициста в Баку удостоиваются внимания и азербайджанской прессы. Газета «Садайы хакк» подробно представляет выступления Ольгенина, отмечая, что он совершенно не знаком с поднятыми вопросами и не в курсе, что рассказанное журналистом — известные факты³².

Поездка Ольгенина в Западную Армению, исследования, проведенные им на месте, имели такой большой резонанс, что 6 июня на заседании Государственной Думы во время обсуждения Армянского вопроса делегат от Баку, Гандзака и Еревана М. Пападжанян, говоря о положении проживающих в Турции армян, представляя историю армянской проблемы, указывая на финансовое, правовое и земельное положение, шаткое состояние жизни и имущества населения, в значительной мере опирался на сообщения русского публициста³³.

Армянское благотворительное общество Нор-Нахичевана в телеграмме, посланной Ольгенину, отмечало, что последний, «жертвуя своей жизнью, открыл ужасы Турецкой Армении, привлек внимание просвещенных людей к жертвам деспотизма», и приглашало его прочитать лекцию и в Нор-Нахичеване³⁴.

Действительно, путешествие Т. Ольгенина в Западную Армению, его исследования, прочитанные им в двух крупнейших армянонаселенных городах Закавказья лекции имели большой резонанс. Как видим, пресса всесторонне освещала все это и отмечала, что «услышанные из уст чужого эти сведе-

³¹ Туманян Ов. О России и русской культуре, с. 48.

³² См.: Оризон, 3.VII.1913.

³³ См.: Мшак, 4,6.VII.1913.

³⁴ См.: Оризон, 11.VI.1913.

ния и приведенные цифры были восприняты благожелательно нашей общественностью. Общества сообщили, что опубликуют его сочинения, и способствовали тому, чтобы на лекциях было много народу»³⁵.

Примечательно, что Армянское национальное бюро, одной из основных целей которого было выдвинуть вновь на повестку дня международной дипломатии Армянский вопрос, для пропаганды в этом направлении, в числе прочих мер и программ, решило также «напечатать труд Ольгенина о турецких армянах»³⁶.

24 июня в тифлисской резиденции главы епархии армянская интеллигенция дает обед в честь русского вице-консула в Ване С. Олферьева и Т. Ольгенина. Распорядителем на обеде был редактор «Мшак» А. Калантар. Были произнесены многочисленные речи, основной темой которых был Армянский вопрос, положение армян в Западной Армении, культурные, торговые, экономические связи России с Кавказом³⁷.

25 июня Совет Армянского этнографического общества организует ужин в честь вице-консула С. Олферьева и Т. Ольгенина, в котором участвовали несколько членов Совета и Общества, гости, в числе которых был и великий армянский композитор Комитас. Кстати, весьма знаменательно его участие в этом мероприятии — в течение четырех лет музыкант отсутствовал на Кавказе и прибыл в Тифлис из Эчмиадзина в день мероприятия. Был поднят ряд тостов, в том числе за дружбу русского и армянского народов. По просьбе присутствующих Комитас исполняет армянские народные песни «Айастан», «Крунк» и другие. Взяв слово во второй раз, Ольгенин призывает помочь училищу Ерамян в Ване, которое после 35-летней плодотворной деятельности впало в долги и

³⁵ Там же, 5.VII.1913.

³⁶ *Нерсисян М. Г.* Обращение католикоса М. Хримяна к Николаю II (1907 г.) и другие архивные материалы по Армянскому вопросу (1912–1915 гг.), с. 174.

³⁷ Мшак, 27.VI.1913; Кавказ, 28.VI.1913.

стоит перед угрозой закрытия. Предложение было тепло принято присутствующими и были сделаны пожертвования³⁸.

Подведем итоги. В 1912–1913 гг. армянская, русская печать, а также пресса многих других стран писала, что турецкие власти развернули антиармянскую пропаганду, организуют группы разбойников и грабителей, их руками разрушают и разоряют многочисленные деревни и населенные пункты. Некоторые издания верно подметили, что идет подготовка к массовым, всеобщим погромам. Непосредственным очевидцем всего этого, пришедшим к подобным выводам, был и сотрудник петербургской газеты «Биржевые ведомости», известный в то время публицист Т. Ольгенин. В феврале-мае 1913 г. он объехал 6 вилайетов Западной Армении. В статьях под заглавием «Исчезающая Армения» он сообщил, что ряд высокопоставленных турецких должностных лиц, члены парламента и представители местных властей стараются настроить против армян мусульманское население, организовать новые массовые погромы, что при явном покровительстве властей уже имеют место погромы и грабежи. Ольгенин приходит к заключению, что против армян готовится ужасное преступление, которое приведет к огромной трагедии. Это дополняет те факты, из которых можно сделать выводы, что причиной геноцида были не армянские добровольческие отряды, созданные в 1914 г., и не самооборона армянского населения Вана в 1915 г., а захватнические пантюркистские планы младотурок-шовинистов, подготовленные еще в 1910–1911 годы на их тайных совещаниях и на съезде в Салониках и

³⁸ Мшак, 27.VI.1913. По сообщению «Мшак» от 1 января 1914 г., корреспондент «Биржевых ведомостей» Т. Ольгенин стал корреспондентом «Русского слова» и из Константинополя выслал этой газете материалы под заголовком «Исчезающая Армения». 11 апреля 1914 г. «Мшак» под названием «Армянский вопрос» перепечатал из «Русского слова» статью Ольгенина «Восстание курдов» — о событиях, происшедших в Битлисе в конце февраля — начале марта.

превратившиеся в государственную политику начиная с 1913 г.³⁹

По нашему убеждению, которое основано на вышеизложенном материале и вытекающих из него заключений, поездки Ольгенина по Западной Армении, разностороннее изучение и широкое освещение тяжелого положения армянского народа наряду с сформировавшимися взглядами и официальной позицией России также способствовали проявлению отношения царского правительства и общества к реформам в Западной Армении и ее внешней политике в этом вопросе.

Вскоре, 26 января 1914 г. подписывается русско-турецкое соглашение о проведении реформ в Западной Армении. Казалось, что в этом вопросе намечается прогресс, однако в условиях начавшейся Первой мировой войны Турция не только не выполнила условий договора, но с новой силой приступила к массовому уничтожению армян с апреля 1915 г., приведшему к геноциду армянского народа.

2. Геноцид армянского народа глазами русских журналистов

В преддверии Первой мировой войны среди самых широких слоев российской общественности вновь возрос интерес к армянскому народу. Красноречивым свидетельством этому является то беспрецедентное обстоятельство, что с первых же дней военных действий — с осени 1914 г., когда на Кавказском фронте, а именно в Западной Армении, начинались эти действия, в качестве военных корреспондентов в Тифлис стали приезжать и отправляться на различные участки фронта представители крупнейших органов русской печати — «Русское слово», «День», «Русские ведомости», «Новое время» и других газет, среди них — *Н. Ашешов*, *С. Поляков*, *Ф. Крюков*,

³⁹ См.: *Нерсисян М. Г.* Фальсификаторы истории (статьи и сообщения). Ереван, 1998, с. 53–55, 101–103, 126–128 (на арм. яз.).

И. Ясинский, *Ал. Вознесенский*⁴⁰ и многие другие.

В начале декабря 1914 г. в Закавказье находился петроградский литератор, впоследствии известный критик, журналист, историк *Вячеслав Полонский* (1886–1932). 6 декабря в Тифлисском Собрании лекционная секция по организации рождественского базара «Жертвам войны», при городском центральном комитете, организовала его лекцию на тему «Турция, Армения и Европа»⁴¹. До этого, 2 декабря в Баку Полонским был прочитан доклад «Мировая война»⁴².

В лекции «Турция, Армения и Европа» литератор, в частности, останавливается на тяжелом положении Турецкой Армении, население которой веками находилось под гнетом завоевателей, не раз устраивавших систематические погромы и резню. Полонский подробно излагает методы, с помощью которых Турция могла осуществить свое господство над завоеванными народами: «Для достижения своего замысла турецкое правительство в Армении прибегло к двум средствам: уничтожению армян и выдворению их за пределы родины»⁴³. Именно для этого и были созданы султаном полки гамидие. Затем лектор говорил о причинах попустительства великих держав, позволяющих Турции творить такие ужасы. По мнению В. Полонского, только Россия активно выступала в защиту христиан, «западноевропейские державы скорее потворствовали Турции, чем способствовали облегчению участи» этих народов⁴⁴.

Лектор считал, что с началом мировой войны, когда складывались новые геополитические интересы великих держав, «все народы, которые насильственно включены в состав Турции, должны получить самостоятельное политическое бытие...

⁴⁰ См.: *Кавказское слово*, 6.XII.1914; 7.XII.1914; 30.I.1915; 6.III.1915.

⁴¹ См.: там же, 10.XII.1914; *Оризон*, 12.XII.1914.

⁴² См.: *Оризон*, 6.XII.1914.

⁴³ Там же, 12.XII.1914.

⁴⁴ *Кавказское слово*, 10.XII.1914.

И это главным образом должно относиться к Турецкой Армении, так как освобождение ее от турецкого ига диктуется не только справедливым отношением к армянам, сохранившим черты самобытности, и объединенным в индивидуальное целое, но также диктуется государственными интересами России и Англии»⁴⁵.

Печать сообщает, что намечается повторение этой лекции в Баку 16 декабря⁴⁶.

Лекция литератора имела успех и вызвала интерес публики, о чем говорит и тот факт, что В. Полонский дважды 13 и 18 декабря — в концертном зале Артистического общества в Тифлисе должен был повторить свой доклад⁴⁷. После этих выступлений В. Полонского состоялись прения, в которых приняли участие известные армянские, грузинские и русские общественные деятели. Интересно отметить, что 25% сбора с лекции предназначались для оказания помощи беженцам из Западной Армении.

В сентябре 1915 г. в Тифлис приезжает *Василий Немирович-Данченко* (1844/45—1936)⁴⁸, брат известного театрального деятеля Владимира Немировича-Данченко, мать которых была армянкой. Вскоре он из Тифлиса отправляется на Кавказский фронт — в Западную Армению, где становится свидетелем трагедии армянского народа⁴⁹. Возвратившись с родины

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Оризон, 12.XII.1914.

⁴⁷ См.: Кавказское слово, 13.XII.1914; 16.XII.1914; Оризон, 16.XII.1914. Первая лекция В. Полонского была озаглавлена «Мировая война».

⁴⁸ См.: Кавказское слово, 17.IX.1915.

⁴⁹ Любопытная деталь: 15 мая 1915 г. Армянский добровольческий отряд полковника Андраника устанавливает связь с расположенным близ селения Берзун в Западной Армении «действующим под командованием полковника Немировича-Данченко Кубанским пластунским батальоном» (см.: *Симонян Гр.* Указ. раб., кн. А, с. 452). Достоверно нельзя утверждать, впрочем, что указанный

предков матери, поэт пишет ряд произведений об Армении, об обездоленном народе, которые в основном печатаются в еженедельнике «Армянский вестник». В них выражены переживания поэта за судьбу гонимого, измученного народа. В этом смысле выделяется стихотворение «За что? (посвящается г. Суслову и ему подобным)», написанное с остропублицистическим пафосом. Об истории этого стихотворения В. Немирович-Данченко писал: «На днях мне случилось прочесть в газетах об оскорблении, нанесенном в Батуми всему истекающему кровью армянскому народу неким... Сусловым. Разумеется, плевки таких господ не могут подняться на высоту, где стоит народ-мученик, умирающий на боевых полях вместе с нашими доблестными полками. Плевки упадут обратно на головы этих господ, какие бы они ранги не носили. Но оставлять такие гнусности без ответа тоже нельзя. Безнаказанное сквернословие заразительно»⁵⁰. Обращаясь к клеветникам, к великодержавным шовинистам и реакционерам с гневным протестом («Над чем ваш дикий смех, слепое осуждение // И злая ненависть?»), поэт упрекает их за незнание «кровавой летописи» армян, их былого могущества, говорит о созидательном труде армянского народа:

*О, если б летопись кровавую армян
Могли бы вы узнать!...*

И славны и могучи

*Когда-то были мы. На рубежах родных
Дружины смелая сбиралися, как тучи
В громах и молниях, на стражу прав святых...
В Армении цвела великая свобода
Благословенный труд счастливых деревень.
В руинах царственных погибшего народа—*

Немирович-Данченко и известные деятели — вышеназванные братья Немировичи-Данченко связаны родственными узами.
⁵⁰ Армянский вестник, 1916, № 47, с. 14.

*Вам не понять его тоскующую тень.
У наших алтарей не ваши ли молитвы?
Не тот же ли у нас животворящий крест?
Мы вместе с вами шли в огонь священной битвы
За общую судьбу одних и тех же мест.
Да, правда, мало нас! И меньше с
каждым годом*

Становится армян...

Этот народ, пишет Немирович-Данченко, мог бы спасти себя предательством и изменой, но он выбрал «апостольскую казнь». Поэт отождествляет себя с армянским народом, защищает его национальные интересы.

Любовью к родине проникнуты «Маленькие поэмы». В первой части — «На берегу Евфрата» — рассказывается об участии девушки-армянки, покинувшей родной дом, чтобы спастись от варваров. Она вспоминает свой дом на берегу Евфрата, все то страшное, что происходило там. Лирическим героем второй части — «У берегов Евфрата» — является ополченец, который в песках «чужих пустынь» ищет знамя своей дружины. Он уверен, что наступит час освобождения и «воскреснет родина».

В стихотворении «Молитва эмигранта» из цикла «Песни о Турецкой Армении» проявляются подлинно сыновьи чувства поэта к Армении. Страдания и раны родины болью отразились в его сердце, и он хочет разделить участь армян, быть вместе с ними «на кресте мучительном». Стихотворение «Весною» проникнуто глубокой верой в светлое будущее армянского народа («Мы верим, близок час расплаты!»), в его борьбу и волю к жизни («За ружья — в строй! Воскресший брат»).

Осенью 1915 г. на Кавказском фронте находилась также *Ариадна Тыркова* (псевдоним. — *А. Вергежский*) — литературный и общественный деятель, корреспондент центральных русских газет. Интересно, что она ранее в «Кавказском слове»

(26.VII.1915 и 15.X.1915) напечатала статьи — «Героизм и практичность» и «Петроградские письма». Вернувшись с фронта в Тифлис, она 5 ноября по инициативе Общественного клуба в зале Тифлисской музыкальной школы прочитала доклад на тему «Война и женщина», рассказав о военных действиях на фронте⁵¹. Интересна также книга, изданная ею в 1916 г. — «Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе», где она представила турецкую действительность — политическое движение в стране и различные стороны турецкой жизни. Проводя параллели между политикой Османской империи и младотурками, Тыркова отмечала, что здесь нет существенной разницы. Говоря о политике последних, она писала: «Беспримерное истребление армянского народа показало, что, несмотря на заимствованные из Европы программы и лозунги, младотурки, в сущности, ничем не отличаются от старых турок»⁵². В отдельной главе она нарисовала портреты младотурок, в том числе «палача армянского народа» — Талаат-бея. Тыркова считала, что история истребления армян — это «написанный кровавыми буквами приговор младотуркам». В книге армянам посвящена отдельная глава, в которой отражены любовь и уважение автора к армянскому народу. Особенно тепло говорит она о деятельности партии Дашнакцутюн в Турции. О погромах армян автор пишет: «Описание армянских погромов напоминает страшные летописи древних истреблений, когда победители убивали, мучили, насиловали и грабили побежденных с той разнузданностью, на которую из всех зверей способен только человек. В 1896 г. в самом Константинополе было убито в течение трех дней около 10000 армян, не говоря о десятках тысяч убитых, раненых и разоренных в больших и малых провинциальных городах.

⁵¹ См.: Кавказское слово, 5.XI.1915; 8.XI.1915; Оризон, 3.XI.1915; 7.XI.1915.

⁵² Тыркова А. Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе. Пг., 1916, с. 7.

После свержения Абдул-Гамида, тотчас после объявления конституции, произошел погром в Адане»⁵³.

В октябре 1915 г. в Тифлис приезжает один из популярных писателей того времени, корреспондент ряда русских газет В. Водовозов. Прочитав несколько лекций, он едет в Баку по приглашению «Литературно-художественного кружка», и, как сообщает бакинская армянская газета «Арев» («Солнце»), 23 и 25 октября выступает с лекциями, посвященными защите армянских беженцев. Возвратившись в Тифлис, 31 октября в зале Тифлисской музыкальной школы В. Водовозов вновь выступает с докладом⁵⁴.

Русский публицист живо интересовался Арменией и проблемами армян. Освещая в газете «День» задачи созываемого в мае 1916 г. Армянского съезда в Петрограде, он подробно писал также о судьбе и проблемах армянского народа в конце XIX – начале XX в. «Армянский народ оспаривает у бельгийцев, сербов и поляков печальную славу жертвы, наиболее пострадавшей от настоящей войны, и едва ли не имеет права на первенство, — пишет автор. — Отличительная черта армян то, что война только завершила то дело, которое по отношению к ним было начато уже очень давно, по крайней мере с русско-турецкой войны 1877–78 гг. Еще тогда во время этой войны положение армян в Турции вызывало в Европе и России большое сочувствие, и Россия в числе одной из целей войны с Турцией охотно указывала вслед за болгарам и на армян, как на народ, имеющий право на защиту и на освобождение от турецкого ига»⁵⁵.

Далее автор статьи дает историю последующего развития событий, в частности, останавливается на 61-й статье Берлинского «мирного трактата», обязывающей султана осуществить в Армении реформы и возлагавшей на европейские дер-

⁵³ Там же, с. 62–63.

⁵⁴ См.: Оризон, 25.X.1915; 31.X.1915; Мшак, 3.XI.1915.

⁵⁵ Цит. по: Армянский вестник, 1916, № 18, с. 8.

жавы обязательство следить за их исполнением, однако принесшей армянам лишь новые притеснения со стороны турок. «... Не успели еще высохнуть чернила, которыми дипломаты подписали от имени своих правительств обязательство следить за судьбой Армении, — продолжает корреспондент, — как и забыли о нем, и этот грех лежит в одинаковой мере на всех. Турция же, чтобы избавиться от своего обязательства начала ... систематическое истребление подвластного ей народа. В пяти армянских вилайетах была образована особая конная полиция, называвшаяся гамидие, и состоявшая из курдов, т. е. как раз того полудикого горного народа, от которого Турция обязывалась обеспечить армян. Армяне были отданы на жертву этой полиции, которая грабила и при случае вырезывала армян».

В. Водовозов приводит в статье кровавые события — Саунскую резню 1895 года, затмившую своими ужасами, по словам публициста, все более ранние погромы и напомнившую «ужасы нашествий Атиллы и Чингисхана». Курды сжигали церкви с запершимися в них тысячами людей, целые деревни с их населением, насиловали женщин, выкалывали глаза мужчинам и т.д. «Цель была достигнута, — резюмирует публицист, — армянское население было значительно разрежено, и не более двух вилайетов сохранили его заметное преобладание». Пришедшие к власти младотурки только усугубили положение армянского народа, устроив новую резню и погромы в Адане в 1909 г., потом Ване, Эрзеруме, в других местах. Автор публикует впечатляющие данные: «До 1895 г. число армян в турецкой Армении определялось приблизительно в 600–700 000 (всего в Турции их было около 1.200.000, несколько больше в России). Перед войной оно не превышало уже только 400.000»⁵⁶.

Корреспондент в своей газетной публикации в преддв-

⁵⁶ Там же.

рии Армянского съезда обращает внимание и на острый беженский вопрос, который должен быть, по его мнению, решен безотлагательно в ряду общих политических вопросов, стоящих перед этим всеармянским форумом.

В конце мая 1916 г. приезжает в Тифлис, затем направляется в Западную Армению в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости» и военного переводчика, проф. Лазаревского института, впоследствии известный востоковед, академик *Владимир Гордлевский* (1876–1956). Здесь он намеревался ознакомиться с условиями жизни беженцев, попутно – с беженскими и другими организациями кавказского отдела Союза городов⁵⁷. Поездка оставила неизгладимое впечатление в душе Гордлевского и по возвращении с фронта он пишет ряд статей-эпюдов – «Из истории Вана», «Эрзурум», «Мертвый город (Поездка в Ахлат)», «Из жизни армян в Турции», «Там, где в старину жили армяне» и др. На многочисленных фактах он показал роль армян – «носителей культуры в Малой Азии» – в экономической и культурной жизни Турции, поведал о резне армян в Битлисе, Муше, разоблачил турецкие правящие круги как организаторов геноцида армян, показал, что вину за геноцид несет и союзница турок – Германия. «Резня производилась по определенному шаблону, – писал В. Гордлевский. – Население уводилось из городов в пустынные места, чаще всего в уединенные ущелья, и там избивалось...

Будучи проездом в Битлисе, захватил я отголоски резни, происшедшей там. Как мне рассказывали местные жители, улицы, дома, где проживали армяне, церкви и монастыри были завалены трупами; женщины лежали убитые после изнасилования, трупы валялись нередко обугленные... В ущелье за Битлисом лежали горы трупов, у некоторых на шее были веревки с металлическими наконечниками, как будто сперва мучители прободали жертвы. То была бойня, беспримерное

⁵⁷ См.: Кавказское слово, 24.V.1916.

избиение народное. Люди потеряли как будто совесть. Но устыдился Евфрат и всплакнул кровавыми слезами – мост у Муша все еще сохраняет на себе полосы, следы, когда вздулась река от крови. Так погибло более одного миллиона армян⁵⁸». В. Гордлевский был уверен в жизнестойкости армянского народа. В статье «Из жизни армян в Турции» он писал: «Сотни тысяч безвинных армян пали в Турции жертвами зверств. С огромным мужеством шли на смерть сыны Армении; они знали, что через смерть армянский народ возродится к жизни, к лучшей жизни. И будет жить Армения!

*Наш воскрешенный край,
Несокрушимый край, –*

как пел восторженно в свое время О. Туманян, патриарх армянской поэзии⁵⁹.

Тяжелое положение Западной Армении привлекло внимание также видного государственного и общественного деятеля России, публициста *Александра Гучкова* (1862–1936). Осенью 1916 г. лидер октябристов побывал в Западной Армении. Это было его второе посещение края, а первое состоялось в 1895 г.

Общеизвестно, что резня западных армян, организованная в 1894–1896 годах кровавым султаном Абдул Гамидом, вызвала широкую волну протеста и справедливого гнева передовой интеллигенции многих стран. Россия, считавшая себя покровительницей христиан Востока, справедливо сочла эту акцию не только проявлением средневекового варварства, но и грубой антироссийской демонстрацией. Свой голос протеста против злодеяний османского государства подняли также русские ученые, писатели, представители

⁵⁸ Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 3, М., 1962, с. 129.

⁵⁹ Русские ведомости, 1917, № 133. См. также: Гордлевский В. А. Указ. соч., с. 130. Здесь эта статья в переработанном виде помещена под заглавием «Армяне и война».

общественно-политической мысли. Были изданы книги, брошюры, сборники статей, опубликовано множество материалов в периодической печати и т.д. Ряд русских авторов выступавших с реакционных позиций, были подвергнуты критике. Большой отклик нашел, в частности, весьма ценный сборник статей «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», изданный дважды — в 1897 и 1898 годах. Были организованы благотворительные общества, открыты сиротские приюты. Определенные шаги были предприняты и официальными кругами России. 11 декабря 1897 г. император Николай II подписал указ, согласно которому по всей стране был проведен сбор средств для оказания материальной и моральной помощи западным армянам, бежавшим от резни в Россию и нашедшим там убежище и приют. Мнение, будто бы Россия в те годы оставалась безучастной к трагедии западных армян, не соответствует действительности⁶⁰.

Газета «Кавказское слово» поместила рассказ А. Гучкова в номере от 27 ноября 1916 г. Председатель 3-й Государственной Думы, а в 1915–1917 гг. — председатель Центрального военно-промышленного комитета России воскрешает трагические страницы истории западных армян в 90-е годы XIX столетия. Он пишет: «Был ноябрь, суровая зима: по всем дорогам и перевалам снежные заносы. Отправились мы из Тифлиса сначала на Игдыр, затем в Баязет, отсюда спустились к Вану, причем, чтобы достигнуть этого города в это время года, пришлось сначала направиться в сторону Урмии. Картины опустошения всюду были ужасающие. Редкие селения армян, которых здесь в то время было много, не было

⁶⁰ Об этом см.: *Нерсисян М. Г.* Геноцид западных армян и русская интеллигенция в 1894–1896 годах. — ИФЖ, 1997, № 1, с. 15–24 (на арм. яз.); *Симонян П. С.* Помощь передовой русской общественности западным армянам (90-е годы XIX века): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ереван, 1981.

сожжено; население перебито или уведено в плен. Ван представил собою также одно пепелище, и только правительственные здания и дома турок свидетельствовали о его недавнем процветании. Как в Ване, так и в селениях нам изредка попадались страдальцы-армяне. Их мирный, почти библейский вид, покорность судьбе, запуганность — терзали наши души, и мы недоумевали, что могли эти люди сделать туркам, чтобы они их так возненавидели и так по-зверски обращались и уничтожали, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей... Всюду одна и та же шемящая душу от жути картина кладбища». А. Гучков верил в жизнеспособность армянского народа, о чем свидетельствовало, по его мнению, то, что «он (армянский народ. — *Ан.З.*) снова стал расти численно и экономически, развиваться на своем пепелище». Несмотря на новые сотни тысяч жертв в настоящей «кровавой бойне», известный русский государственный деятель говорил: «...я верю, что жизненные силы Армении еще не иссякли, ей принадлежит еще блестящее экономическое будущее, если только ее культурным силам дадут свободно работать».

На трагедию армянского народа откликнулся впоследствии известный политический деятель — большевик *Сергей Киров* (1886–1934), который в суровые годы войны работал на Северном Кавказе, интересовался положением армянского народа, откликался на его запросы и требования. В связи с этим он в 1916 г. опубликовал ряд статей во владикавказской газете «Терек». Так, в статье «Страдающий народ» он, осуждая преступления турок, которые «Под благосклонным оком союзной Германии... намереваются осуществить свою давнишнюю мечту о полном истреблении армянского населения..., всего армянского населения Турции!», писал о необходимости протянуть руку помощи остаткам заподноармянства, несчастным беженцам, оказавшимся в поисках мирной жизни также на Северном Кавказе. Киров подчеркивал: «С первых же дней войны... из Турецкой Армении шли одни и те же

кошмарные вести. Что делали там турки, об этом не расскажут слезы армянских женщин и детей, а варварски пролитая кровь мирного населения, переживающего невыразимый ужас и страдания, дает только некоторое, весьма отдаленное представление о голгофе армянского народа.

Быть может, только потом, когда останутся реки человеческой крови, новый Данте нарисует картину страшных мучений миллионов людей»⁶¹.

Представители русской творческой интеллигенции всячески старались помочь армянскому народу, облегчить участь беженцев и сирот. Так, известно, что дочь Льва Толстого — *Александра Толстая*, в составе «Врачебно-питательного отряда Всероссийского земского союза», прибыла в Игдырь в качестве сестры милосердия. Видя страшные беды, с первых же дней войны обрушившиеся на западных армян, она из Игдыря посылает в «Русские ведомости» статью под заглавием «Армянские беженцы». «Мне не приходилось никогда видеть таких страданий! Люди эти лишились не только своих семей, близких, родных, — они лишились крова, имущества, лишились всего»⁶², — сочувственно писала А. Толстая 26 января 1915 г. из Игдыря.

Александра Толстая побывала и в городе Ване, где установила связь с американскими миссионерами и вместе с ними помогала армянскому населению⁶³. За свою бескорыстную деятельность и неутомимую работу по оказанию помощи армянским беженцам она была награждена «Георгиевской медалью».

⁶¹ Терек, 14.II.1916.

⁶² Русские ведомости, 7.II.1915. Статья сразу же была перепечатана газетой «Кавказское слово» (12.II.1915), переведена на армянский язык и опубликована в «Мишаке» (12.II.1915).

⁶³ См.: Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915–1916 годы (Сборник документов и материалов). Вып. I, Ереван, 1995, с. XV.

Трагическая армянская действительность потрясла и других русских литераторов, которые в своих художественных произведениях отображали картины опустошения и разорения, тяжелую долю и страдания армян. В большинстве своем это были непосредственные фронтовые впечатления, напечатанные во многих русских периодических изданиях в 1916–1917 гг., но главным образом — в московском еженедельнике «Армянский вестник»⁶⁴. Среди них стихотворения *Александра Кушлю*, написанные в Ване, поэт собственными глазами увидел в «ночной тишине» потрясающую душу жуткую картину — среди дремлющих руин мертвого города старушка-армянка плачет над трупом («Ванская газелла»). В этом некогда красивом и цветущем, а ныне пустом и разрушенном городе — «тихий вопль немых страданий». Трагедия армян, как «злой кошмар», «злая язва-рана», гнетет мозг поэта и не дает ему покоя («Разрушенный Ван»).

Несколько стихотворений принадлежит перу *Константина Саянского*. В стихотворении «Армения», написанном в Эрзруме в 1916 г., поэт высказывает желание, чтоб «все народы» узнали «историю народа *одного...*», он хочет понять, почему молчанием были встречены муки и страдания армянского народа, за что истерзанная страна вся в крови и смерти. Вековые скалы отвечают, что в гибели «померкнувшей свободы Армении» виноваты все народы. Поэт обращается к Богу, умоляет его спасти Армению «от власти Сатаны, от Турции» и излечить ее раны.

Горячим сочувствием пронизаны стихотворения «Великой мученице», «Забытая», «Шествие мертвых», в которых отображена трагическая армянская действительность, опустошенная Западная Армения.

Оптимизмом проникнуты стихотворения *Степана Крот-*

⁶⁴ Об этом см. также: *Амирханян М. Д.* Русская художественная литература и геноцид армян. Ереван, 1990, с. 148–216.

кого, написанные в 1916 г. Поэт был очевидцем разрушения страны, видел «подвиг тяжкий» армянского народа, ощутил, как Армения жаждала «воли с давних пор». И вот над головой «поседевшей в тяжелых испытаниях» Армении «пробил» час спасения и счастья («Привет Армении»). В другом стихотворении — «За счастье родины» — поэт выражает веру в возрождение Армении, надеется, что для «страдалицы», «несчастной», «прекрасной», «любимой» страны настанут счастливые дни, народ избавится от «ужасов резни».

В 1916–1917 гг. цикл стихов об Армении написала *Екатерина Алексеева*. В стихотворении «Зинворам» поэтесса призывает скорбных сыновей Армении освободить «тяжко» страдающую родину. О горькой доле армянского народа повествует стихотворение «Песня ашуга». В нем звучит страстный призыв («О, Победы могучия крылья») положить конец «вековому насилию» и скорее обрести свободу. В другом стихотворении («Зачем вы молчите?») автор недоумевает, почему «родная страна» терпит столько горечи и мук, и обращается за ответом к звездам, к солнцу, к ветру, к небу, но и они молчат. А между тем «гибнет несчастный народ», находившийся «под тяжким ярмом, закованный в цепи невзгод!..». Такими же чувствами проникнуты и стихотворения «Зачем», «Мать Айастан». Для Е. Алексеевой Армения — истерзанный край, «страдалица святая», ее народ — мученик. Однако поэтесса полна оптимизма, с верой смотрит в будущее: скоро в этой «гордой» стране пройдет «ночная мгла», исчезнет «злая ночь» и для Армении встанет великая «заря освобожденья», за которой последует и «солнца яркого восход» («Рассвет», «Армении», «Тебе, о мученик-народ»).

С. П. Кротков был в Армении, видел красоту этой дивной страны, был очарован ею, но тяжелая действительность потрясла и его. Он стал свидетелем того, с каким героизмом и воодушевлением сражались армянские добровольческие отряды. Поэт восхищен смелостью армянских дружин, борющихся

за свободу родины («Песня армянской дружины»). В стихотворении «За что?» С. Кротков, обращаясь к «родной стороне» — Армении, недоумевает, почему народ, мечтавший о «воскресении», перенесший столько унижений и бед, сохранивший человеческую доброту, подвергается новому «удару». В то же время поэт верит в будущее Армении («Мы страстно ждем: придет то время, //Когда не будешь ты рабой...»). В стихотворении «Прощанье (из армянской жизни)» перед нами зримо встает образ смелого и отчаянного армянина-героя, с оружием в руках борющегося против «лютотого зверья» за свободу своей родины. В стихотворении «Картинка Армении» чудная природа Армении противопоставлена суровой действительности. В стихотворениях «Воспрянь, Армения», «Колыбельная песня армянки (на мотивы Рафаэла Патканяна)» — отражена вера поэта в счастливое будущее Армении.

Ряд стихотворений об армянском народе, о его трагедии написал в 1916 г. поэт и переводчик *Сергей Заров*. В стихотворении «Братьям армянам» он повествует о «печальной армянской земле», находившейся веками под «томительным гнетом», однако никто никогда не слышал «мольбы» армянина, не показавшего врагам свои «страдания». Поэт уверен, что настанет день, когда «гордый» армянский народ отомстит «за позор», восстанет за «святую». В стихотворении «Не плачь, ашуг» поэт просит не петь песни скорби и печали («Не надо слез — страдать мы так устали»), а наоборот, петь песни далеких времен, когда армянский народ был силен и боролся за победу. Поэт уже видит «свет зари» для армян, он призывает ашуга звать сынов Армении, поведать о «днях былых сражений» и послать защитников родины на бой. Одним из таких защитников был «печальный сын» Армении — Кери (Аршак Кафафян), командир армянских добровольческих дружин, героически погибший 15 мая 1916 г. в бою против турок под Ревандузом. С. Заров одним из первых воспел его подвиг в стихотворении «На смерть Кери», где подчеркивал веру героя в

то, что его родина «вновь обретет покой, увидит свет зари».

Стихотворения, исполненные любовью к Армении, его сыновьям и проникнутых глубокой верой в ее завтрашний день, написал поэт и переводчик *Юрий Верховский*. В стихотворении «Памяти Кери» он воспел подвиг народного героя. Поэт выступает как человек, который вместе с народом переживает, страдает, «надеясь и веря», что придет конец «испытаниям и тяжелой борьбе» и «розы в кровавых полях» зацветут.

Отважный подвиг Кери и его героическую смерть как очевидец описал в очерке «Кери» участник боя *Д. Давыдкин*. Русская армия вела тяжелый, неравный бой с врагом, который уже торжествовал победу. Но вот появился Кери и, вдохновляя своим личным примером солдат, ведя их за собой, ценной жизни заставил врага отступить. В документальном очерке «Незаметный герой» *Д. Давыдкин* показал героический поступок офицера-армянина, который в мирной жизни был незаметным человеком, но на поле боя оказался героем, погибшим, спасая другим. В очерке «Могила» *Д. Давыдкин* описал отпевание убитых в бою армянских добровольцев, показал в лице воина-священника преданность армянина родине, его стремление к свободе.

* * *

В силу различных обстоятельств политической и литературной жизни в 10-е годы жили и творили в Закавказье, или за время своего кратковременного пребывания принимали активное участие в литературно-культурной жизни края такие представители русской литературы, как Владимир Маяковский, Игорь Северянин, Василий Каменский, Константин Бальмонт, Федор Сологуб, Николай Клюев, Александр Куприн, Евгений Чириков, Вяч. Иванов, Рюрик Ивнев, Илья Эренбург и др. Они популяризовали русскую литературу и искусство, познакомились с жизнью и бытом, с историей и куль-

турой местных народов, в том числе армянского народа. Мы уже охарактеризовали политические, идейно-художественные устремления этих писателей в период их деятельности в Закавказье, их выступления и доклады, воссоздали атмосферу армянской литературной жизни, царившую вокруг русских писателей, выявили связи и контакты этих писателей с армянскими деятелями литературы и искусства, показали их сотрудничество. Раскрыли те сдвиги и изменения в литературных течениях (футуризм, символизм, акмеизм, критический реализм), которые произошли в армянской литературной действительности благодаря этим писателям, проследили за влиянием, испытанным молодыми армянскими поэтами в результате творческих контактов с русскими писателями⁶⁵.

3. Армения в стихотворениях А. Кулебякина

Армения, армянский народ, его трагедия, духовная культура были близки генералу А. Кулебякину. Активно участвуя в военных действиях, он находит время для изучения истории и культуры армянского народа. Под непосредственным и каждодневным впечатлением от увиденного и пережитого он одновременно создает волнующие душу стихотворения, его привлекают армянские народные легенды и эпос. Это увлечение не было для А. Кулебякина случайным, оно стало органичным продолжением интереса к родному казачьему фольклору, воплотившегося в 1913 г. в книгу «Гребеничка в плену. Казачья старина». Творчество А. Кулебякина не оставило равнодушным армянского читателя. Результатом этого явилось то, что «Армянский Комитет «Верашинутюн» на своем заседании от 24 февраля 1916 г. выслушал предложение вице-председателя комитета А. Аракеляна об издании в пользу пострада-

⁶⁵ См.: *Закарян Ан.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). Ереван, 1984 (на арм. яз.).

давших от войны на средства комитета поэмы А. Кулебякина «Дверь Мехера» («Дверь Мехера» является обработкой легенды о Давиде Сасунском и маленьком Мхере из эпоса «Сасунские безумцы», в которой воспевается героическое и историческое прошлое народа) и цикла стихотворений «Отзвуки Вана». Комитет под председательством Д. Б. Аван-Юзбашяна, вице-председателя Б. Навасардяна, секретаря С. Малхасяна постановил издать «поэтическое произведение генерала А. П. Кулебякина в количестве 3000 экземпляров и весь доход, обратить в пользу пострадавших от войны»⁶⁶.

На заседании комитета, состоявшемся 9 марта 1916 г., А. Аракелян доложил, что «поэма русского поэта Александра Кулебякина под названием «Дверь Мехера», которую решено было напечатать, уже сдана в типографию»⁶⁷.

Издаваемый в Москве журнал «Армянский вестник» о Кулебякине и о его поэме писал: «Русский генерал Кулебякин во время своей поездки по Васпуракану изучил армянские легенды и, в частности, легенду о «Давиде Сасунском и двери Мехера», с несколькими вариантами, которые переведены покойным Г. Халатянцем (из произв. Г. Срвандзяна). Ген. Кулебякин написал поэму на русском языке в стихотворной форме, под названием «Дверь Мехера. Ванская легенда». Узнав об этом прекрасном и поэтическом труде от Смб. Тер-Аветисяна, который привез с собой рукописное произведение ген. Кулебякина, и принимая во внимание, что «это

⁶⁶ Кстати, именно к этому комитету (имеющему основной целью оказать всестороннюю помощь армянскому народу в эти трудные годы) обратился в первой половине августа 1918 г. председатель Общества армянских писателей Ов. Туманян, прося выделить 50 тысяч рублей обществу для открытия кооператива и 20 тысяч рублей Совету Союзов Центрального Совета армянских землячеств — «для устройства своих важных начинаний в помощь армянскому народу в эти тревожные дни» (*Туманян Ов.* Полное собр. соч., в десяти томах. Т. десятый, с. 294–295).

⁶⁷ Мшак, 12.II.1916.

поэтическое произведение дает цельное понятие русскому обществу, чтобы и глубоко понимать, и переживать красоту той поэзии, которую дала эта многострадальная страна (Армения)», как пишет автор, «Комиссия по восстановлению Армении» решила издать на свои средства это прекрасное произведение ген. Кулебякина. С разрешения автора, мы в другой раз приведем предисловие автора»⁶⁸. Кстати, это предисловие было напечатано в «Мшак» (16 марта 1916 г.), а «Армянский вестник» перепечатал ее: «В обработанной мною поэтической легенде «Дверь Мехера» описан вид вдохновившего меня памятника, величественного и прекрасного, в своей суровой таинственности, а содержание взято из известных уже на армянском языке печатных текстов, записанных С. Айкуни и Г. Срванцтяном, и слышанных мною кратких рассказов. Эти тексты по моей просьбе лично переводил мне в Ване с армянского старший хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисянц, а я записал за ним»⁶⁹.

Лишь в начале августа 1917 г. книга А. Кулебякина «Дверь Мехера. Отзвуки Вана» вышла в свет в Тифлисе⁷⁰. С. Городецкий, русский поэт, живший и творивший в те годы в Тифлисе, откликнулся содержательной рецензией в газете «Кавказское слово» (11 августа 1917 г.). Поэма А. Кулебякина «несомненно, представит большой интерес, особенно теперь, когда Россия начинает узнавать и любить Армению», — пишет С. Городецкий. Говоря о важности обработок народного творчества, рецензент делает в то же время ряд замечаний. Суть их сводится к тому, что при обработке легенд или сказаний следует с первых же строк как бы ввести читателя «в древность и рассказать легенду изнутри ее, а не снаружи».

⁶⁸ Армянский вестник, 1916, № 7, с. 20.

⁶⁹ Там же, № 9, с. 19. Заметим, что предисловие, напечатанное в журнале, отличается от помещенного в книге, где небольшая часть его дана в примечаниях.

⁷⁰ Оризон, 4.VIII.1917.

Эта художественная позиция, несомненно, была затронута в беседах с Туманяном, с которым, как увидим далее, Кулебякин поддерживал тесные дружеские отношения. Заметим, в произведениях самого армянского поэта, написанных по мотивам народного творчества, мы видим «рассказ изнутри». В «Парване», «Ахтамаре», «Проклятой невестке» народное сказание, легенда, эпос осмысливаются как бы из глубин вековых дум о человеческом бытии.

Отмечая однообразие стилистического и языкового строя поэмы Кулебякина, как и в произведениях из цикла «Отзвуки Вана», Городецкий в то же время оговаривает легкость и звучность его строк, которые «всегда честны и грамотны». Считая рассказ «снаружи» недостатком и стихов, посвященных природе, критик добавляет, что это прискорбно по той причине, что «в чем-чем, а в искренности чувства А. П. Кулебякину отказать нельзя никак.

Он умилен и природой, и стариной Вана. Часто он бывает трогателен в своем умилении, например, когда говорит о разбитых иконах Варагского монастыря:

*И с иконы обветшалою,
Тайны прошлого храня,
Ты с улыбкою усталой
Грустно смотришь на меня» (с. 55).*

Эти слова, безусловно, относятся к почтенному человеку, чья книга, цикл стихов «Отзвуки Вана (1915–16 гг.)», примечания к ним (трудно представить, как за столь краткий срок ему удалось так много узнать об Армении, дать столь богатый и содержательный комментарий!) представляют несомненный интерес при воссоздании событий, происходивших на Кавказском фронте и, особенно, на Ванском направлении. «Ванские стихотворения написаны мною под непосредственным впечатлением виденных мест и слышанных рассказов. Я был в Ване с ноября 1915 по март 1916 года. Невыразимо тя-

желое настроение навеивает этот дотла разоренный, насыщенный смертью край, но природа его скрашивает даже ужас запустения и гибели... Везде отпечаток величия и древности. И развалины, развалины без конца»⁷¹, — писал А. Кулебякин в предисловии к «Отзвукам Вана (1915–16 гг.)» 25 марта 1916 г.

Указанный цикл стихов отличается искренностью, цельностью — стихи тематически связаны и дополняют друг друга. «Одно имя «Ван» уже много говорит тем, кто любит и знает историю, особенно же тем, кто в нем пережил и выстрадал войну, не говоря уже о детях того народа, который теперь ценою долгих страданий и жертв дожидается освобождения от векового гнета турок. Бог даст, сгладятся следы пережитого тяжелого времени, и настанут более счастливые дни освобожденного Россией края, но тем поучительнее тогда будет оглянуться на пережитое и ярко представить себе те картины разрушения и смерти, которые породила нынешняя мировая война в этой древней стране, овеянной дыханием неразгаданной красоты»⁷², — пишет А. Кулебякин.

Поэт-генерал в своих произведениях сочувственно описал трагедию народа, зверства турецких варваров [«Старый Ван», «Гибель Вана (июль 1915 г.)», «Аванц», «Слепая» и др.]. Стихотворение «Оборона Вана» проникнуто чувством уважения к армянам, которые «милости не просят» и героически борются за «свое существование» в ожидании русских войск:

*Жизнь поникла в древнем Ване,
Гнев пылает, слезы льются.
Из последних сил армяне
В ожиданьи русских бьются.
Бьются с злой турецкой силой
За родное достоянье,*

⁷¹ Кулебякин А. Дверь Мехера. Отзвуки Вана. [Тифлис, 1917], с. 43.

⁷² Там же.

*За поля отчизны милой,
За свое существованье*⁷³.

В стихотворении «Торжествующий Ван» Кулебякин передает радость ванцев, ликующих по поводу взятия Эрзерума русской армией. Радость обездоленного, разоренного народа велика — Россия спасла армян:

*Из стен Эрзерума восходит свобода
Россией спасенных армян,
И день окончания рабства народа
Празднует Ван.
Пред этой картиной геройской отваги
Молчит человеческий ум.
И только колышутся русские флаги:
Взят Эрзерум!*⁷⁴

А. Кулебякин особо отмечает русскую ориентацию армян. Говоря о том, какое воодушевление у ванских армян вызвало взятие Эрзерума русскими войсками, он в примечаниях к ванским стихотворениям писал: «Нужно было быть на месте среди ванских армян, чтобы видеть их радость по поводу падения Эрзерума. Этим кончилось их многовековое рабство. Восторг народа не имел границ: люди буквально плакали от счастья. Ликовала толпа обездоленного, разоренного народа, потерявшего все свое состояние, множество самых близких родных. Взятие Эрзерума сразу вселило в них уверенность в окончательном торжестве над исконным врагом»⁷⁵.

⁷³ Там же, с. 54. Кстати, трагедия армянского народа глубоко переживал и другой видный русский военачальник, сражавшийся в районе Вана, — полководец Сергеев. Он написал ряд стихотворений, в которых глубоко и прочувственно представил весь кошмар пережитого древним народом (см.: *Симонян Гр.* Указ. раб., кн.А, с. 481).

⁷⁴ Кулебякин А. Указ. соч., с. 96.

⁷⁵ Там же, с. 108.

Генерал Кулебякин был очарован Арменией и воспел ее дивную красоту, редчайшие памятники зодчества, достопримечательности Вана («На Ванском озере», «Ванская скала», «Вечер над Ваном», «Ардамет», «На лодке по Вану», «Варагский монастырь»).

Изучив армянский народный эпос, легенды и сказания, А. Кулебякин представил их в своей обработке в произведениях «Дверь Мехера» и «Ахтамар». Уже замечено, что, хотя они не отличаются оригинальностью творческого замысла и художественным мастерством, однако «имеют познавательное значение, знакомя русского читателя с памятниками армянского народного творчества»⁷⁶. «Нужно быть на месте действия этих легенд, нужно самому видеть эти древние памятники, эти полустертые следы отжитой культуры, эту величественную и загадочную природу, нужно в самом очаге местной жизни наблюдать характерные черты ее быта, сохранившего много древних форм, чтобы глубже понять и почувствовать красоту поэзии, порожденной этой многострадальной страной»⁷⁷, — писал А. Кулебякин в Вана 8 января 1916 г.

* * *

Генерал Кулебякин довольно активно занимался также переводческой деятельностью. Так, в первом номере (1918 г.) ежемесячника искусства и литературы «Агс» были в его переводе опубликованы стихотворение Нико Бараташвили «Конь», а также семь четверостиший Омара Хайяма⁷⁸. Интересно отметить, что 66 четверостиший персидского поэта он перевел еще в 1917 г. Так, 29 января в адресованном Ту-

⁷⁶ Ганалаян О. Армения в творчестве русских поэтов, с. 21. Об этих поэмах и стихах см. также: *Амирханян М. Д.* Русская поэзия и Ван. 2825, с. 6–20.

⁷⁷ Кулебякин А. Указ. соч., с. 3.

⁷⁸ Агс. Тифлис, 1918, № 1, с. 30–31.

маняну письме русский генерал говорит об этих переводах, упоминает, что высылает их вместе с письмом⁷⁹.

Под редакцией С. Городецкого в 1919 г. батумское армянское издательство выпустило сборник «Джейран», в который вошло также произведение А. Кулебякина «Нанэ (Ахлатская поэма)», посвященное Ов. Туманяну⁸⁰.

Перу А. Кулебякина принадлежит и ряд рассказов. Так, в художественно-литературном и юмористическом журнале «Радуга» (1919, № 1) был напечатан «рассказ А. Кулебякина с иллюстрациями О. Шарлемана...»⁸¹. Кстати, известный художник Осип Адольфович Шарлеман (по происхождению француз) в то время жил и творил в Тифлисе. Он был автором рисунка герба Грузии⁸².

В конце апреля 1919 г. усилиями поэта С. Городецкого в Тифлисе был издан первый поэтический сборник членов «Цеха поэтов» «Акмэ». Книга вобрала в себя произведения 22 поэтов, в нее вошли три стихотворения А. Кулебякина — «Аракс», «Я видел сон...», «Сквозистый лес...», направленные против войны и насилия. В стихах раскрывается тонкий поэтический мир Кулебякина, его переживания за «маленький уголок» земли — Армению и ее гордый народ. В стихотворении «Аракс» отображен весь кровавый кошмар пережитого:

⁷⁹ Перевод четверостиший с посвящением — «Ованнесу Фадеевичу Туманяну от уважающего автора А. Кулебякин. 29.1.1917 г.» — см.: Музей Ов. Туманяна, КП № 1072/2741.

⁸⁰ Джейран. Батуми, 1919, с. 13–31. Два экземпляра сборника хранятся в фонде печатных изданий (библиотеке) МЛИ: ф. С. Городецкого, № 50; ф. Ов. Туманяна, № 1775 (иллюстрационный отдел).

⁸¹ Слово, 23.IX.1919.

⁸² Городецкий С. Герб Грузии и автор рисунка к нему: Осип Шарлеман. — Закавказское слово, 8.II.1919.

*Играющий Аракс в разливе красных вод
Течет глубоким коридором.
Вверху уступы скал — граниты всех пород,
И мох ползет по ним узором.*

*И сводчатой дугой коричневый карниз
Навис, как слой руды железной,
И вереска кусты из трещин смотрят вниз,
И гнезда птиц видны над бездной.*

*Шумит, шумит река, кричат, зовут орлы
И плавно в воздухе кружатся.
От солнечных лучей на смутном фоне мглы
Косые отсветы ложатся.*

*Немолчный гул воды, неясный полусвет
И ветра замкнутого вздохи. —
На всем угрюмый тон, оттенок бездны лет,
Печать таинственной эпохи.*

*Из сумрака времен события встают,
Немые тени оживают,
И кажется порой, что камни вопиют,
А волны кровь переливают»⁸³.*

Река Аракс нередко выступала в литературе как символ армянского народа. Этот символ использован и Кулебякиным, хорошо знавшим историю и судьбу армянского народа.

На Кавказском фронте русский военачальник испытывает глубокое потрясение от увиденного. Красноречивое свидетельство тому — стихотворение «Я видел сон...», в котором поэт предсказывает, что человечество исчерпает человечность, дарованную богом:

⁸³ Акмэ. Первый сборник тифлисского Цеха поэтов. Тифлис, 1919, с. 36.

*Я видел сон: ушли в туман года,
Весь род людской истаял понемногу,
Изжив себя и опостылев Богу,
И зверь вошел в пустые города*⁸⁴.

Читая стихотворение, невольно вспоминаешь картины «Мертвого Города» из «Дантовой легенды» выдающегося поэта Егише Чаренца (1897–1937), который также был очевидцем событий на Кавказском фронте:

*Был город пуст. Во мраке ни крупницы,
Ни капли света, все одела тьма...
Уставив вверх ослепшие глазницы,
Молчали разоренные дома...
И мы вошли в какой-то темный дом...
Вошли... Пред нами, кровью истекая,
С открытым ртом, как будто хохоча,
Лежала женщина полунагая,
Но раны на груди и у плеча,
Рот, замерший в последнем содроганье,—
Все говорило здесь о поруганье...*⁸⁵

В «Мертвом Городе» Чаренцем описан Ван, разрушенный, оскверненный, с дымящимися от пожаров домами и садами. В этом городе он побывал солдатом-добровольцем, а Кулебякин — одним из командиров русской армии. Такими же впечатлениями, переживаниями проникнуто и стихотворение «Я видел сон...» Кулебякина. Видя во сне пустые города, населенные зверями, автор восстает против человеческой жестокости, и победу он видит без воинствующего человека-зверя, вечно молодом и красивом мире:

⁸⁴ Там же, с. 37.

⁸⁵ Чаренц Е. Стихотворения и поэмы. Л., 1973, с. 273.

*И, рдея жизнью вечно молодою,
Земля без нас мирам иных планет
Сияла той же светлою звездой*⁸⁶.

4. Лекции В. Брюсова об армянской поэзии

Первым из русских писателей и ученых, который занялся систематическим исследованием и неутомимой пропагандой армянской истории, культуры и литературы в России, является литературовед, поэт, переводчик, арменовед *Юрий Веселовский* (1872–1919). В конце XIX—начале XX вв. он сумел привить русскому читателю любовь и интерес к армянской культуре⁸⁷. Ю. Веселовский несколько раз побывал в Закавказье, в частности в Баку (1900–1905 гг., апрель 1908 г.), выступил с лекциями, тесными узами был связан со многими деятелями армянской литературы, написал ряд стихотворений, посвященных Армении и армянскому народу. В исследованиях «Положение армян в Турции до вмешательства держав»⁸⁸ и «Трагедия Турецкой Армении» он обстоятельно представил возникновение и историю Армянского вопроса, дипломатическую борьбу вокруг него, коснулся проектов реформ в Западной Армении и «гарантий» со стороны турецкого правительства. С болью Веселовский перечисляет трагические страницы истории армянского народа: «В 1890 году произошла известная эрзрумская резня, причем слабые попытки армянского населения воспротивиться своевольному обращению турецких солдат и чиновников были потоплены в волнах крови. К 1894 году относится грандиозная резня в Сасуне — нечто совершенно чудовищное... при трогательном единодушии

⁸⁶ Акмэ, с. 37.

⁸⁷ Об этом более подробно см.: *Давтян А.* Юрий Веселовский и армянская литература. Ереван, 1970.

⁸⁸ Русские ведомости, 1895, № 359.

курдских шаек и регулярных турецких войск: эта резня, с которой был связан ряд отдельных эпизодов, один возмутительнее другого, — вместе с погромами и избиениями 1895 года, устраивались планомерно и периодически»⁸⁹. Цель этих кровавых погромов — истребление или «насколько возможно» сокращение армянского элемента в Западной Армении, включает Ю. Веселовский.

В книжке «Дети обездоленного края» (1916), в статье «Страдающие дети (из мира ужасов турецко-армянской действительности)» (1917) Веселовский показал трагедию армянских детей — жертв политики геноцида, разоблачил турецкие власти, ссылавшиеся на государственную необходимость обезвредить армян: В статье «Страдающие дети...» он пишет: «Лживость этой обычной «канцелярской отписки», к которой прибегала столько раз Турция, чтобы замести следы или выйти сухой из воды, когда ее уличали в жестокости и беззаконии, конечно, была слишком очевидна, и ввести в заблуждение турецким дипломатам никого не удалось. Что среди «революционеров», с которыми боролось турецкое правительство, были дети моложе 10 лет, иногда грудные младенцы, это подтверждено было показаниями всех тех, кто не утратил чувства справедливости и беспристрастия»⁹⁰.

В публицистических статьях «Участь армян в изображении американского писателя», «На заре лучших дней», «Участь армян и подрастающее русское поколение», «Судьба Турецкой Армении»⁹¹ и многих других Веселовский с подлинным гуманизмом и симпатией к многострадальному народу обличал политику турецкого правительства, затрагивал вопросы общественно-политического значения Армении, ее настоящего и будущего. Известно, что он готовил книгу «Армянский вопрос и русское общество».

⁸⁹ Веселовский Ю. Трагедия Турецкой Армении. [М.], 1915, с. 18–19.

⁹⁰ Армянский вестник, 1917, № 39–40, с. 4.

⁹¹ Там же, № 5, 14, 31; Народный вестник, 1917, № 6.

Глубоко и всесторонне был знаком с культурой и историей армянского народа, поддерживал дружеские отношения со многими армянскими общественно-политическими деятелями русский писатель, общественный деятель *Максим Горький* (1868–1936). Он неоднократно обращался к судьбам армянского народа, выступал в защиту его интересов. В 1905 году Горький написал статью «О кавказских событиях», раскрыл сущность политики царского самодержавия в разжигании межнациональной розни между армянами и кавказскими татарами (азербайджанцами), результатом чего были погромы и резня армян в городах Закавказья. Об этих же событиях в памфлете «Русский царь» (из цикла «В Америке», 1906) Горький писал: «Армяне на Кавказе перебиты руками верноподданных татар. Но этому событию был придан вид вражды национальной, и нужно было верить, что так оно и есть, что это — правда. Но как могло случиться, что армяне и татары, века прожившие вместе... вдруг сделались непримиримыми врагами? Что ж тут мудреного? Ведь и землетрясения бывают тоже вдруг... Когда султан турецкий заставил курдов и своих солдат уничтожить армян — их уничтожили десятки тысяч...»⁹².

Пророческие предчувствия, которые начиная с революции 1905 года повторяются до наших дней...

Известна обеспокоенность Горького положением в Западной Армении в конце 1912 — начале 1913 года и в связи с этим его обращение к В. И. Ленину⁹³.

⁹² Горький и Армения. Статьи, письма, воспоминания и «хроника». Ереван, 1968, с. 27.

⁹³ 25 января 1913 г. Ленин писал Горькому: «Насчет дашнаков я ничего не слыхал. Но считаю слух вздорным (речь идет о возможном восстании армян под руководством партии Дашнакцутюн в Западной Армении: об этом сообщалось в статье «Турецкие армяне и Россия» в газете «Русское слово» от 9 января 1913 года. — *Ан. З.*) Это правительством пушено, которое хочет скушать турецкую Ар-

Своеобразным протестом против истребления древнего народа младотурками было издание под редакцией Горького «Сборника армянской литературы» (1916 г.), в создании которого участвовал В. Терьян и к которому неоднократно обращалось литературоведение.

Свое отношение к трагедии армянского народа Горький выразил годы спустя, в 1929 г., в написанном под впечатлением пребывания в Ереване цикле очерков «По Союзу Советов». Он писал: «...Помимо воли память воскрешает трагическую историю Армении конца XIX, начала XX веков, резню в Константинополе, Сасунскую резню, «великого убийцу», гнусное равнодушие христиан «культурной» Европы, с которым они относились к истреблению их «братьев во Христе», позорнейший акт грабежа самодержавным правительством церковных имуществ Армении, ужасы турецкого нашествия последних лет, — трудно вспомнить все трагедии, пережитые этим энергичным народом»⁹⁴.

* * *

В 1915 г. с целью ознакомления русской общественности с армянской культурой Московский Армянский комитет наметает подготовить к изданию антологию армянской поэзии. Комиссия, занимающаяся этим вопросом, обращается к М. Горькому с просьбой согласиться на редактирование этого сборника. Однако Горький отказывается, ибо он уже работал над «Сборником армянской литературы», и советует обратиться к *Валерию Брюсову* (1873–1924). Видный русский поэт с трудом принимает это предложение. В этой связи в предисловии к «Поэзии Армении» он пишет: «Только после долгих настояний отдельных представителей Комитета, — которым за это я обязан глубокой благодарностью, — согласился я сделать

мению» (*Ленин В. И.* Полное собр. соч., т. 48. М., 1964, с. 155).

⁹⁴ Горький М. Собр. соч., т. 17. М., 1952, с. 134.

опыт, пробу»⁹⁵. В течение трех месяцев он берет уроки армянского языка и литературы у Погоса Макинцяна, читает «целую библиотеку» литературы об армянской культуре, истории. В работу над сборником В. Брюсов вовлек ведущих деятелей русской литературы. Он сам переводит многие образцы армянской средневековой и классической поэзии XIX века. Вскоре в русской периодической печати один за другим появляется ряд переводов В. Брюсова из произведений Кучака, Саят-Новы, Дживани, Додохяна, Дуряна, Туманяна, Исаакяна, Мецаренца, Демирчяна. Благодаря его переводам еще более возрастает интерес русской общественности к армянской поэзии.

Одновременно, до создания антологии «Поэзия Армении», Брюсов предпринимает большую работу по популяризации армянской поэзии. После большой и серьезной работы, когда подготовка сборника близилась к концу, в Москве 15 октября 1915 г. «Общество свободной эстетики» русских писателей в одном из залов ресторана «Альпийская роща» организует вечер, посвященный армянской поэзии. Для членов общества, русской и армянской интеллигенции Брюсов читает пространственный доклад о древней, средневековой и новой армянской поэзии⁹⁶. «Теперь, — говорит поэт, — когда я в подлиннике ознакомился с Нарекаци, Ахтамарци, Кучаком Наапетом, Саят-Нова, Туманяном, Исаакяном, Цатуряном, Ованнисяном, Терьяном и др. армянскими поэтами, — только теперь я понял, какой драгоценный клад был скрыт от русского общества. Мне кажется, что перед нами была закрыта дверь, ведущая в дивный рай, о существовании которого мы были в полном неведении»⁹⁷. На вечере свои переводы чи-

⁹⁵ Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1973, с. 8.

⁹⁶ См.: Мшак, 25.X.1915; 29.X.1915; Оризон, 23.X.1915; Кавказское слово, 3.XI.1915.

⁹⁷ Кавказское слово, 3.XI.1915.

тают В. Брюсов, В. Иванов, Ю. Верховский, Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт. Особенно большое впечатление на присутствовавших произвели удачные переводы «Весна пришла» (Г. Ахтамарци), «Как дни зимы» (Дживани), «Рождение Ваагна» (Иоаннисиана), «Рыбак» (Цатуряна). На состоявшемся после вечера ужине были произнесены речи. В. Иванов заявил, что он не может скрыть своей искренней и горячей симпатии к Ов. Туманяну и А. Исаакяну.

Лекция нашла широкий отклик. И вот бакинский совет «Общества любителей армянской словесности» 21 ноября 1915 г. на своем заседании решил пригласить русского поэта повторить лекцию в Баку, а может, и в Тифлисе⁹⁸. 25 ноября председатель общества Тигран Иоаннисян и секретарь, литературовед Цолак Ханзадян посылают В. Брюсову письмо-приглашение, где говорится: «На последнем заседании Советом единогласно постановлено обратиться к Вам с просьбой, не найдете ли Вы возможным пожаловать к нам в Баку и повторить Вашу глубоко интересную лекцию об армянской литературе, читанную Вами в Москве...

Совет надеется, что Вы не откажетесь доставить бакинскому армянскому обществу удовольствие услышать мнение авторитетного критика об армянской литературе»⁹⁹.

Русский поэт с любовью принимает приглашение, желая ближе познакомиться с творческой интеллигенцией, с обычаями, бытом, духовной жизнью армянского народа. 26 декабря он телеграфирует Т. Иоаннисяну: «Благодарю. Лекция 8. Пятница. Программа «Поэзия Армении». Влияния, под которыми вырабатывалась самобытность армянской литературы. Поэзия древнейшая, народная, средневековая, новая. Различные поэзии турецких и русских армян. Значение армянской поэзии для европейских литератур. Лекция будет иллюстриро-

⁹⁸ См.: Оризон, I.XII.1915.

⁹⁹ *Татосян Г. А.* Из архива Валерия Брюсова. — Изв. АН Арм ССР, обществ. науки, 1959, № 5, с. 83.

вана образцами армянской поэзии в переводе автора. Подробнее письмом»¹⁰⁰.

В письме от 30 декабря Брюсов уже более подробно излагает программу лекции и одновременно сообщает, что выедет из Москвы 4 января и в Баку прибудет 7 утром¹⁰¹.

Итак, во главе с известным поэтом Иоаннесом Иоаннисианом (1864–1929) армянская общественность Баку 7 января 1916 г. встречает В. Брюсова. По этому поводу супруга Ц. Ханзадяна — В. Ханзадян вспоминает: «Поезд из Москвы прибыл вечером. Встречали поэта русские, армянские и азербайджанские писатели и журналисты, видные общественные деятели. Все были радостно возбуждены. У многих в руках были большие букеты цветов. Подошел поезд. У окна вагона показался Брюсов и рядом с ним его супруга — Иоанна Матвеевна. Гром аплодисментов, крепкие дружеские рукопожатия, краткие приветственные слова встречающих. Обоим преподносят цветы. Брюсов немного смущен таким теплым, искренним приемом, улыбается, благодарит всех»¹⁰².

8 января в переполненном зале театра братьев Маилян Брюсов читает свой первый публичный доклад в Закавказье — «Армянская поэзия». До нас дошла программа лекции. Вот она:

«1) Исторические судьбы армянского народа в их влиянии на его культуру. Различные воздействия, которые испытывала Армения за два с половиною тысячелетия своего существования: древней Персии и Эллады, Рима и Парфии, ранней Византии и новой Персии (иранизм и эллинизм); Сирии, арабской культуры, позднейшей Византии (ислам и христианство); Запада, в эпоху Киликийского царства; монгольского нашествия; владычества турок и персов; новой Ев-

¹⁰⁰ МЛИ, ф. Т. Иоаннисяна, № 264.

¹⁰¹ См.: там же, № 80.

¹⁰² *Ханзадян В. М.* Валерий Брюсов в Баку. — В кн.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 329.

ропы (через армянские колонии).

2) Общая характеристика армянской литературы. Ее возникновение и развитие. «Золотой век». Основные течения в древности и в эпоху средних веков. Общее значение армянской литературы. Ее место в ряду других литератур, ее самобытность и своеобразие.

3) Армянская народная поэзия. Языческий период. Песни духовные и обрядовые. Песни любовные. Древнейшие поэты Армении. Григорий Нарекский, Мкртич Нагаш, Нерсес Благодатный, Нагаш Иовнатан и др. Поэты «Шаракана».

4) Лирика XIV–XVIII веков. «Трубадуры» и ашуги. Наапет Кучак, Фрик, Оаннес, Григорий Ахтамарский и др. Саят-Нова, ашуг Дживани (XIX в.) и др.

5) Новая армянская литература. Ее возникновение и выработка нового литературного языка. Два течения: константинопольское (турецкое) и русское. Патканян и Шах-Азис. Дурян и Бешикташлян. Трехзвездие: Иоаннисиан, Туманян, Исаакян. А. Цатурян, его деятельность переводчика и самостоятельная. Демирчян и мн. др.

6) Молодая армянская поэзия. Русская школа (Терьян и др.); константинопольская (турецкая) школа (Чобаньян и др.); поэты идейные (Ш. Кургиян и др.).

7) Общие выводы. Возможности, открытия перед армянской поэзией. Значение армянской поэзии для европейских литератур, в частности – для русской. Будущее Армении¹⁰³. Доклад должен был иллюстрироваться наиболее характерными образцами армянской поэзии, в стихотворном переводе автора.

От имени «Общества любителей армянской словесности» В. Брюсова приветствует старейшина армянских поэтов – Иоаннес Иоаннисиан, выступление которого по существу

¹⁰³ МЛИ, ф. Т. Иоаннисяна, № 269; Закарян А. Программа лекций В. Брюсова в Закавказье. – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1986, № 3, с. 80.

вылилось в признание заслуг русской литературы, явилось данью признательности всему русскому народу. Воспитанник Лазаревского института восточных языков, человек большой культуры, Иоаннисиан в лице Брюсова приветствует русскую литературу, которая «питала и питает молодую армянскую поэзию и на которой воспитывается жаждающая знаний армянская молодежь России»¹⁰⁴. В то же время воздается должное Брюсову – человеку, «... который в час нашего бедствия проявил столько симпатии к народу-страдальцу. Велико значение вашей деятельности для нас и особенно ценна она сейчас, когда мы так жаждем вытекающего из чистого источника справедливого суждения. А какой источник может быть чище народного творчества, в котором отражается весь нравственный облик каждого народа, вся его духовная жизнь?...». Затем Иоаннисиан читает посвященный русскому поэту сонет, преподносит ему том своих стихов с надписью – «Дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову – другу армянской поэзии, на добрую память» и сонет с автографом:

*Где раньше – глыбы руин
Видали люди в ночи,
Да между голых вершин
Слыхали – плачут сычи, –
Обрел ты, скорбный поэт,
Поющий в дальнем краю,
Седого прошлого свет –
В слезах отчизну мою.*

*И понял – можем мы петь,
Хотя пока мы рабы,
Хоть суждено нам терпеть,
Но жребий нашей судьбы –*

¹⁰⁴ Армянские писатели о Валерии Брюсове. Ереван, 1975, с. 28.

*От древних кладбищ найти
К свободе светлой пути*¹⁰⁵.

В заключение русский поэт прочел в переводах отрывки из произведений известных армянских поэтов и свое стихотворение «К Армении»¹⁰⁶.

После лекции присутствующие стоя выражают благодарность поэту, по свидетельству В. Ханзадян, вся сцена была засыпана цветами, не было конца аплодисментам, возгласам «браво», общественность долгое время не расходилась, а В. Брюсов — «этот чудесный кудесник, стоял бледный, с опущенной головой и только молча кланялся»¹⁰⁷.

В тот же день, поздно вечером, «Общество любителей армянской словесности» в гостинице «Метрополь» устраивает торжественный ужин. Открывая банкет, председатель общества Т. Иоаннисян приветствует Брюсова и говорит: «...Если для великих народов литература является лучшим национальным достоянием, для мелких народностей она служит не только аттестатом культурной зрелости, но и чуть ли не единственным оправданием, единственной целью их самостоятельного существования. Отсюда — то глубоко благодарное, скажу, любовное отношение, которое эти народности проявляют к чужеземцам, изучающим их литературы.

Но значение Вашей заслуги перед армянским народом усугубляется тем, что Вы обратили внимание мыслящей России на красоты армянской поэзии в самый из трагических моментов его горемычной истории...

Чтобы понять чувство, которым полны наши сердца к

¹⁰⁵ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1963, с. 220.

¹⁰⁶ Арев (Солнце), 10.1.1916 (на арм. яз.). Содержание этой и последующих лекций в целом соответствует предисловию «Поэзии Армении», многократно анализировавшемуся, поэтому не считаем нужным возвращаться к данному вопросу.

¹⁰⁷ Ханзадян В. М. Указ. раб., с. 330.

Вам, глубокоуважаемый поэт, вспомните автора «Робинзона Крузо» Даниеля Дефо в тот момент, когда к нему, привязанному незаслуженно, невинно к позорному столбу, подошел совершенно чужой ему человек и на его израненное и оплеванное толпою чело возложил венок из живых цветов.

Такова Ваша заслуга перед армянским народом, и он не забудет ее никогда»¹⁰⁸.

После слов признания заслуг и благодарности Т. Иоаннисяна произносится много тостов. В своем ответном слове В. Брюсов подчеркивает, что армяне создали много ценностей и «ими могут гордиться также большие нации»¹⁰⁹, и по этой причине, подчеркивает он, переводу армянской литературы посвятили себя М. Горький, А. Блок, К. Бальмонт, В. Иванов и др. Участники вечера по единодушному одобрению посылают им благодарственную телеграмму. В адресованной М. Горькому телеграмме сказано: «По поручению участников банкета в честь Валерия Брюсова шлем Вам нашу глубокую признательность за Ваш благородный труд в деле ознакомления мыслящей России с духовным творчеством армянского народа, неразрывно связавшего свою судьбу с судьбою великого русского народа»¹¹⁰.

Достоин внимания и то, что на ужине зачитывается адресованная Брюсову телеграмма В. Терьяна и П. Макинцяна, присланная из Еревана: «Из страны Наири тепло и сердечно приветствуем нашего дорогого гостя Валерия Яковлевича и нежно склоняем головы перед Иоанной Матвеевной»¹¹¹.

В дни пребывания в Баку Брюсов ознакомился с городом, осмотрел его достопримечательности, побывал на нефтяных промыслах, встретился с рабочими и служащими, и всюду его сопровождала группа армянской интеллигенции во главе с

¹⁰⁸ Баку, 10.1.1916.

¹⁰⁹ Арев, 10.1.1916.

¹¹⁰ МЛИ, ф. Т. Иоаннисяна, № 263.

¹¹¹ Терьян В. Собр. соч., т. 4, с. 243.

И. Иоаннисианом. Так, 9 января он посетил армянскую школу. Около 400 учителей и учеников тепло и радушно встретили русского поэта. Школьный хор исполнил в его честь народные песни, ученики декламировали известные стихотворения Брюсова «Каменщик» и «К Армении». В своем слове поэт призывал «любить родную литературу и вместе с ней русскую литературу. Эти две литературы, — подчеркивал он, — сроднились... общечеловеческими чувствами»¹¹².

10 января Брюсов побывал на Балаханских и Сураханских промыслах (накануне был в Биби-Эйбате и Черном городе). С большим интересом ознакомился он с работой промысловиков, особенно заинтересовали его «храм огнепоклонников» и нефтяные фонтаны. Здесь же от имени товарищества рабочих Апшерона рабочий-армянин приветствовал поэта и поблагодарил за прочитанный доклад. Выступая с ответным словом, Брюсов отметил, что «нет большего счастья для поэта, чем сознание, что его произведения распространяются в широких слоях народа» и поблагодарил «за то большое удовольствие», которое доставила ему армянская поэзия¹¹³. 11 января поэт посетил библиотеку-читальню «Армянского благотворительного общества».

Везде и всюду представители самых различных слоев многонационального города высоко оценивают поэта: посещение им самого крупного промышленного центра Закавказья выливается в празднество, в настоящий литературный праздник.

В дни пребывания в Баку Брюсов неоднократно приглашался в Тифлис председателем «Кавказского общества армянских писателей» Ов. Туманяном с целью повтора лекции, имевшей большой успех.

11 января «Общество любителей армянской словесности» созвало чрезвычайное заседание, на котором было решено

¹¹² Арев, 10.I.1916; Баку, 10.I.1916.

¹¹³ См.: Арев, 12.I.1916.

проводить Брюсова в Тифлис всем составом общества. От имени общества ему была преподнесена золотая ручка. Т. Иоаннисяна делегируют для сопровождения Брюсова в Тифлис¹¹⁴. Поэта провожают также представители рабочих и интеллигенции¹¹⁵.

* * *

12 января, вечером, Брюсов прибывает в Тифлис, где его ожидает такой же сердечный прием. Вспоминая этот день, дочь Ов. Туманяна Нвард Туманян пишет: «В день приезда Брюсова группа общественно-литературных деятелей во главе с отцом пошла на вокзал. Брюсов был с женой Иоанной Матвеевной, встретили, познакомились. Сели на фэзтон. Приехали в гостиницу «Гранд отель»... Отец предварительно взял лучший двухкомнатный номер в этой первоклассной гостинице... Отец их пригласил на ужин к нам домой...»¹¹⁶.

На квартире Туманяна собрались армянские общественные деятели, члены редакций армянских периодических изданий, «молодые поэты г-жа Тигранян и г. Демирчян», завязалась живая беседа вокруг общественных и литературных вопросов, о впечатлениях Брюсова, полученных от Закавказья. Туманян показал ему рукопись Саят-Новы, Брюсов прочел отрывки из поэмы Туманяна «Ануш» в переводе В. Иванова¹¹⁷.

На следующий день в зале Артистического общества русский поэт выступил с докладом. О лекции, кроме газет, сообщали также афиши. По информации газет и свидетельству

¹¹⁴ См.: там же, 13.I.1916.

¹¹⁵ См.: там же. 11 января Т. Иоаннисян телеграфирует Ов. Туманяну и просит встретить Брюсова (МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 785).

¹¹⁶ Туманян Н. Воспоминания и беседы. Ереван, 1987, с. 136 (на арм. яз.).

¹¹⁷ См.: Оризон, 14.I.1916; Кавказское слово, 14.I.1916; Армянский вестник, 1916, № 1, с. 22.

современников, все билеты были распроданы в первый же день, и очень многие были лишены возможности попасть на выступление Брюсова. В день доклада «Оризон» печатает статью Ов. Туманяна «Приветствуем», в которой обстоятельно оценивается большое и благородное дело русских поэтов и в особенности Брюсова.

Таково же содержание вступительного слова Туманяна на вечере Брюсова. По его авторитетному признанию, в дни тяжелых национальных бедствий армянского народа, когда народ себя чувствует «физически слабым и беспомощным», с севера приехал известный поэт Брюсов, чтобы поделиться своими мыслями и чувствами, вызванными армянской поэзией, которую он считал «патентом на благородство армянского народа». «Мы приветствуем Вас как видного представителя русской литературы, — говорил он, — и с любовью и благоговением склоняемся перед прекрасной литературой великого русского народа... литературой, под влиянием которой воспитывались очень и очень многие наши писатели и интеллигенты. Сами мы давно уже связаны с русской литературой и теперь очень рады, что связь эта становится взаимной. И утверждаете ее Вы. Дай бог, чтобы Вы были не единственным высоким представителем русской интеллигенции, идущим к нам от имени русской литературы со словами любви и уважения»¹¹⁸.

Затем, «с серьезностью ученого и воодушевлением поэта», Брюсов, увлекательно и ярко, с небольшим перерывом в три с половиной часа, изложил результаты своей работы по изучению армянской поэзии по следующей программе: армянская поэзия; течения, под влиянием которых выработалась самобытность армянской литературы; поэзия древних времен, народная, средневековая и новая поэзия; различие между поэзией турецких и русских армян; значение армянской поэзии для

¹¹⁸ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 32–33.

европейской литературы. «Поэзия армянского народа — древняя, значительная и поразительная по красоте и силе, является «патентом на благородство армянского народа», — в заключении говорит В. Брюсов. — Народ и страна, создавшие такую поэзию, несмотря на нечеловеческие страдания, народ, так ярко проявивший величие духа среди неслыханных бедствий, такой народ может быть уверен в бессмертии»¹¹⁹.

Лекция, как и предполагалось, имела огромный успех. После доклада в честь лектора «Кавказское общество армянских писателей» дает торжественный обед. Как свидетельствует армянская газета «Пайкар» («Борьба»), Ов. Туманян, открывая банкет, в лице русского поэта приветствует тех представителей русской литературы, которые в дни тяжелых испытаний армян свое глубокое внимание обратили на изучение его культуры и представляют ее великому русскому народу. Брюсов «прочувствованным ответным словом» от своего имени и от имени друзей по перу благодарит за отношение, проявленное к проделанной ими работе. Затем от имени грузинской общественности Брюсова приветствуют Г. Робакидзе, И. Накашидзе, артист Ов. Абемян. Поэты Д. Демирчян и Г. Калашян читают свои переводы из Брюсова, А. Канчели — вступление «Витязя в тигровой шкуре» Руставели в переводе Бальмонта¹²⁰.

Доклады Брюсова в Баку и Тифлисе находят исключительное признание, широкий отклик на страницах армянской и грузинской печати Закавказья. Были напечатаны десятки статей и сообщений, в которых оценивалось почетное дело поэта, анализировались его характеристики, данные различным поэтам и в особенности армянской средневековой поэзии.

В опубликованной в газете «Пайкар» статье «Лекция

¹¹⁹ Кавказское слово, 15.I.1916.

¹²⁰ Там же; Мшак, 15.I.1916; Пайкар (Борьба), 17.I.1916 (на арм. яз.); Арев, 17.I.1916.

Валерия Брюсова» указывается, что на ней присутствовало «много народу», программа ее была составлена «широко и многосторонне». Но газета выражает свое несогласие с Брюсовым в связи с характеристикой армянской культуры как «постоянно колеблющейся между началами Восточной и Западной культур»¹²¹. Из критики этой отправной точки зрения лекции следуют и другие замечания автора статьи. Он считает смелым, но вместе с тем ошибочным то утверждение докладчика, согласно которому восточноармянская поэзия характеризуется «наличием восточного начала армянского исторического дуализма», а западноармянская — «западноевропейским началом». Таким образом, результатом «армянского исторического дуализма» считается то, что было трагедией народа. Армянский народ, всегда стремящийся к национальному единению, не по своей воле был разделен на восточную и западную части. По такому стечению исторических обстоятельств то в одной, то в другой части его культуры находили выражение разные тенденции, но на своем вековом историческом пути она развивалась в едином русле. Все это требовало глубокого историографического, социологического анализа исторического существования армянского народа, что, по мнению автора статьи, не отразилось в докладе. Замечания газеты «Пайкар» касались существа доклада Брюсова, на что указывает автор статьи: «... восхищенный языком и искусством армянских поэтов, он очень мало останавливается на их общественно-идеологической природе».

Бесспорно, для развития общественной, литературно-критической мысли того времени необходим был социальный анализ явлений. Но вместе с тем армянское литературоведение и критика, широкая читательская общественность остро нуждались также в художественном анализе и оценке литературных явлений, в раскрытии специфических художественных

¹²¹ Пайкар, 17.1.1916.

особенностей, и поэт Брюсов, благодаря своему высокому вкусу и обширным познаниям, восполнил этот пробел. Он подходил к армянской поэзии как поэт, выявляя богатство образной системы, ее музыкальное, изобразительное начало. Однако при этом он скромно признавался, что в проделанной им работе могут быть упущения. 20 ноября 1916 г. он писал И. Иоаннисиану: «Многое в ней (в сборнике «Поэзия Армении». — *Ан. З.*) не так хорошо, как того хотелось бы, *много* не достаёт, кое-что и неверно, но силы человеческие ограничены. С чистой совестью могу сказать, что я сделал, что мог»¹²². Это он писал в те дни, когда антология была уже издана.

Лекции В. Брюсова явились подлинным событием в армянской литературной жизни и с большим воодушевлением были встречены в самых широких слоях армянской общественности. Бакинский корреспондент армянской газеты «Арев» из Тифлиса сообщает, что «аудитория была в восторге, и вот уже целая неделя, как имя Брюсова слышится повсюду, благоговейно читают стихи средневековых поэтов в школах, редакциях и даже в парках и домах»¹²³.

И понятно, это не был обычный доклад. Его лекция стала крупным духовным и культурным событием. В этой связи интересно обобщение «Кавказского слова» о том, что «тяга русских поэтов к поэзии грузин и армян есть сама по себе поэзия. И потому доклад Брюсова был великолепной поэмой, равно ценной для местной культурной жизни и для культурной жизни России»¹²⁴. Та же газета 15 января сообщала, что от общественности Тифлиса редакция получила многочисленные письма с просьбой, чтобы Брюсов повторил доклад, поскольку не все имели возможность послушать его.

Но русский поэт не имел этой возможности, ибо 15 ян-

¹²² Брюсов В. Указ. раб., с. 192.

¹²³ Арев, 21.1.1916.

¹²⁴ Кавказское слово, 15.1.1916.

варя он уже выехал в Ереван¹²⁵.

* * *

По поводу обстоятельств поездки Брюсова в Ереван И. Брюсова пишет: «К концу нашего пребывания в Тифлисе туда приехал П. Н. Макинцян, чтобы уговорить Валерия Яковлевича приехать в Эривань и там прочесть хотя бы одну лекцию, а оттуда поехать в Эчмиадзин. Валерий Яковлевич согласился, самому захотелось побывать в Армении, о которой он так много слышал, читал и размышлял во время работы над армянскими поэтами»¹²⁶.

До выступления в Ереване, Брюсов 17 января с В. Терьяном, Г. Овсепяном и П. Макинцян едут в Эчмиадзин. По воспоминаниям И. Брюсовой, в дороге известный арменовед Г. Овсепян рассказывал о легендах и сказаниях, связанных с горами Арарат и Арагац. Приехав в Эчмиадзин, П. Макинцян проводил гостей в учительский зал духовной семинарии, где для собравшихся учителей семинарии, служителей церкви Брюсов прочел доклад.

Из докладной начальнику эчмиадзинской жандармерии явствует, что за Брюсовым в Эчмиадзине было установлено наблюдение. «Сего числа (17 января.—*Ан. З.*), — сказано в докладной, — прибыл из г. Эривани поэт и публицист Валерий Брюсов в Эчмиадзинский монастырь, где его, в здании монастырской библиотеки, чествуют обедом преподаватель-

¹²⁵ См.: Арев, 17.I.1916. Газета «Мшак» 15 января сообщает, что В. Брюсов выехал в Ереван 14 января. В архиве МЛИ хранится (ф. Кавказское общество армянских писателей, № 232) документ (расписка), сообщающая, что 15 января 1916 г. В. Брюсов получил от «Кавказского общества писателей армян» в Тифлисе «пятьсот (500) рублей, гонорар за лекцию о «Поэзии Армении», прочитанную 13 января 1916 года».

¹²⁶ Брюсова И. Из воспоминаний. — Литературная Армения, 1959, № 5, с. 104.

ский состав Академии и некоторые из членов братии монастыря. Сегодня же он намерен возвратиться в Эривань, где предполагает прочитать лекции по приглашению армянского общества»¹²⁷.

Как видим, даже в эти роковые для армян дни царская жандармерия весьма зорко следила за всем, что происходило...

18 января в зале городского клуба Еревана Брюсов прочел лекцию, прием вновь был бурным и сердечным¹²⁸. Об этих лекциях сохранились интересные воспоминания М. Шахатуни. Интересные в особенности по той причине, что в них содержатся сведения и о первой поездке Терьяна в Ереван, подробные сведения о Брюсове и Терьяне. «П. Макинцян, — пишет Шахатуни, — аплодируя, вывел на сцену Брюсова и представил его общественности Еревана. Терьян сидел в глубине сцены вместе с некоторыми литературоведами. ...Возможно, публика и не заметила бы Терьяна, если бы во второй части лекции Брюсов, говоря о нем, не повернулся бы к нему и, аплодируя, не представил бы общественности. На бурные аплодисменты зала Терьян ответил низким поклоном и снова сел на место... Во время перерыва..., представив меня Брюсову, Терьян сказал: «Валерий Яковлевич, познакомьтесь, вот наирянка». Брюсов посмотрел на меня пронизательным взором. Ему ничего не оставалось сделать, как ради любезности сказать свойственный ему тонкий комплимент. Слушая его, Терьян сказал: «Вообще моя родина полна красотами. Вы мою родину полюбили еще издали, как бы я желал, чтобы она вас не разочаровала, когда вы находитесь здесь». Брюсов заверил, что, наоборот, он исключительно тронут любезным

¹²⁷ Даниелян Э. С. Несколько архивных материалов о В. Я. Брюсове. — В кн.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 565.

¹²⁸ По свидетельству И. Брюсовой, «Брюсов с успехом прочел в Эривани две лекции... Вторая лекция была вслед за первой» (Брюсова И. Указ. раб., с. 104).

приемом общественности Еревана»¹²⁹.

На всех очень сильное впечатление произвело проникнутое подлинной теплотой стихотворение В. Терьяна, посвященное В. Брюсову. Это, сотканное тонкими эмоциональными нитями стихотворение, перерастает в патриотическую исповедь:

*Я с юношеских дней любил твой строгий стих,
Холодный, северный твой сдержанный язык,
И много в нем тепла я чувствовать привык
Под скрытым пламенем спокойных строк твоих.*

*Так в зелени долин, в родной моей стране,
Медлительный Аракс несет свою волну
И тихим лепетом тревожит тишину,
Волненья грозных бурь скрывая в глубине.*

*Ты в испытаний дни, в час страшных бурь и бед,
Когда в волнах наш челн захвачен штормом был,
Как верный друг, мой край несчастный посетил
И предсказал нам всем спасение и свет»¹³⁰.*

Можно с уверенностью утверждать, что это стихотворение — одно из лучших, посвященных Брюсову.

Общественность Еревана устраивает теплый прием известному поэту. Слушая его и общаясь с ним, ереванцы получили огромное эстетическое наслаждение. Спустя месяц, в письме И. Брюсовой, В. Терьян пишет: «Мои ереванские знакомые пишут, что Ереван до сих пор живет этим приятным воспоминанием»¹³¹. В многострадальных армян Брюсов вселял уверенность и надежду и, конечно, его выступления были незабываемы.

¹²⁹ Ваан Терьян в воспоминаниях современников. Ереван, 1964, с. 377–378 (на арм. яз.).

¹³⁰ Брюсов В. Указ. раб., с. 224.

¹³¹ Терьян В. Собр. соч., т. 4, с. 255.

* * *

Из Еревана Брюсов возвратился в Тифлис и по просьбе общественности города 22 января в зале Артистического общества выступил с лекцией на тему «Очерк исторических судеб Армении в связи с развитием ее поэзии»¹³². Брюсов взялся за очень трудную задачу. Развивая мысль о том, что армянская литература синтезировала начала Запада и Востока, Брюсов на этот раз попытался проиллюстрировать свою мысль на литературных явлениях следующих друг за другом исторических эпох. Эта задача требовала даже от известных арменоведов длительной исследовательской работы, а посему, как и следовало ожидать, лекция Брюсова не увенчалась успехом.

Из сведений печати обстоятельным было сообщение корреспондента газеты «Арев» (можно предположить, что автор статьи — ее сотрудник Ц. Ханзадян). Нелишне будет привести некоторые выдержки из этого сообщения: «Первый доклад В. Брюсова, несомненно, был более удачным, чем второй. По нашему мнению, при характеристике «исторических этапов Армении» не были упомянуты многие важные явления, пристального внимания удостоились обстоятельства, имеющие более чем второстепенное значение. Ничего не было сказано о высокой урартской культуре. Сочетание начал (истоков) Запада и Востока было подчеркнуто, но непримиримая борьба между ними, которая вспыхнула в IV и V веках и оставила большой след на дальнейшем развитии армянского народа, почти не отмечалась. Не были упомянуты и духовные ценности VII–X веков, архитектурные памятники, Ани, который сам по себе является... синтезом принципов культуры»¹³³.

После доклада В. Брюсов прочел стихи Григора Ахтамарци, Нагаша Овнатана, Фрика, отрывки из поэмы Исаакяна

¹³² См.: Кавказское слово, 24.I.1916.

¹³³ Арев, 30.I.1916.

«Абул Ала Маари», а также свои стихи — «Молитву о войнах», «На взятие Варшавы».

Указанной лекцией завершается пребывание Брюсова в Закавказье, вызвавшее горячие отклики не только в Баку, Тифлисе, Ереване, но и среди широких слоев общественности других городов. В эти дни 1916 года он получает приглашения из Батуми, Армавира, Нор-Нахичевана и других мест¹³⁴.

Литературовед (в дальнейшем — академик) А. Тертерян, слушавший в Ереване Брюсова, впоследствии называет его лекции «эпохальными»¹³⁵. И действительно, в трагические для армянского народа дни, в дни тяжелых исторических испытаний своими лекциями Брюсов воодушевлял, придавал силы обескровленному народу. Считая армянскую поэзию «патентом на благородство», а армянский народ — «народом-поэтом», Брюсов подчеркивал международное значение и звучание армянской поэзии, что для того времени было важно и в политическом отношении. В этом смысле совершенно правы А. и Г. Дербеневы: «Поездка Брюсова на Кавказ в январе 1916 года при всей ее связи с предшествующей деятельностью, — принципиально новое явление. Если до сих пор Брюсов пропагандировал армянскую поэзию среди русских поэтов и читателей, то теперь его слово было обращено к армянам. Целью этой поездки было не информирование о достоинствах армянской поэзии (что тоже оказалось не лишним), а духовная поддержка армянского народа в дни тяжелых исторических испытаний. Подобной задачи не ставил перед собой еще ни один русский писатель»¹³⁶.

Завершив благородную миссию защиты духовного мира

¹³⁴ См.: Оризон, 22.I.1916; МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 785 а; ф. Т. Иоаннисяна, № 266; Арев, 22.I.1916.

¹³⁵ См.: Тертерян А. Валерий Брюсов и армянская культура. Ереван, 1944, с. 5 (на арм. яз.).

¹³⁶ Дербенева А., Дербенев Г. Брюсов как классик дружбы народов. — В кн.: Брюсовский сборник. Ставрополь, 1974, с. 97.

целого народа, 24 января 1916 г. Брюсов из Тифлиса возвращается в Москву¹³⁷.

* * *

Необходимо отметить, что в период изучения армянской поэзии, во время поездок по Закавказью и после Брюсов написал целый ряд стихотворений, воспевающих Армению. Поэт обратился к многострадальному армянскому народу со словами воодушевления и ободрения, видя в народе негнбаемый дух, неукротимую жизненную силу, волю к борьбе за светлое, счастливое будущее. Произведения В. Брюсова об Армении подробно рассматривались в литературоведении и мы не собираемся скрупулезно анализировать их. Однако подчеркнем вновь их важность в творческом наследии видного поэта и литератора.

В первом же стихотворении — «К Армении» (1915) — Брюсов признавался, что для него голос древней Армении звучал «как свежий ветер в летний зной», в этой многострадальной стране, где «искал гробницы», он обрел «целый мир живой», тем самым воссоздал образ мужественного и стойкого народа. Большой верой в будущее армянского народа написано стихотворение «К армянам». Брюсов повествует о прошлом Армении, о том, что армянский народ выдержал «все бури, все волнения мира», невзгоды судьбы, но не терял веры, сберег «свои святыни». И теперь, «в толпе мятущихся племен», Армения «горделиво» носит «свой многовековый венок». Поэт уверен:

*Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев;*

¹³⁷ См.: Арев, 22.I.1916; Оризон, 26.I.1916.

*Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве вышем свединит!*

В произведениях Брюсова, посвященных Армении, ее судьбе, особое место занимает славное прошлое народа, историко-героическая тема. В произведениях «Тигран Великий», «Победа при Каррах», «Свобода и война», «Моление царя» поэт представил исторические события жизни армянского народа, его стойкость, волю к жизни. В. Брюсова очаровала и природа Армении, величественный Арарат, которым он посвятил ряд стихотворений. «К Арарату», «Арарат из Эривани» — в этих произведениях гора Арарат символизирует мудрость и неиссякаемую веру армянского народа в лучшие дни. Отметим также, что к стихам, посвященным Армении, примыкают также стихотворения «Путевые заметки», «В Баку», «В Тифлисе», «Баку».

* * *

Возвратившись в Москву, Брюсов вновь выступает с лекциями перед русской и армянской общественностью. Так, 28 января 1916 г. поэт читает в Политехническом музее, 25 марта — в Московском университете на сборе «Общества любителей российской словесности», 14 мая — в Тенишевском училище¹³⁸. Его доклады всюду, особенно в Московском университете, принимаются с большим интересом, о чем 13 апреля Брюсов извещает Туманяна: «Недавно я читал лекцию о «Средневековой армянской поэзии» (от Григория Нарекского до Саят-Новы), в университете (в о-ве любителей Рос. слов.), и мог убедиться, как заинтересованы читатели, раньше

¹³⁸ См.: Закарян Ан. Валерий Брюсов — пропагандист армянской поэзии. — Литературная Армения, 1986, № 10, с. 95–96.

и не думавшие о существовании армянской поэзии. И я получаю много писем, от армян и русских, свидетельствующих об том же. Если достигнута будет одна эта цель, и то я признаю свою работу окупившейся в сто и более раз»¹³⁹. Безусловно, выбор темы лекции (от Нарекаци до Саят-Новы) был обусловлен туманяновским преклонением перед двумя вершинами армянской средневековой поэзии. Брюсов знакомит русскую общественность также с творчеством Шнорали, Ерзнкаци, Нагаша, Тлкуранци, Ахтамарци, Фрика, Овнатана, заражает слушателей любвеобильным дыханием «поэта нюансов» Саят-Новы.

Одновременно он работает над завершением сборника «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», который выходит в свет в начале августа 1916 г. в Москве. Сборник был издан под редакцией Брюсова, с его предисловием и комментариями, большая часть переводов была сделана им самим. В переводческой работе сборника участвовали видные русские поэты — А. Блок, сделавший прекрасные переводы стихов Ав. Исаакяна, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, И. Бунин, Ю. Балтрушайтис, Ю. Верховский, С. Шервинский и др. Суперобложку сборника и фронтиспис оформили известные армянские художники В. Суренянц и М. Сарьян, по образцу и в духе армянской миниатюры.

В историко-литературном очерке на историческом фоне Брюсов анализирует развитие армянской поэзии, подчеркивая, что история Армении — источник понимания жизни народа. «Нужны мировые катастрофы, нужны беспримерные ужасы турецкой резни или дикого преследования целой нации (что имело место, напр., в начале нынешней великой войны), чтобы мы вновь обратили внимание на бедствия «многострадального народа», — пишет Брюсов. — Мы, русские, как и вся Европа, вспоминаем об армянах лишь в те

¹³⁹ Брюсов В. Указ. раб., с. 196.

дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султана. Между тем, есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества»¹⁴⁰.

Издание «Поэзии Армении» удостоилось большого внимания армянской и русской печати. Почти все армянские газеты и журналы выступили с рецензиями и сообщениями. Откликнулась и русская пресса. В то время авторитетный журнал «Летопись» писал: «Роскошный и объемистый том переводов армянских поэтов является не только событием для армянской поэзии, но и большим праздником для русской»¹⁴¹. По сей день сборник «Поэзия Армении» остается в центре внимания литературной общественности, литературоведения. Ему было посвящено множество статей, монографий, в которых выявляется как научная, так и общественно-политическая значимость сборника.

«Поэзия Армении» поистине была «эпохальным делом», она знаменовала собой новый важный этап связей русской и армянской культур. Брюсов явился пропагандистом культуры армянского народа, которому преданно служил до конца своих дней. Он активно сотрудничал с издаваемым в Москве еженедельником «Армянский вестник», со страниц которого пропагандировал армянскую литературу и культуру.

Арменовед Г. Овсепян в мае 1917 г. посетил В. Брюсова в Москве, имел с ним интересную беседу, в частности о работе русского поэта в области армянской истории. В одном из своих писем Г. Овсепян пишет: «Он (В. Брюсов. — *Ан. З.*) на-

¹⁴⁰ Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, с. 10.

¹⁴¹ Летопись, 1917, № 2–4, с. 428.

мерен начать новое дело, составить хрестоматию из избранных отрывков армянских летописцев и таким образом ознакомить русское общество с другими сокровищами армянской летописи»¹⁴². Это исследование — «Летопись исторических судеб армянского народа» — было издано в 1918 г. Московским Армянским комитетом. В нем Брюсов представил историю армян с древнейших времен до 1915 г. Он считал необходимым для русского общества, «желающего сознательно отнестись к современным событиям», знание армянской культуры и истории. Излагая историю Армянского вопроса, обращаясь к западноармянским погромам и резне в 90-х гг. XIX в., Брюсов отмечал, что тяжкий гнет турецких правителей вынудил армян восстать против них, при этом называл политику истребления армян политикой государственной. Турецкое правительство не останавливалось «перед такими грандиозными избиениями, на которые не отваживался и Ленгтимур», пишет Брюсов. Одним из первых поэт дал отпор фальсификаторам геноцида армян: «Что бы ни говорили защитники турок, как бы ни ссылались на доводы «государственной необходимости», ничто не может оправдать массовых избиений, опустошения целых провинций, обречения на голодную смерть изгоняемого населения деревень и городов и т. под. Вовсе не фантастичен подсчет, указывающий, что в начале современной войны в турецких областях от казней, от убийств, от голода, от истощения, в пожарах, на пути в ссылку, в пустынях, назначенных для жительства и т. под. погибло свыше миллиона душ армянского населения (другие источники указывают до 2 000 000 человек)»¹⁴³.

Интересно отметить, что в книге «Как прекратить войну»

¹⁴² Закарян Ан. Из переписки Гарегина Овсепяна и Тирайра Тер-Ованесяна. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1985, № 5, с. 84 (на арм. яз.).

¹⁴³ Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа (От VI в. до р. Хр. по наше время). М., 1918, с. 115.

Брюсов, говоря о необходимости заключения мира, считал, что одним из важнейших вопросов, подлежащих обсуждению и справедливому решению, является судьба Западной Армении, находя при этом нецелесообразным пока проведение там плебисцита, т. к. армянские вилайеты «предупредительно лишены своего коренного населения»¹⁴⁴.

Отметим также, что после издания «Поэзии Армении» с февраля по октябрь 1917 года Брюсов занимался подготовкой второго издания сборника, что подтверждается тем выявленным экземпляром антологии, который служил ему черновым вариантом для осуществления своего замысла¹⁴⁵. Но, к сожалению, задумка Брюсова не осуществилась. Поэт намеревался также подготовить к изданию сборник, посвященный армянской прозе, под заглавием «Айастан». С этой целью 15 февраля 1917 г. он направил специальную «записку» в Московский Армянский комитет, представив обстоятельный план¹⁴⁶.

* * *

Из Москвы Брюсов продолжает переписку со своими армянскими друзьями, особенно с И. Иоаннисианом, Ов. Туманяном и Т. Иоаннисяном. Армянская общественность, находясь под впечатлением личности поэта и его лекций, жаждала новых встреч с ним. Из письма, адресованного Т. Иоаннисяну 7 июня 1916 г., выясняется, что Брюсову предложено было прочесть лекцию в Минеральных Водах, однако он отказался, впрочем выразил желание вновь приехать в Баку, о

¹⁴⁴ Брюсов В. Как прекратить войну. М., 1917, с. 29. Ср. также: Арзуманян М. В. История армянского народа в освещении В. Я. Брюсова. — В кн.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 74.

¹⁴⁵ Айвазян К. В. Работа В. Я. Брюсова над вторым изданием «Поэзии Армении». — ИФЖ, 1963, № 4, с. 99—114.

¹⁴⁶ Татосян Г. А. Указ. раб., с. 88—93.

котором у него остались наилучшие воспоминания¹⁴⁷. 20 ноября он извещает И. Иоаннисиана: «Надеюсь сравнительно скоро увидеть Вас, так как в январе приглашен, что Вы, вероятно, слышали, вновь прочесть несколько лекций в Баку»¹⁴⁸.

По приглашению «Общества любителей армянской словесности» Брюсов второй раз приезжает в Баку 17 января 1917 г.¹⁴⁹ В первый приезд Баку как крупный промышленный город произвел на поэта неизгладимое впечатление, и для своих лекций ныне Брюсов избрал темы, представлявшие интерес для широкой аудитории.

По инициативе общества 19 января в театре армянского мецената Тагиева перед огромной многонациональной аудиторией Брюсов выступил с лекцией на тему «Эмиль Верхарн и героическая Бельгия»¹⁵⁰. Программа была такова:

«1) Трагическая кончина Эмиля Верхарна. «Верный до конца». Связь Верхарна с русскими читателями. Чем Верхарн был дорог России. Верхарн и современная война. Пророчество поэта и ответ народа. Льеж, Намюр, король Альберт I. Книга поэм Верхарна о войне.

2) Жизнь Верхарна. Впечатления детства. Фламандское начало в творчестве Верхарна. Переживания духа Испании в поэзии Верхарна. Трилогия о городе и деревне. Общественность в лирике и в драмах Верхарна. Книги философских раздумий. Мировая слава Верхарна.

3) Миросозерцание Верхарна в последние годы жизни. Его лекция об энтузиазме. Восторженное «прятие мира». Пу-

¹⁴⁷ См.: Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 200.

¹⁴⁸ Там же, с. 192.

¹⁴⁹ См.: Арев, 17.1.1917; Баку, 17.1.1917; Кавказское слово, 22.1.1917. Т. Анчугова в своей статье «Брюсов и Игорь Северянин (к истории литературных взаимоотношений)» (Брюсовский сборник. Ставрополь, 1977, с. 61) ошибочно пишет, что В. Брюсов посетил Баку по пути из Армении.

¹⁵⁰ См.: Арев, 13.1.1917; 21.1.1917.

ти, приведшие Верхарна к всеобъемлющей любви. Лабиринт, пройденный Верхарном. Период сомнений и отчаянья. Трилогия: «Вечера», «Разгромы», «Черные факелы». Поэма о «Вестнике ничтожества». Два предела: «Числа» и «Труп рассудка на Темзе». Лестница восхождений к немеркнущему свету.

4) Верхарн как поэт Фландрии. Роль «маленьких народов» в жизни человечества. Эллада, Армения, Бельгия. Отношение Верхарна к вопросам национальным. Серия книг Верхарна «Вся Фландрия». Благодарность родного народа своему поэту.

5) Бельгия в прошлом, настоящем и будущем. Бельгийская литература. Великие поэты Бельгии. Лемонье, М. Мэтерлинк, Ван-Лерберг и др. Единство бельгийского народа. Будущая карта Европы. Заключение»¹⁵¹. Доклад должен был сопровождаться декламацией поэм Эмиля Верхарна в переводе Валерия Брюсова.

Сосредоточивая внимание на творчестве Верхарна, Брюсов на примере «маленькой» Бельгии, измученной немецкой оккупацией, призывал армянский народ, изведавший боль и страдания, к оптимизму. И не случайно, что именно в эти дни он пишет статью «Эмиль Верхарн об Армении» специально для выходящего в Баку армянского журнала «Горц» («Дело»). Статья в переводе Т. Иоаннисяна была напечатана в третьем номере журнала за 1917 г. Материалы статьи были особо подобраны; из них явствует, что великий сын «маленькой» Бельгии с тревогой следил за испытаниями, выпавшими на долю армянского народа. Рассматривая сборник бельгийского поэта «Алые крылья войны» (1916), в котором он осуждает империалистическую войну, говоря об истерзанной Армении, Брюсов устами Верхарна разоблачает политику Германии, которая совместно с турецкими властями организовала

¹⁵¹ МЛИ, ф. Кавказское общество армянских писателей, № 188/1; Закарян Ан. Программа лекций В. Брюсова в Закавказье, с. 81.

геноцид армян. Достойны внимания строки, взятые из стихотворения Верхарна «Крик», в котором говорится о том, какие бедствия принесла война исторической Армении: «И медленно спускается этот крик в обгащенную страну Армению, доходит до Эрзрума и Муша, Сгерта и Багеша и Вана...»¹⁵².

24 января в Тагиевском же театре Брюсов читает второй доклад «Учители учителей (о древнейших культурах человечества)»¹⁵³. Из сообщений газеты «Арев» узнаем, что этот доклад по просьбе общественности должен был быть повторен 2 февраля в зале Общественного собрания¹⁵⁴.

В программе лекции была также тема «Армянский народ как преемник культуры яфедитов. Значение Армении в мировой истории»¹⁵⁵.

Блестящий знаток древней культуры человечества, Брюсов параллельно с историей и поэзией армянского народа изучал историю Кавказа. Об этом свидетельствует письмо, адресованное Т. Иоаннисяну 23 февраля 1917 г., где он сообщает, что для «Горца» посылает переработанную часть о Кавказе и яфедитах из доклада «Учители учителей». Названная часть под заглавием «Сфинксы и вишапы» была напечатана в 1917 г., в 5–6 номере журнала.

29 января «Общество любителей армянской словесности» в зале Общественного собрания организует вечер, посвященный 80-летию со дня смерти А. Пушкина. «Лучший пушкиновед» Брюсов выступил с докладом «Общественные воззрения в поэзии Пушкина»¹⁵⁶.

¹⁵² Горц (Дело), 1917, № 3, с. 47 (на арм. яз.).

¹⁵³ См.: Арев, 24.I.1917; Каспий, 28.I.1917.

¹⁵⁴ См.: Арев, 31.I.1917; 2.II.1917.

¹⁵⁵ МЛИ, ф. Кавказское общество армянских писателей, № 188/2; Закарян Ан. Программа лекций В. Брюсова в Закавказье, с. 81–82.

¹⁵⁶ См.: Арев, 31.I.1917; Баку, 29.I.1917; Каспий, 31.I.1917. Программу лекции см.: МЛИ, ф. Кавказское общество армянских писателей, № 188/3; Закарян Ан. Программа лекций В. Брюсова в Закавказье, с. 81.

В дни пребывания в Баку Брюсов общается с армянскими писателями, с различными слоями многонациональной общности. 25 января его приглашают на организованную армянскими учителями «Чашку чая». В зале Общественного собрания исполняются песни, декламируются стихи. Брюсов читает свои сочинения, посвященные Армении, армянскому народу¹⁵⁷.

Интересно отметить, что после издания «Поэзии Армении» поэт и в эти дни продолжает заниматься армянской поэзией, о чем в своих воспоминаниях отмечает Г. Шенгели. Говоря о встрече с Брюсовым, он пишет: «Брюсов сидел один, в своем неизменном сюртуке и мраморном высоком воротничке, левой рукой перелистывал какую-то книгу на армянском языке, а правой делал из нее выписки — по-армянски же.

Меня он дружелюбно приветствовал, усадил и горячо заговорил о том, какой прекрасный поэт Саят-Нова»¹⁵⁸. Шенгели вспоминает также, что в этот памятный вечер происходит «примирение» Брюсова и Северянина. Последний читает свои «поэзы», а Брюсов, удовлетворив настойчивые просьбы, — собственные переводы Саят-Новы.

Как в предыдущий, так и в этот приезд выступления Брюсова имели большой резонанс в литературной жизни Закавказья, в частности армянской. Если высокой оценкой армянской поэзии он стимулировал пробуждение интереса к ней, то лекцией, посвященной Пушкину, он вселял в армянский народ свободолобивый дух, лекцией о Верхарне открывал перед читающей молодежью широкие горизонты мировой литературы.

Планировалась поездка Брюсова в Тифлис¹⁵⁹. Но это ре-

казье, с. 82.

¹⁵⁷ См.: Арев, 28.I.1917.

¹⁵⁸ Шенгели Г. Валерий Брюсов. — Литературная Армения, 1980, № 9, с. 96.

¹⁵⁹ См.: Мшак, 25.I.1917; Гахапар (Идея), 27.I.1917 (на арм. яз.); Кав-

шение изменилось. Сперва телеграммой, адресованной Туманяну, затем письмом Брюсов просит либо отменить лекции, либо перенести их на другое время, при этом заверяя: «... я должен ...просить Вас отнестись к моему отказу снисходительно и верить, что мне больше всех было грустно отказаться от мечты увидеться с Вами и вновь побывать в Тифлисе»¹⁶⁰.

29 января печать сообщает, что Брюсов в связи с болезнью не может приехать в Тифлис¹⁶¹. В начале февраля он из Баку уезжает в Москву.

В заключение приведем слова армянского литературоведа, переводчика Минаса Берберяна (1871—1919), который своей многогранной работой делал все, чтобы укрепить русско-армянские литературные связи: «После «Армянских беллетристов» и «Братской помощи», после «Армянского сборника» и сборника М. Горького, в особенности после «Поэзии Армении» русское общество не может оправдывать свое равнодушие *незнанием* армян: ему дана возможность узнать армян и оно может узнать. А познакомившись с их высокой культурой — не может и не должно оставаться равнодушным к трагедии и идеалам армянского народа»¹⁶².

5. Литературно-общественная деятельность С. Городецкого и Армения

Ведя курс эстетики в тифлисской консерватории¹⁶³, С. Городецкий одновременно работает в газете «Кавказское слово»,

казское слово, 25.I.1917.

¹⁶⁰ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре, с. 198.

¹⁶¹ См.: Гахапар, 29.I.1917.

¹⁶² Кавказское слово, 9.X.1916.

¹⁶³ Мой путь, с. 326.

где с 7 июня 1917 г. для него открывается специальный отдел «Искусство и литература». Под этой рубрикой каждую пятницу помещались статьи, очерки, рецензии, сообщения о вопросах литературы и искусства, в большинстве своем в авторстве С. Городецкого.

Выполняя эти обязанности, а также работая в «Театральной комиссии» при исполнительном комитете рабочих и солдат, С. Городецкий служил делу художественного воспитания широких демократических слоев края. В то же время своей деятельностью помогал закавказским народам, в первую очередь армянам, не предаваться настроениям отчаяния, вселял в людей в эти смутные дни веру и уверенность.

Считая, что миссия литературы и искусства велика во все времена, он подчеркивает их особое назначение в исторически трудные периоды: «...Некоторых наших читателей волнует вопрос, как можно в дни тяжелых национальных бедствий, переживаемых родиной, заниматься такими делами, как стихи, картины и вообще искусство.

Не только можно, но и необходимо, — отвечаем мы.

Искусство никогда не разлучается с жизнью, а в тяжелые времена оно особенно спешит ей на помощь... оно может отвечать не только идиллиям мирной жизни, но и трагедиям военной. Оно не забава, а хлеб насущный. Оно не грех, а гордость»¹⁶⁴. Затем, касаясь вопросов культуры народов, С. Городецкий отмечает огромную роль литературы и искусства не только в сохранении самобытности каждой нации, но и в укреплении общечеловеческих идеалов.

Во всех сферах своей плодотворной деятельности поэт руководствовался этим принципом. Своими лекциями и публичными выступлениями, организаторской деятельностью, двумя сотнями статей, очерков, рецензий, посвященных вопросам армянской, восточной, русской, европейской литера-

¹⁶⁴ Кавказское слово, 8.IX.1917.

туры и искусства С. Городецкий содействовал культурно-просветительному развитию края. Трудно представить границы деятельности русского поэта, его энергию, степень готовности служить обществу. Ни одно публичное мероприятие не проводилось без его самого активного участия.

Вскоре, однако, в творческих интересах С. Городецкого намечается определенный перелом: поэт развивает активную деятельность в области пропаганды и популяризации искусства, в частности изобразительного. Он проникается убеждением, что «... зрение прогрессирует скорее всех чувств» (с. 65). Утвердившись в Тифлисе, высоко ценя музыку многонационального края, прекрасно зная музыкальный мир, он находил, что «пора ему подняться на такую же высоту... и в других искусствах» (с. 52). Говоря о «других искусствах», он имел в виду в первую очередь изобразительное искусство.

Одним из первых шагов в этом направлении явилась организация С. Городецким в редакции армянской газеты «Ашхатавор» («Работник») выставки «Ван—Эрзерум—Трапезунд», где исторические памятники этих городов представляются акварельными рисунками, фотоснимками и чертежами Б. Рябова, Н. Северова, М. Керна. Выставка привлекает внимание широкой общественности, научных кругов, ее посещают археологи, архитекторы. Многие музеи ведут переговоры о приобретении представленной коллекции. «Такие коллекции, — пишет С. Городецкий в журнале «Агс», — должны приобретаться целиком в народное достояние, как имеющие исключительную научно-художественную ценность». Доклад Городецкого об исторических ценностях Вана повторяется несколько раз до закрытия выставки, которая экспонируется в течение недели. В помещении редакции производится продажа первых экземпляров книги поэта «Ангел Армении», оформленной Б. Рябовым в манере барельефов храма Ах-

тамар¹⁶⁵.

Неутомимый поэт развертывает также широкую издательскую деятельность. В 1918 г. под его редакцией основывается литературный и искусствоведческий журнал («Агс») ¹⁶⁶, издателем которого была впоследствии известная писательница Анна Антоновская, автор романов «Великий Моурави» и «Георгий Саакадзе» ¹⁶⁷.

В начале марта было опубликовано объявление о том, что журнал ставит своей целью всестороннее «отражение богатой художественной жизни Закавказья, исследование памятников армянской, грузинской, персидской... старины, изучение литературы древней и современной всех народов Закавказья, углубление в культурное прошлое края в связи с античными явлениями и т. д. Текущая художественная жизнь городов Закавказья будет находить полное и объективное отражение на страницах нового журнала во всех своих отраслях» ¹⁶⁸. 11 мая в газете «Кавказское слово» Городецкий выступает со статьей «Задачи художественного журнала в Закавказье», где обосновывает необходимость издания «Агс», излагает принципы журнала.

Первый номер журнала (а под редакцией Городецкого было издано три номера) ¹⁶⁹ выходит в свет в конце марта. Там нашли место поэма «Шофер Владо» Городецкого и переведенные им четверостишия Туманяна под заглавием «Баяты». Спустя многие годы, мысленно возвращаясь к поэме, поэт

¹⁶⁵ См.: Республика, 3.III.1918; Кавказское слово, 6.III.1918; Возрождение, 6.III.1918.

¹⁶⁶ Журнал предполагалось издавать под названием «Прометей». Однако в Тифлисе уже существовало одноименное издание на грузинском языке, а посему журнал был переименован в «Агс» (Кавказское слово, 1.III.1918; 14.III.1918; Республика, 16.III.1918; 24.III.1918).

¹⁶⁷ Тавзишвили Г. Анна Антоновская. Тбилиси, 1958, с. 3–7; 12–13.

¹⁶⁸ Кавказское слово, 1.III.1918.

¹⁶⁹ С середины октября 1918 г. С. Городецкий уже не был редактором журнала «Агс» (Речь, 17.X.1918).

признается, что Туманян в эти годы его влек к эпическим поэмам, восходящим к народному эпосу. В этот период на повседневную тему была написана лишь поэма «Шофер Владо», которую «похваливая, он (Туманян. — *Ан. З.*) ласково меня упрекал, что это все же не всенародная русская эпическая поэма» ¹⁷⁰.

Первый номер журнала своим содержанием и оформлением удостаивается положительной оценки. Сообщается, что некоторые экземпляры были посланы в петербургские библиотеки, а также известным поэтам, которые весьма благоприятно обозвались о журнале ¹⁷¹. «Кавказская рампа» в те дни писала, что «Агс» «производит самое лучшее впечатление. Это подлинно художественное издание, отмеченное прекрасным вкусом таких изданий, как «Золотое Руно» и «Весы». Материал интересен и многогранен» ¹⁷².

При журнале «Агс» в конце марта создается новая художественная организация «Артистериум», целью которой было настойчивым трудом сблизить деятелей искусства разных сфер, слушателей и зрителей, содействовать росту начинающих искусствоведов ¹⁷³. В «Артистериуме» открываются интересные отделы — лекторский, «Цех поэтов», выставок, музыки, детского творчества, к которым затем прибавляется отдел «Старого Тифлиса». В работе «Артистериума» участвовали художники О. Шарлеман, Л. Гудиашвили, А. Бажбеук-Меликян, В. Ходжабекян, поэты Т. Табидзе, В. Гаприндашвили и др. ¹⁷⁴.

Из многочисленных мероприятий «Артистериума» первое вновь посвящается детям. 1 апреля в редакции «Агс» открыва-

¹⁷⁰ См.: Дружба. Статьи, очерки, исследования, воспоминания, письма об армяно-русских связях. Кн. I, Ереван, 1960, с. 99.

¹⁷¹ См.: Кавказское слово, 10.VIII.1918.

¹⁷² Кавказская рампа, 1918, № 1, с. 17.

¹⁷³ См.: Кавказское слово, 28.III.1918; Республика, 28.III.1918.

¹⁷⁴ См.: Тавзишвили Г. Указ. раб., с. 8.

ется вторая выставка детей, на которой было представлено более 300 картин. С. Городецкий читает доклад на тему «Радость и горе в рисунках детей»¹⁷⁵. Известный петербургский художник О. Шарлеман с воодушевлением рассказывает об успехе выставки, высоко оценивает деятельность Городецкого, подчеркивая его инициативу в издании художественного журнала «Ars», в работе всех отделов «Артистериума». По мнению О. Шарлемана, «все это должно быть отмечено под знаком истинной культуры»¹⁷⁶.

Неуемная энергия поэта, его работа во всех отделах «Артистериума», вся его многогранная деятельность пробуждала огромный интерес. Достояна упоминания его лекция «Отношение революции к новейшей русской литературе», прочитанная 1 декабря 1918 г. в Закавказском университете¹⁷⁷. Стараниями и личным участием Городецкого были организованы блестящие вечера, посвященные Н. Римскому-Корсакову, тургеневским дням, Н. Черепнину и др.

Проведенная работа сливала воедино местные творческие силы и деятелей культуры, приезжающих из центров России, направляла их по общедемократическому руслу, способствуя пропаганде передовых традиций культур русского и закавказских народов, их сближению, формированию молодых писателей, художников в духе гуманистических принципов.

Бесспорно, С. Городецкий принимал активное участие во всех делах и начинаниях отделов «Артистериума», но более тесными узами он был связан с возглавляемым им самим «Цехом поэтов»¹⁷⁸.

¹⁷⁵ См.: Кавказское слово, 8.IV.1918; Оризон, 14.IV.1918; 16.IV.1918.

¹⁷⁶ Кавказское слово, 8.IV.1918.

¹⁷⁷ См.: там же, 3.XII.1918.

¹⁷⁸ Деятельность «Цеха» подробно освещена нами в статье «Основанный С. Городецким в Тифлисе «Цех поэтов» и его сборник «Акмэ» (Вестник общественных наук АН АрмССР, 1982, № 12, с. 44–56, на арм. яз.).

* * *

Большинство стихов книжки «Ангел Армении», написанной С. Городецким в Западной Армении, проникнуто глубокими душевными переживаниями и надеждами на лучшее будущее армянского народа. О них в свое время известный общественно-политический и культурный деятель А. Луначарский (1875–1933) писал: «... Там в желтой, испеченной солнцем Армении, израненной человеческим зверством, возникает серия стихотворений «Ван». Некоторые из них болезненно сжимают сердце читателя, в особенности «Ребенок», «Душевнобольная»¹⁷⁹. Безусловно, стихи эти сыграли свою роль, настроив российскую передовую общественность в пользу армянского народа. В 1918 г. они издаются отдельной книжкой, вобравшей в себя и новые сочинения С. Городецкого.

Книжка открывается посвященным Ов. Туманяну стихотворением «Армении», которое является своеобразным признанием — клятвой поэта, едущего на Кавказский фронт. Возвышенным и торжественным слогом он пишет:

*Как перед женщиной, неведомой и новой,
В счастливом трепете стою перед тобой.
И первое сорваться с уст боится слово,
И первую смущаются глаза мольбой.*

*...Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
И воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой! (с. 3).*

Самой благостной вестью для русского поэта является «весть воскресенья» Армении, страны, дивная природа которой, «счастливая сельская жизнь» противопоставлены картинам современной армянской действительности. На этих кон-

¹⁷⁹ Литературное наследство, т. 74. Из творческого наследия советских писателей. М., 1965, с. 46.

трастах Армении и построен цикл стихов. Несмотря на живописность, стихи Городецкого воспевают страну, превратившуюся из «небесного рая» в «кровавую долину», нескончаемую боль Западной Армении. Эти картины перемежаются описанием живописных пейзажей Арчака, Сипана, Вана, а также памятников — неподвижных и молчаливых хранителей истории страны, на фоне которых перед нашим взором предстают сплошные развалины, искалеченные трупы, скорбные человеческие тени. Сочетая пейзажные зарисовки с картиной человеческих страданий, Городецкий создает порою заразные поэтические образы:

*Дышит ветер ледяной
Голодом и жутью...*

Или:

*Далеко стоит Сипан,
Укрываясь в тучи.
В буре битв сгорел вулкан
И потух, могучий (с. 4).*

В стихотворении «Ван» дана потрясающая картина возвращения беженцев в родные края в 1916 г. Стихотворение написано на основе достоверных фактов и проникнуто сочувствием поэта, разделяющего их страдания и словно сопровождающего возвращающихся домой изгнанников:

*Луна лавины света рушит.
В садах от лепестков дремотных
Исходит ладан, душу душит.
Среди цветов — толпа бесплотных.*

*Они проходят вереницей,
И каждый в дом былой заходит,
Как узник, связанный с темницей,
Меж стен обуглившись бродит.*

Их, лучезарных, много-много,

*Что звезд ночных под небесами.
Иной присядет у порога,
Иной прильнет к нему устами (с. 5).*

Повсюду страх и ужас, повсюду непередаваемые трагедии. Об одной из них рассказывается в новеллическом стихотворении «Ребенок». Поэт пишет о девочке, которая играет своими ручками. На лице ребенка — печать глубокой скорби, неестественной и непонятной боли. Оказывается, девочка была изнасилована и должна была стать матерью...

Полны горести и отчаяния стихотворения «Путница», «Сад», «Руки девы», «Душевнобольная» и другие, к содержанию которых восходят описания в неоконченном романе «Сады Семирамиды». Но как бы ни была трагична судьба Армении, поэт полон веры в спасение армянского народа, уверен:

*... Что жизнь торжествует победно,
Что смерти зиянье напрасно,
Что люди не гибнут бесследно (с. 9).*

Эта идея получила свое наиболее яркое воплощение в стихотворении «Ангел Армении», написанном в тяжелые для армян дни, в 1918 г. В «Ангеле Армении» представлена обобщенная картина обескровленного, находящегося на грани физического уничтожения народа. В каждом из четверостиший — трагическая судьба страны и его народа. Согласно поэтическому замыслу, перед взором летящего в небе ангела предстает страшное зрелище разоренной страны, картины одна ужаснее другой. У подножия Арарата и Сипана —

*... как туча темен и тяжел,
Сбираясь по долинам голубым,
С испепеленных, разоренных сел
Струился молчаливый, душный дым.*

*Под ним на дне ущелий, в бездне гор,
В ненарушимой тишине полян,*

*Как сотканный из жемчугов ковер,
Сияли кости белые армян.*

*И где-то по тропиночке брели
Измученной, истерзанной толпой
Последние наследники земли
В тоске изнеможения слепой* (с. 12).

Вслед за изображенными поэтом-художником картинами разорения следует яростный окрик ангела, подобно «водопаду слов», слетающих с уст:

*— Восстань, страна, из праха и руин!
Своих сынов рассеянных сомкни
В несокрушимый круг восторженных дружин!
Я возвещаю новой жизни дни...* (с. 13).

Примечательно, что в то же самое время в «Ваагне» молодой Е. Чаренц со скорбью обращался к древнему армянскому богу войны, умоляя о такой же помощи. Городецкий обращался к ангелу-хранителю Армении, говоря от его имени. И хотя стихотворения Городецкого и Чаренца различны по своему звучанию и содержанию, тем не менее они написаны с одной и той же целью: вдохнуть в истерзанный и отчаявшийся, изгнанный и преследуемый армянский народ новые силы, силы борьбы, веру в собственную судьбу.

* * *

На фоне написанных С. Городецким в Западной Армении стихов выделяются имеющие несомненную ценность очерки 1916–1917 гг., опубликованные в газетах «Русское слово» и «Кавказское слово». Остановимся на их художественных достоинствах. В очерках поэт описывает пройденные им дороги, увиденное в пути. Сменяют друг друга живые, выразительные картины, выбранные чутьем поэта-художника. В описаниях

чувствуется возвышенный дух и прелесть природы потерянной родины, ее рек и озер, гор и долин, альпийских лугов, зеленых склонов, аромат садов... Городецкий, влюбленный в природу Армении, своими пейзажами ошеломляет читателя. Вот, например, увиденный поэтом впервые Арарат из очерка «Спящие вулканы»: «Утром я открыл глаза от острого алого света: это Арарат засверкал еще невидимым солнцем. Куда-то на землю, по обе стороны ее, убежала тьма, растворяясь в зеленой лазури. Вся основа вулкана была грузно-лиловая, а пояс рыже-теплый, а грудь и вершина такие ясно-алые, что ни коралл, ни сибирский рубин, ни перышко фламинго не пойдут в сравнение» (с. 27).

Однако самыми заманчивыми являются картины Вана и его окрестностей, представленные с разных точек и в разное время дня, во множестве вариантов. Так, в приводимом отрывке можно заметить выявленное поэтом общее сопоставительное начало природы и человека: «Это мир серебряных вулканов, мечтающих озер, горных цветов, хороводных звезд, древних дорог, нежнооких буйволов и горделиво-покорных верблюдов, это мир дивных человеческих душ, ... мир немого векового молчания страдающего народа, мир вопрошающих детских глаз и сверкающих жаждой борьбы юношеских глаз, мир диких девушек, ждущих материнства, и крестьянок — мадонн, улыбающихся первому ребенку» (с. 26).

В другом очерке С. Городецкий описывает «поэму скалу» — настоящую композиционную картину, находящуюся вблизи ворот Вана. В остальных очерках описывается Варагский храм, озеро Ван — «одно из красивейших в мире горных озер», Ахтамар, Арчакское озеро — «пролог озера Ван» — сверкающее между горами «ярко-синим треугольным лоскутом», Сипан, Нимруд... Городецкий приводит древнее предание, связанное с этими местами, представляет клинописные эпиграфы, сохранившиеся на скалах со времен Аргишти. Примечательно, с каким вдохновением и нескрываемым интересом

описывал поэт чудеса армянской земли: «... легенда говорит, что оно (озеро-море Ван. — *Ан. З.*) так любило Семирамиду, что подошло к самой скале, и пело, и билось, и стонало от страсти у ног царицы-волшебницы — но иссиня-изумрудная гладь его была так же красива, жемчужный Сипан так же спокойно поднимался над этой гладью, и так же за вуалями тумана мерцали освещенные солнцем лощины Востанских гор, и так же грузно, вдали-вдали, темнел Нимруд» (с. 37).

С. Городецкий, считая «райский край» Ван «страной художественного быта», по каждому поводу упоминал о быте армянского народа. Так, он отмечал высокий уровень культуры ванцев — от постройки домов до их внутреннего убранства, домашнюю утварь, подчеркивая при этом, что деревянные, серебряные и медные изделия имели широкое распространение среди них и были предпочтительнее других. Особое внимание уделяет Городецкий изобразительному мастерству ремесленников.

И в этой среде мы видим армян — измученных, истерзанных, подавленных горем и страданиями, но трудолюбивых, готовых восстановить свой древний, когда-то цветущий, но ныне «мертвый» город. Автор описывает самоотверженный труд, повседневные заботы, радости и печали армянских патриотов — Мосяна, Саакова, Пахчана, Вагаршака, Анаит и других, ставших прототипами героев его неоконченного романа «Сады Семирамиды»¹⁸⁰.

¹⁸⁰ По свидетельству С. Городецкого (см.: МЛИ, архив С. Городецкого, № 39), в 1924 г. он работал над трилогией «Восточный эпос». В 1927 г. он закончил вторую часть трилогии — роман «Алый смерч». Описанные в книге события, происходившие в Персии, совпадают с периодом Февральской революции и разложением царской армии. Следует отметить, что первые три главы этого романа, как нам удалось выяснить, напечатаны еще в 1919 г. в первых двух номерах издающегося в Тифлисе журнала «Орион» (2-й номер журнала хранится в МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 1779). С середины 20-х гг. С. Городецкий работал над первой частью трило-

В очерках С. Городецкого описываются также военные события, боевые подвиги, как, скажем, «исключительный» подвиг Яковиди, который «спас Сарыкамыш, прорвавшись к нему сквозь ряды турок на одном паровозе, нагруженном снарядами» (с. 42). Русский поэт в своих произведениях обращается к добровольческим армянским отрядам, как, например, к отряду армян из Америки, давая оценку его деятельности: «... в самом начале... войны в Америке среди тамошних армян собралось около трехсот энтузиастов, которые, вооружившись и снарядившись на свои средства, прибыли в Россию и отправились на турецкий фронт. Они были передовым разведочным отрядом и оказали немало услуг нашим войскам. Закаленные, изящные, на крепких лошадях, они, минуя дорогу, летели по тропинкам через Абагинскую долину» (с. 28).

Вспомним также, что очерки поэта зачастую кончались такими призывами-заявлениями: «Замученная, маленькая Армения ждет дуновения жизни от великой России.

Прошлое тяжело. Настоящего нет. Есть только будущее, и чувство будущего — надежда» (с. 25).

Несомненно, эти очерки Городецкого в тяжелой обстановке войны играли немаловажную роль — в смысле истинного литературного воздействия: они ознакомили русское общество с армянским народом, с его культурой, судьбой, привили интерес и любовь, симпатии и сочувствие к нему. Без преувеличения можно сказать, что очерки поэта в большинстве своем

— романом «Сады Семирамиды». Над этим произведением писатель трудился до конца своей жизни. В 1970 г. роман был обнаружен в архиве С. Городецкого и опубликован И. Сафразбекян в журнале «Литературная Армения» (1971, № 3–4). Третья часть трилогии — «Черный город» — должна была охватить «эпоху Октября, в Баку» и отражать «борьбу за нефть, между странами капитализма и Советами» (см.: МЛИ, архив С. Городецкого, № 39). Однако над третьей частью, насколько известно, писатель не работал. Подробно о романах «Алый смерч» и «Сады Семирамиды» см.: *Даронян Ю.* Сергей Городецкий и Армения, с. 60–72.

не потеряли своей художественно-познавательной ценности и в наши дни. Кроме того, что они представляют интерес для широкой читающей общественности, они могут дать богатый материал этнографам и фольклористам, историкам и географам, археологам, историкам искусства — тщательными описаниями внешнего и внутреннего вида архитектурных памятников, их отдельных деталей, меткими и пронизательными искусствоведческими характеристиками особенностей этих памятников.

В очерках С. Городецкого запечатлены достоверные картины жизни и природы Западной Армении, которые неопценимы и дороги армянскому народу.

* * *

Одновременно в тифлисской печати С. Городецкий выступал с многочисленными художественно-критическими статьями об изобразительном искусстве. Эта сторона его деятельности особенно примечательна — ведь Городецкий, как художественный критик, сформировался именно в Тифлисе. Особенно велики его заслуги в деле оценки и пропаганды армянского изобразительного искусства.

Пребывание Городецкого в Тифлисе совпадает с одной из памятных страниц истории армянской живописи и культуры. Изобразительное искусство, получившее в десятых годах бурное развитие среди армян и грузин, настоятельно требовало организации творческих союзов, выставок и т. п. В 1916 г. основывается Союз армянских художников, в 1917 г. открывается первая выставка армянских художников, явившаяся крупнейшим событием в истории армянской культуры. Выставка была принята общественностью города с большим воодушевлением.

Неоднократно в печати, а также в своих публичных выступлениях С. Городецкий развивал мысль об организации

подобных выставок. Он же и стал одним из самых объективных рецензентов в оценке творчества выставившихся художников не только на отмеченной выше выставке 1917 г., но и на организованной в 1919 г. новой экспозиции армянских художников. Заслуги Городецкого в этом плане неопценимы — его тонкая и пронизательная трактовка художественных явлений, несомненно, стимулировала развитие изобразительного искусства, прививала художественный вкус самым широким массам.

В содержательной статье, посвященной выставке 1917 г., приоритет дается скульптуре. Исходным положением статьи является та мысль, что «горная природа, мощные хребты и утесы — прежде всего создание скульптора». Городецкий развивает эту мысль, рассматривая в основном произведения Г. Гюрджяна, однако распространяет ее и на живопись: «... художник Кавказа предназначен к искусству чистой формы». С этой отправной точки рассматривая «настоящее, монументальное» искусство Гюрджяна, автор статьи отмечает слияние национальных особенностей его творчества с иными свойствами, идущими от французской психологической скульптуры того времени. Благодаря этим двум «жилкам», сжатыми и четкими характеристиками «прочитываются» бюсты Горького, Шаляпина, Ширванзаде, полководца Андраника, где, по его мнению, решается одна из труднейших творческих задач. В мраморе и в бронзе каждый раз своеобразно воплощается внутреннее неуловимое движение духа: «напряженное творческое усилие Горького», «грубоватая самовлюбленность Шаляпина», привычно-вдохновенный жест Ширванзаде, «тревожный взор вождя дружин Андраника»¹⁸¹.

С эстетической точки зрения интересен также разбор работы скульптора Григора Кепинова «Весна». «Весна! Уж что слаще и «красивее»?», — пишет он и добавляет: «... перед вами

¹⁸¹ Кавказское слово, 11.И.1917.

мощная фигура, почти искаженное лицо, все мускулы напряжены, это — природа-родительница, природа-работница, природа-сила. Это не фиалочки с незабудочками, а большая идея, смело доведенная почти до разрешения».

Самобытностью и типичностью творческой характеристики особо выделяются Городецким живописцы Е. Татевосян и М. Сарьян. Анализируя полотна Татевосяна «Ждут пассажиров», «Жаркий край» и «Сказка», рецензент отмечает в этих картинах преломление «света в природе и цвета на палитре», подчеркивая склонность художника к предпочтению богатой световой гаммы. Своеобразие Сарьяна — в «прямо трогательных», чувственных красках, в способности музыкально-красочного синтеза — в портретах.

Более развернутая статья, посвященная второй выставке Союза художников, была напечатана в «Кавказском слове» 12 апреля 1919 г. На этой выставке, открывшейся в начале апреля 1919 г. в зале Тифлисского университета, экспонировались работы около пятидесяти художников, большое место было уделено живописи и графике. На этот раз С. Городецкий имел возможность оценить творчество многих живописцев, проанализировав с отменным вкусом художника и широкими искусствоведческими познаниями наряду с творчеством М. Сарьяна и Е. Татевосяна, творчество В. Гайфеджяна и О. Тер-Татевосяна, Г. Шарбабчяна и С. Хачатуряна, В. Ахикяна, всемирно известного «блестящего офортиста» Эдгара Шаина и др.

Считая армянских живописцев «солнечниками», русский поэт пронизательно и тонко различает самобытные стороны искусства каждого из них. В тематически сложных графических работах и этюдах наделенного «большим дарованием» Гайфеджяна улавливается умение создавать картины, в обилии света — суетою нервных пятен — показывать формы, в сети бликов и теней сохранять очаровательный ритм. Считая это влиянием Врубеля, автор статьи объясняет, что, как в гра-

фике, так и в этюдах «будто бы случайные мазки хранят невидимую форму и, разбитая белыми лучами связанность модели, воскресает в зрении по воле художника. Разложив мир на пятна, он мастерски собирает его снова своей волей».

Таковыми же искусствоведческими проникновениями характеризуются и работы другого «солнечника» — О. Тер-Татевосяна, который уже не то что разделяет, а сгущает воздух и свет, как будто концентрирует лучи света, делает их весомыми. В полотнах Сарьяна, «как прежде, солнце... ложится желтым шелком на мир... но ткань заколебалась, приподнялась, и вот жизнь, быт, уют. Теплые, милые вещи. Гармония будней... Персия оказалась дома, у себя, в повседневности». «Солнечник» Шарбабчян «желто-алым солнцем залил толпу, процессию, пейзаж, дома и церковь и как бы вплавил фигуры в фон». Его этнографические полотна, вместе с работой С. Хачатуряна «Жертвоприношение в армянском монастыре», «где целый клубок заданий», должны бы войти «в краевой музей». Шестой «солнечник» — Степан Габаев — «дал две поразительно ярких вещи — желтую «Персию»... и алый «Ордубад»... Горячие, почти телесно ощутимые лучи заливают обе картины. И как в персидском водоеме, так и в ордубадских горах есть сказка, рассказанная, что очень любопытно — языком реалиста». Высоко оцениваются картина Е. Татевосяна «Из быта армян» (где «сказочность рождается из трагичности»), пейзажи — «Босфор утром», «Бейрут», «Севанский монастырь» и «Арагат», «где хорошо проработаны плоскости освещения».

Однако не следует думать, что рассматриваемые статьи Городецкого содержат лишь похвалы. Четкие, резкие, свободные от болтливости его характеристики содержат также существенные оговорки и замечания. Оценивая талант Е. Татевосяна, он одновременно замечает, что «фигуры решительно не удаются маэстро», «щедрости одарения» С. Хачатуряна С. Городецкий предлагает «самоограничение», так как, при-

кладывая руку ко всему, художник не может сосредоточиться, сконцентрировать свои силы. Не менее существенны его предостережения в адрес Тер-Татевосяна. Свидетельствуя, что его работы «Базар», «Сумерки», «Улица в Самарканде» «можно долго пить, как солнце», Городецкий тут же замечает: «Но призрак упоения мастерством (то есть техникой. — *Ан. З.*) стоит над нами. Мастерство — болезнь. Своего рода склероз, остекленение и даже одеревенение. Живой талант должен его бояться и преодолевать неудержимым стремлением вперед и вперед». Имеются и другие, такие же основательные и пронизательные оценки, критические замечания, обобщения и выводы, которые и до настоящего времени не потеряли своей ценности и мимо которых не может равнодушно пройти исследователь и теоретик армянского изобразительного искусства.

Этим, конечно, не исчерпываются опубликованные в печати статьи С. Городецкого, относящиеся к изобразительному искусству.

Очевидно, что своими статьями об искусстве С. Городецкий в значительной мере содействовал развитию изобразительного искусства как армянского, так и других закавказских народов¹⁸².

* * *

Можно с уверенностью сказать, что в жизни народов Закавказья, и в особенности армянского, не было ни одного более или менее знаменательного события, в котором не принял бы участия или на которое не откликнулся бы Городецкий. Из множества подобных мероприятий отметим лишь не-

¹⁸² Об этом см.: *Элизбарашвили Н. С. М. Городецкий — художественный критик.* — Литературная Грузия, 1978, № 9, с. 125—133.

которые. Так, 25 февраля 1919 г. редакция «Литературно-художественного альманаха», органа молодых армянских писателей, в зале консерватории организовала литературный вечер, посвященный 35-летию со дня рождения поэта Даниела Варужана (1884 — 1915). На вечере выступил также Городецкий. Давая соответствующие пояснения, он в своем переводе прочел стихи Варужана («Первый грех», «Гадалка», «Возвращение») и отметил, что поэт стоит в ряду современных известных европейских поэтов и что он соединитель «армянского самостоятельного» и европейского. В Восточной Армении Варужан еще только находил признание, и вот после Брюсова Городецкий представляет русскому читателю его произведения. Это было весьма ценной инициативой, и от имени армянской общественности Т. Назарян обращается со словом благодарности к Городецкому, «как искреннему другу армянского народа...». Под бурные аплодисменты присутствующих поэт выражает свою благодарность¹⁸³.

Спустя несколько дней (9 марта) в «Закавказском слове» Городецким это выступление было опубликовано отдельной статьей под названием «Сивасский мужик». В ней высоко оценивается сборник Д. Варужана «Сердце нации», являвшийся «... молитвенником каждого повстанца — там, в Турецкой Армении, где право на жизнь было утоплено в крови...»¹⁸⁴. Вскрывается общность устремлений творчества Варужана с идеями современной европейской и русской поэзии. Отмечая особенности его поэзии — пластическую ясность стиха, колоритность зарисовок природы и картин быта («ее символы полны движущейся жизни»), автор статьи делает

¹⁸³ См.: Закавказское слово, 27.II.1919; Арач (Вперед, Тифлис), 2.III.1919 (на арм. яз.).

¹⁸⁴ *Городецкий С.* Об Армении и армянской культуре, с. 56. На с. 211 (прим. 5) сказано, что очерк напечатан в «Кавказском слове». Эта газета с 1 января 1919 г. до 16 марта (№ 46) того же года носила название «Закавказское слово».

вывод: «То, о чем мечтали лучшие символисты как о высшем достижении современной поэзии – осуществил сивасский музик» – Д. Варужан. Статья Городецкого интересна с точки зрения его отношения к символизму, одновременно она является проникновенным словом о творчестве Варужана, которое до сих пор не утратило своего значения. Его выступление и статья пробуждают такой интерес в кругах армянской общественности, что 30 марта в зале консерватории была организована его лекция «Даниел Варужан и его роль в современной армянской лирике». На этот раз Городецкий подчеркнул жизнеутверждающий характер поэзии Варужана.

9 марта 1919 г. отмечается 35-летие сценической деятельности талантливого армянского актера Ов. Абеяна. Вместе с А. Ширванзаде, Ст. Зоряном, Т. Назаряном юбиляра приветствует Городецкий, желая ему доброго пути «в страну родного искусства»¹⁸⁵.

18 июля русский поэт присутствует на концерте армянского тариста Нерсеса Корганова в день чествования 25-летия его деятельности. На вечере выступают приехавшие из разных краев известные таристы, певцы, кяманчисты. Во второй части вечера выступает Городецкий и читает оду, посвященную Н. Корганову¹⁸⁶.

С. Городецкий был большим поклонником восточной песни и Саят-Новы, и неслучайна его статья «Скрипка любви», написанная по поводу десятилетия со дня смерти ашуга Дживани. Характеризуя основные мотивы песен армянского гусана, его мастерство в передаче нюансов человеческих чувств, автор вновь подчеркивает большое гуманистическое содержание его наследия: «Истый армянин, утешавший свой народ в трудные минуты, Дживани имел широкую душу, способную понять все народы, все нации. Закон братства

¹⁸⁵ Закавказское слово, 9.III.1919; 11.III.1919; Мшак, 11.III.1919.

¹⁸⁶ См.: Кавказское слово, 17.VII.1919; 19.VII.1919.

наций был твердо начертан в его сердце, и все песни его проникнуты мировой любовью»¹⁸⁷.

Многочисленны выступления, доклады Городецкого на вечерах, организованных армянскими и грузинскими деятелями. Нередко устраивались вечера, посвященные многожанровому творчеству Городецкого. Так, 5 марта в «Ладье Аргонавтов» представлялась его пьеса «Я люблю тебя, не уходи», шутка «Три итальянки» и исполнялись романсы, написанные на тексты его стихов, а также инсценировка стихотворения «Яга», музыку к которой написал известный композитор Ф. Гартман. Уместно отметить, что усилиями армянской интеллигенции и Ф. Гартмана в те же дни создается «Общество имени Комитаса», которое развертывает деятельность по публикации и сбору песен Комитаса, вырученные средства предоставляя для попечения больного композитора¹⁸⁸.

Стихи поэта «Армении» и «Ангел Армении» читались почти на всех вечерах, посвященных армянскому искусству и литературе, особой популярностью пользовалась шутка «Три итальянки», которая представлялась множеством раз.

* * *

Ощутимым вкладом русского поэта, публициста, общественного деятеля Городецкого в дело освещения и оценки армянской действительности второй половины 10-х годов XX века, выявления новых фактов, подробностей являются более

¹⁸⁷ Кавказское слово, 22.III.1919. Этот очерк в те же дни перепечатала бакинская газета «Наше время» (28.III.1919).

¹⁸⁸ См.: Закавказское слово, 7.III.1919; Кавказское слово, 9.V.1919. Об этом подробно см.: Оганесян Т., Закарян А. Тифлис, 1919, «Общество имени Комитаса». – Советакан арвест (Советское искусство), 1984, № 2, с. 59–61 (на арм. яз.).

десять публикационных статей, по сей день неизвестных русской и армянской широкой общественности. Живя и работая в Закавказье в указанный период, русский писатель, уже ставший свидетелем геноцида армян в Западной Армении, внимательно следя за происходящими в Армении событиями, за ее внутренним и внешним положением, поднял свой голос во имя справедливой борьбы армянского народа, его права на существование.

Начало 1918 г. было тяжелым временем для армянского народа. Еще в конце декабря 1917 г. Совнарком принял декрет о предоставлении «Турецкой Армении» права на самоопределение. Однако «Не считаясь с мнением Совнаркома и боясь антивоенных настроений среди солдат,—пишет академик Г. Галоян,—... командование Кавказского фронта вывело русские войска из пределов «Турецкой Армении», предвзято не обеспечив личной и имущественной безопасности местных жителей, как предусматривалось декретом»¹⁸⁹. Перешедшие в наступление турецкие войска захватывают Батуми, Эрзерум, Сарыкамыш, Карс, Ардаган, Александрополь, подходя с одной стороны к Еревану, с другой — к Караклису, внушая тревогу даже жителям Тифлиса. Вся армянская общественность, в том числе и Ованес Туманян, болезненно переживали отход русских войск с Кавказского фронта. Поэт всегда считал, что спасение Западной Армении, справедливое решение Армянского вопроса возможны только с помощью России, а не западных держав. И вот теперь обеспокоенный положением брошенных на произвол судьбы армян, он обратился с «Открытым письмом Сергею Городецкому». Известно, что взаимоотношения Ов. Туманяна и С. Городецкого были тесными, сердечными. Это была дружба, освященная историческими испытаниями русского и армянского народов. Имен-

¹⁸⁹ Галоян Г. А. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. М., 1977, с. 37.

но это и составляет стержень и основу публицистической деятельности обоих поэтов в те годы, наполняет ее глубоким содержанием. В этом аспекте весьма примечательны открытые письма Ов. Туманяна и С. Городецкого, написанные в январе 1918 г. Об этом речь пойдет особо, — здесь лишь отметим, что в эти трудные дни письма Туманяна и Городецкого успокаивают население, одновременно вызывая широкий резонанс среди армянской, русской и грузинской интеллигенции края, полемику в прессе. Характерно, что в большинстве этих откликов — «Еще один ответ О. Ф. Туманяну» А. Селихановича¹⁹⁰, «Россия стягивается (по поводу письма Ованеса Туманяна)» Ю. Семенова¹⁹¹, «Русская революция и западная демократия (отклик на письмо Ованеса Туманяна)» Т. Сорокина¹⁹² и др. находим твердое убеждение в том, что Россия никогда не оставит в беде кавказские народы.

Однако были и противоположные взгляды. Статья С. Городецкого «Ржавые перья» — обобщающий ответ своим оппонентам — не потеряла, на наш взгляд, звучания и в наши дни. «... Всякий поэт, признанный своей страной, имеет от нее определенный мандат: честно и пламенно изыскивать внутренний путь ее роста и развития, чутко прислушиваться к пульсу ее жизни, не только механически определяя в каждый данный момент реальное соотношение сил (какое дело всецело принадлежит партиям), но чувствуя и предугадывая неуловимые, иногда непостижимые движения ее организма. В политической жизни все проникнуто настоящим. Поэт же вносит корректив в политику, напоминая о прошлом и о будущем. Поэт — хранилище и колыбель истории народа, совершенно забываемой в злорадных политических днях, — в частности пишет он. — Этот высокий мандат особенное значение имел в условиях старого режима, когда, зачастую, писатели, в ущерб ху-

¹⁹⁰ Кавказское слово, 18.1.1918.

¹⁹¹ Там же, 24.1.1918.

¹⁹² Там же, 7.11.1918.

дожественному своему творчеству, принимали на себя и политическое представительство страны. Я тоже воспитался в этих традициях... я не могу отказаться от своего, пускай мистического... но тем более драгоценного для меня мандата русского поэта.

Действительно условия изменились, политика может быть политикой, поэзия поэзией. ... Я лично не могу... отказаться от права мыслить, чувствовать и страдать по поводу жизни родины во всем ее объеме, без всяких исключений. Я лично думаю, что к трезвости, ясности, расчету политиков — в общей сумме жизни — всегда будет требоваться корректив безумия «лирического тумана», как говорит мой оппонент, дерзости поэтов. Логика хрома без интуиции... Ованес Туманян... мог обратиться, поэт к поэту, ко мне, а я — ему ответить. Как известно, всякая звезда родится из тумана, и, может быть, кое-какие звезды политической мысли и разовьются из первоначального «лирического тумана», в котором два поэта поверяли друг другу свои заветные думы и тревоги»¹⁹³. В статье Городецкий дает отпор ряду армянских и грузинских деятелей, которые увидели в русском поэте «великодержавного гегемониста», высказались о нем довольно развязно. Поэт отвечает своим «оппонентам»: «Я не герой тыла. Не будучи призван, я добровольно приехал на армянский фронт, увлеченный порывом русской интеллигенции на помощь к Армении. С вашим народом я был в тягчайшие минуты его жизни: Вашей крови детей, бросаемых во время отступления, я поднимал с дорог, где уже все прошли...».

В тревожные 1918–1919 гг. не было буквально ни одного вопроса, затрагивающего жизненные интересы нашего народа, который бы не был поднят в статьях Городецкого, ни одного примечательного события, которое не нашло бы отражения в его публицистике. Свидетельством тому являются также

¹⁹³ Там же, 20.I.1918.

пронизанные высоким публицистическим пафосом тематически целостные статьи. Эти статьи впервые введены в научный оборот нами¹⁹⁴. В них с глубоким уважением, сочувствием и любовью говорилось об Армении, ее древней и богатой культуре, о трагической судьбе, выпавшей на долю армянского народа, по рассказам очевидцев описано бедственное положение населения Восточной Армении после вторжения турецких войск, учинивших такие же зверские погромы, как и в Западной Армении.

В статье «Pro Armenia» («За Армению») читаем: «Не только заглавие, но и всю эту речь можно было бы написать латыни. Не потому, что этим классическим языком вполне подобает писать про старинный народ. И не потому, что медный голос латыни как нельзя лучше подходил бы к трагическим событиям, обрушившимся на Армению, напоминая собою набат общечеловеческой совести. Совесть прежних веков. О, нет не современной! Современная общечеловеческая, международная совесть если звенит, то далеко не медью, а другим металлом. Латынью потому можно писать про современную Армению, что никто этих речей не слышит, люди закрыли уши, опустили веки на глаза, чтобы не видеть ужасающей, оглушительной, невыносимой азбуки событий...»¹⁹⁵. Городецкий пишет, что на глазах всего мира уничтожают народ и об этом нельзя молчать. Но все происходящее словно напоминает театр, в котором на трагедию Армении смотрят с галерки Россия, из партера — Грузия, из ложи — Германия. А на глазах у всех не «представление убийства, а самоубийство». Публицист взывал к «общечеловеческой» совести. Особенно его угнетала судьба детей. «Армения, национальным своим

¹⁹⁴ См.: Закарян А. А. Армения и армяне в статьях С. Городецкого. — Вестник общественных наук АН Армении, 1990, № 8, с. 80-93; *его же*, Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.), с. 150–185.

¹⁹⁵ Кавказское слово, 25.VII.1918.

инстинктом, во всех своих бедствиях особенно любовно, особенно бережно относится к детям,— пишет Городецкий. — Надо было видеть эти детские обозы, эти детские приюты, наспех организуемые на фронте всякий раз, как разрушался какой-нибудь город, надо видеть этих воспитательниц, нянек и особенно учительскую молодежь, чтобы понять, как чудесно переплавляется чувство бедствий в чувство любви к сиротам. Это и понятно. Лишаемый территории, сгоняемый с древних мест поселения народ-беженец, естественно, будущее свое видит в детях. Поистине в Армении так много сирот, что их уже нет там: матерью стало государство. Иметь мать—это редкое личное счастье, воспитание детей — дело общегосударственное. Жестокая ирония судьбы: гуманнейшие идеалы новой педагогики осуществляются рукою смерти». Городецкий приводит яркие свидетельства страданий армянских детей-беженцев, в частности такое: «Врач приюта пишет о том, почему заболели дети. Они заболели от перехода с *травяного* питания на нормальное... в Эчмиадзине матери бросали детей в пруд, чтобы спасти их от мучений голодной смерти. И таким деталям нет конца. Одна другой страшнее, одна другой тяжелее. Происходит чудовищный процесс. Рубеж за рубежом отнимается у армян...».

Касаясь политических проблем, стоящих перед армянским народом, Городецкий вынужден признать, что границы Армении — лишь «мечта», ее просто нет, она «только в дипломатических бумагах и на старых картах России», «область за областью подпадает врагу», а «батумский договор отводит «под Армению» какой-то клочок земли, бесплодной и пустынной, со скудными недрами, обнаженной поверхностью, так сказать, символ государства. Народ хочет здесь сконцентрироваться, чтобы напряжением всех центростремительных сил спасти свое существование, но пределы и этого гнезда оказываются зыбкими, и здесь нет спокойствия, необходимо для государственного строительства, и здесь нет возмож-

ности мирной жизни».

С великим сожалением публицист констатирует, что какая-то «невидимая рука направляет дело систематического истребления нации», население Армении распадается на мертвых и беженцев, редет группа живых и работающих. В трагическом молчании народ Армении переносит эту «тягчайшую минуту своей истории», «плачущих, проклинаящих, вопящих» не видно. Стиснув зубы работают живые. Молча умирают обреченные... И свою роль действующего лица трагедии Армения несет с достоинством, замечает автор статьи. Но С. Городецкий вновь выражал веру в жизнестойкость армянского народа: «Вообще народы не погибают. И никогда не погибают народы, умеющие в минуты тягчайших бед и унижений сохранять свое национальное достоинство. Не погибнет и Армения. Измученная, обессиленная, она все же в эти трудные дни осуществляет свою историческую мечту о самостоятельности».

Особо выделяется статья «Новая рана». Городецкий ясно осознавал высокую ответственность русского народа, его интеллигенции за историческую судьбу не только своего, но и других народов России и подвергал политическому анализу то, с каким энтузиазмом воспринял русский народ принцип самоопределения наций. Этот принцип, как заметил Городецкий, «глубоко удовлетворял русскому самосознанию и снимал с русской совести грех угнетения малых и слабых»¹⁹⁶. С этой позиции подошел русский поэт и публицист к декрету об упразднении армянских организаций, действующих в РСФСР. Этим решением в качестве контрреволюционных, антисоветских были ликвидированы армянские культурно-политические демократические организации. Поднимая свой голос протеста, Городецкий обличает и осуждает антиармянские происки, защищает национальные интересы армянского народа. «В

¹⁹⁶ Там же, 29.VIII.1918.

ту минуту, когда армянский народ напрягает все свои силы к тому, чтоб, под угрозой физического истребления, при полной необеспеченности границ государства и жизни граждан, создать основы своего государственного бытия, агонизирующая большевистская Россия наносит ему новый удар в спину: декретом Ленина упраздняются все армянские национальные советы, комитеты обороны, военно-революционные комитеты и пр.», — пишет публицист и замечает, что большевизм «проявил тот же страх перед свободой народностей, какой был характерен и для царского правительства. Не умея гарантировать жизнь и развитие так называемым «малым народностям», большевизм силой, как и прежнее правительство, хотел держать их в связи с собой и с самого начала косо смотрел на всякое «самоопределение», объявляя его «контрреволюционным». Раздавались голоса, что в этом стремлении большевиков сохранить карту России сказывается их государственный ум. Но именно его то здесь и не было. Большевизм в этом вопросе примитивно подражал самодержавию и, конечно, был бесконечно далек от проповедуемых им заветов интернационализма». Городецкий очень метко заметил, что большевизм «не мог и не хотел понять, что путь к федерации лежит только через полное самоопределение, что разгон центробежных сил неминуемо приведет к центростремительному бегу». Ни один из учителей Интернационала, утверждает русский публицист, не мыслил братство народов, как «сцепление нивелированных и обезличенных государственных единиц — а, наоборот, как свободный союз вполне в своих пределах развившихся государственных организмов».

Весьма смело и жестко Городецкий критикует новые власти: «Фразу Энгельса о том, что государство есть насилие, Ленин сделал главным рычагом своей политики. И нажал на него в вопросе о национальностях. Одним из результатов этой политики и являются декреты об армянских организациях. Надо восстановить в сознании всю текущую на наших глазах

трагедию армянского народа, чтоб оценить весь цинизм этих декретов.

Народ, лишаемый территории, народ, прогнанный с исконных своих земель и гонимый с последних, отведенных ему клочков; народ, похожий на зверя, которого выкуривают из последнего угла его норы. Народ, с начала войны систематически истребляемый, усеявший своими костями огромные пространства и ныне ежедневно приносящий тысячные гекатомбы смерти. Народ, рассеянный по свету, не погибающий исключительно благодаря стальному своему упорству».

Осуждая новые власти, С. Городецкий пишет: «Истекающему кровью армянскому народу нанесена новая рана, и оттого, что эта рана нанесена Россией, хотя бы и большевистской, она особенно болезненна».

В статье «Живое кладбище» читаем: «Наступают дни всеобщего мира, вырабатываются новые формы культурной жизни, все народы возрождаются — и вот в это время, в дни торжества жизни, на бакурьянских высотах, не где-нибудь в пустынях Месопотамии, а в шести часах езды от центра совершенно открыто, совершенно так, как делается дело доброе и общепольное, с холодной точностью часового механизма творится чудовищное непоправимое дело смерти»¹⁹⁷. «Все привыкли к смерти, но, быть может, пора начать отвыкать от этой привычки видеть и не замечать вокруг себя смерть?» — задается вопросом Городецкий и размышляет, что представился «удобный случай» отвыкать от смерти там, где она явно бессмысленна. Публицист раскрывает перед читателем суть свершившегося: «Под нашествием турок жители Ахалкалакского уезда двинулись к Грузии, и на бакурьянских высотах, на территории, достаточной только для того, чтобы быть кладбищем такому количеству людей, под открытым небом, были задержаны в своем движении и заперты как бы в кон-

¹⁹⁷ Там же, 8.XI.1918.

центрационном лагере. Работоспособный, зажиточный крестьянин превратился в беженца. Культурное население – в голодную и большую толпу». Городецкий приводит впечатляющую статистику вымирания ахалкалакцев и поднимает вопрос об их немедленном возвращении в родные места после ухода турок, чем и прекратится «дело смерти, столь образцово поставленное в Бакурьянах».

Свое пламенное выступление в пользу страдающих армян Городецкий, обращаясь к властям, завершает так: «Долг каждого гражданина помочь в таких случаях. Долг прессы выдвинуть такой вопрос из-под сукна. Ведь никаким блеском государственного механизма не оправдать гибели хотя бы одного... голодного беженца. А они гибнут *десятками тысяч*».

Отворите же сердца свои, поймите эти цифры! Если каждый это поймет и подумает, быть может, скорей поймут это и те, от одной подписи которых зависят тысячи жизней. Уж если и при демократии нельзя обойтись без того, чтобы *тысячи жизней* зависели от *одной* подписи, то пусть эта подпись решает вопрос в пользу жизни, а не в пользу смерти!».

Статья Городецкого «Немножко зубрологии»¹⁹⁸ представляет собой отповедь некоторым не слишком чистоплотным деятелям русского общества, которые ополчились против армян¹⁹⁹. Не скрывая сарказма и своего негодования, публицист пишет: «Зубрология – наука. Наука о зубрах. Я имею полную возможность ее обогатить новейшими исследованиями».

Дело в том, что хотя в этой науке существуют целые

¹⁹⁸ Там же, 30 (17). XI.1918.

¹⁹⁹ Имеется в виду статья В. Опочинина «Грезы о прошлом», опубликованная в газете «Грузия» от 28 ноября 1918 г. На эту статью в закавказской прессе откликнулись многие, в частности в газете «Кавказское слово» опубликовали свое мнение ряд авторов: *Бекзадян Т. А.* В. Опочинин, прозревающий будущее (30 (17).XI.1918); *Чимшикиан А.* Открытое письмо В. П. Опочинину (там же); *Idem.* Вова приспособился (1(18).XII.1918).

главы, посвященные таким экземплярам, как Бобринский, Крупенский, Меньшиков, т.е. зубрам российским, тем не менее остаются мало известными зубры закавказские...

Мы можем указать точнее, в каких именно урочищах: напр., в Тифлисе... Изучаемая разновидность, как опять-таки в каждом порядочном зоологическом саду, имеет номенклатуру: В. Опочинин.

Прежде чем перейти к разглядыванию именно этого экземпляра, напомним два признака всякого зубра, указываемые в зоологии. Признак первый: «Общая *грязно-светло-бурая* окраска».

Обращаем внимание читателя на эту деталь: не просто грязно-белая, а именно грязно-светло-бурая. На первый взгляд окраска может показаться светло-бурой, или, даже может быть *светлой*, а на самом деле, она *грязно-бурая*, или просто *грязная*. Признак второй: «С годами становятся особенно зловны и дики и *нередко нападают на человека*»...

Оба эти признака в высшей степени присущи ныне наблюдаемому экземпляру, В. Опочинину. Посмотришь – светлая личность. Ни дать, ни взять апостол, только борода коротка. Поборник правды, каких мало – лишь с самой маленькой оговоркой: борется за правду постольку, поскольку она ему нравится.

Армян любит прямо до самозабвения. Куда там Отелло! В шепки не годится. Всю свою жизнь отдает он этой беззаветной страсти к Армении. Это какая-то бессмертная любовь...Если б не Опочинин, погибли бы армяне. Он – их спаситель, он их заступник. Друг, можно сказать, единственный».

Городецкий негодуяюще пишет: «Сидит этот друг, ходатай и адвокат армянского народа, у себя в зоологическом и пишет статью про свой возлюбленный армянский народ. Столько же в ней любви, сколько честности. Столько же в ней честности, сколько правды. Столько же в ней правды, сколько ижицы – ни одной ижицы, ни капли правды, честности и любви».

Сплошная пакость — читать тошно. Вот она зубровская окраска. Недаром сказано про нее в зоологии: «грязно-светло-бурая».

«Наш зубр... прямо говорит свое, затаенное, — подчеркивает автор статьи. — Ведь если уж говорить по правде, то армяне имеют меньше, чем кто-либо, и этнографических и исторических прав на самостоятельную территорию».

Аргументы Городецкого в защиту прав армянского народа вески и очевидны: «Замечательная мысль, чисто зубровская. Здесь мы стоим вплотную перед зубровской психологией. Чтобы ее оттенить, сопоставим зубровскую правду с исторической».

Многочисленный народ покрывает памятниками своей культуры огромную территорию. Многовековой борьбой он отстаивает свое существование под напором завоевателей. Последней войне, ведомой за будущую свободную жизнь народов, он платит непомерную дань сотнями тысяч мучеников.

И вот в момент, когда наступает осуществление его надежд, ему говорят, что он не имеет права на территорию.

Мало того: зубровское перо своим чисто зубровским способом аргументирует. Способ чрезвычайно прост: берется факт — и отрицается.

Армяне всю свою территорию залили своей кровью, защищая каждую пядь, каждый камень. Зубр, доказывая, что армяне не имеют права на территорию, говорит: «а территорию надо заслужить исторически, надо ее в свое время отстоять кровью». В силлогизме подменяется предпосылка, и нужный вывод готов.

Как все это жалко, как бессильно. И сама мысль о том, что народ должен «заслужить» территорию, и доказательства ее. Психология зубра отстала от психологии современного Вильсону человечества на много-много веков. Психология зубра сплошь пропитана привычкой к насилию и подхалимству. Одно это слово «заслужить» чего стоит? Старой

На позициях Ванской самообороны (апрель, 1915 г.)

Турецкие погромщики у групп армян (1915 г.)

Генерал-майор А. Кулебякин перед «Дверью Мехера»
(Ван, 1915 г.)

Ов. Туманян и С. Городецкий (Тифлис, 1916 г.)

ГОРОДЪ ЕРИВАНЬ

18 ЯНВАРЯ 1916 ГОДА ВЪ ЗАЛѢ ГОРОДСКОГО КЛУБА
СОСТОИТСЯ
ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

**ВАЛЕРІЯ
БРЮСОВА**

АРМЯНСКАЯ ПОЭЗІЯ.

ՀԱՅ ԲԱՆԱՍՏԵՂԻՈՒԹԵԱՆ ՄԱՍԻՆ

Афиша лекции В. Брюсова (Ереван, 1916 г.)

Ваану Тэряну
и любовь и его творчеству

дружески

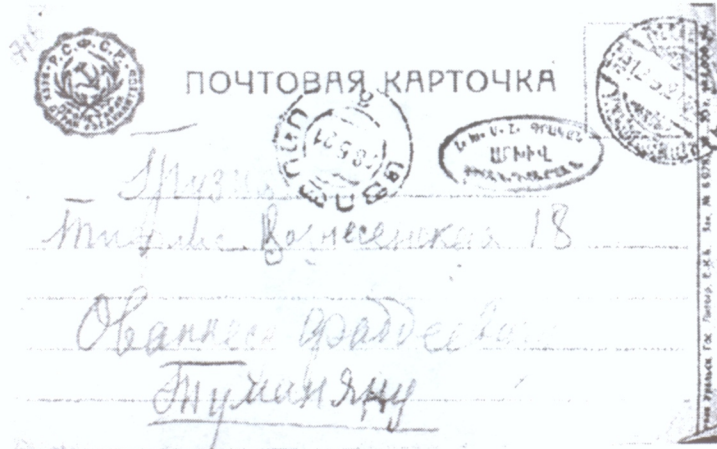
Валерий Брюсов

1916.

СЕМЬ ЦВЕТОВЪ РАДУГИ.

Репродукция портрета В. Брюсова (работа художника Врубеля), подаренная Ов. Туманяну, с дарственной надписью (1916 г.)

Дорогой Ованнес Гладкевич! сердечно приветствую Вас и желаю Вам и семье благополучия. Вот вчерашней ночью я видел в своем сне ясновидящего В. В. Зубова. Он мне сказал, что в вашей картине (рисунок № 23) изображены в Брестской крепости (немецкая линия) камеркамеберская (ваши 38) и другие другие люди, которые изображены в вашей картине (рисунок № 23) и которые вы видите с собой. И вы видите в своей картине (рисунок № 23) и другие другие люди, которые изображены в вашей картине (рисунок № 23) и которые вы видите с собой. И вы видите в своей картине (рисунок № 23) и другие другие люди, которые изображены в вашей картине (рисунок № 23) и которые вы видите с собой. И вы видите в своей картине (рисунок № 23) и другие другие люди, которые изображены в вашей картине (рисунок № 23) и которые вы видите с собой.

пылью пахнет от этих мертвых слов».

Городецкий клеймит «зубра» Опочинина, когда пишет: «описанный прием с простым подменом предпосылки – самое невинное, что есть у зубра. Его арсенал гораздо гаже. Кроме инструментов мелкого фокусничества туда входят более современные аппараты, более подлые. «Живя и работая в России, — вещает про себя наш экземпляр, — я на каждом шагу сталкивался с исключительным недоверием русского общества к армянам, причем тамошние люди еще сравнительно равнодушны, но, кто только побывал на Кавказе, тот уже привозит обратно вполне сложившуюся антипатию». Ведь это же ложь.

Хотя Опочинин, как ходатай и адвокат, и не лжет. Таково зубровское искусство. Клеветать, не клеветца. Лгать и не лгать».

Городецкий прекрасно знает, что передовое российское общество всегда с симпатией относилось к армянскому народу: «Если под ним разуместь русскую интеллигенцию, которая в лице своих лучших людей проявила такую братскую симпатию к армянам, если вспомнить огромную работу Валерия Брюсова, Максима Горького и других над армянской литературой, то все сказанное Опочининым, конечно, самая бесстыдная ложь.

Но если под «русским обществом» разуместь те клетки русского зверинца, где «жили и работали» русские зубры, то, конечно, там можно встретить не только «исключительное недоверие» и «вполне сложившуюся антипатию», но и гораздо худшие вещи — и натравливание, и провокацию, и самое простое людоедство».

«Венок друзьям» — трогательная статья Городецкого о героях Ванской эпопеи — К. Амбарцумяне, сыне Ов. Туманяна — Артавазде, докторе Варганяне. Русский поэт пишет:

«Не в равном бою пали они, а в коварной осаде: их благородная доверчивость и неустрашимость встретилась с предательством и злобой врага. Горькая тяжелая скорбь о их гибели. Таких сынов терять в такую минуту армянскому народу особенно трудно.

И не хочется верить, что их нет, что только тени их остались с их народом, что только в песнях о них спеть можно...»²⁰⁰.

Характеристики Городецкого метки, продуманны. Так, он пишет о К. Амбарцумяне: «... именно такие люди, каким был он, нужны возрожденной Армении. Выйдя из народа, пройдя суровую школу политической борьбы, К. Амбарцумян принадлежал к той деловой, народной интеллигенции, на которую обращены сейчас надежды всех народов, не только армянского. Армянам же в деле воссоздания их страны, в момент осуществления многовековых стремлений, в этот великий день победы, такие деятели особенно нужны. Амбарцумян был типичнейшим из них... Он знал свой народ и в каждом видел брата. Что-то библейски-патриархальное было в его отношении к человеку. Народ он мыслил, как семью. Сердце у него было близко от дела. И в этих его чертах отражаются старинные нравственные качества армянского народа».

О докторе Вартаняне русский поэт отзывается не менее тепло: «Армянин американской складки, он нес с собой своему народу дары другой культуры, чем Амбарцумян, энергию, методичность работы, европейское понимание долга. Живой, подвижный, неутомимый, он в трудные для ванцев дни много сделал им добра. Он плохо говорил по-русски, и я мало знаю про него, но все любили его и ценили. Его гибель — большая утрата для Армении».

Особенно трогательно пишет Городецкий о сыне своего

великого армянского друга — поэта Ов. Туманяна Артавазде: «...юноша — герой, работавший для родины и отдавший жизнь за нее в канун славы, мой незабвенный друг, красивый глазами и душой, Артик Туманян.

Всею памятно героическое письмо его отца Ованеса Туманяна, обращенное в начале войны к Андранику, в котором отдавал он всех своих сыновей этому вождю, благословляя их на гибель за родину. (Вспомним, в Эчмиадзине приемом беженцев занимались и его дочери. — *Ан. З.*)

И вот, самый юный, самый нежный из его сыновей исполнил волю своего отца: он пошел и погиб за родину. Вся жизнь была впереди. Талантливая натура влекла его то к живописи, то к театру, то к стихам. Он все оставил и пошел на работу и смерть».

Русский публицист не может забыть личного общения с этим прекрасным сыном армянского народа, навсегда запавшим в его душу обликом молодого патриота: «Огромные глаза его блестели, черные кудри падали на белый лоб, он был романтичен в этих садах смерти. Но в романтике его было что-то жизнерадостное, обращенное к будущему. Утром он лихо-радочно бросался на кропотливую работу поддержания и восстановления жизни, работал запоем. Как много творческих сил погибло в нем, как жаль это сердце, полное горячей туманяновской крови! Артавазда ожидал расцвет. Все юношески неуравновешенное, что было в нем, должно было непременно отлиться в красивое творчество»²⁰¹.

²⁰¹ Уместно вспомнить: 3 декабря 1918 г., из печати узнав о трагической судьбе Артавазда и его друзей, С. Городецкий с болью писал Ов. Туманяну: «Сейчас Вардгес (Агаронян.—*Ан. З.*) перевел из «Оризона» печальные строки о гибели в бою наших общих друзей и в их числе нашего нежного... Артика. Слезы мне застилают глаза, я его любил, как единокровного брата, но мое горе мне кажется маленькими сумерками по сравнению с огромной ночью вашей скорби. Я не сумею утешить Вас, отца героя, но я так близко-

²⁰⁰ Кавказское слово, 8(25). XII.1918.

«Бедствия Армении» — одна из заметных статей Городецкого, четко представившая картину современного состояния страны, ее проблемы. В ней рассказывается о «невероятных условиях», в которых живут беженцы. Публицист, в частности, пишет: «...чаша бедствий еще не испита до дна, и вести, идущие из Армении, опять заставляют леденеть душу. Приехавшие с работы оттуда рисуют полную картину смерти, вымирания. Дело турок и германцев продолжают голод и болезни. Все классы общества одинаково платят дань смерти. Умирают министры. Погибает интеллигенция. Редуют ряды армии. И без счета гибнет народ. ...На глазах у всех падают дети и не встают больше. С мест идут чудовищные вести. Все запасы истрачены. Беженцы живут в невероятных условиях... И поразительно, с какой безропотной покорностью принимает население голодную смерть. Никаких демонстраций, никаких протестов. Умирают молча»²⁰².

Городецкий считает, что внутренними силами Армении не подняться и призывает к «интернациональной» помощи, к «межгосударственной солидарности» для преодоления голода и эпидемий, — «иначе все радужное будущее Армении будет поколеблено и лишено фундамента. Ведь в эти тяжелые дни несчастная страна теряет главное свое достояние: свое население, свой народ.

Пусть потускнеют на время политические мечты и грандиозные планы.

Сейчас время будничной, тяжелой работы. Сейчас нужно спасти живых людей от неминуемой гибели.

И это дело должно быть всеобщим».

близко стою около Вас и смотрю вместе с Вами в опустевший мир и жду минуты, чтобы поднять вместе с Вами глаза к вечным звездам, где теперь душа Артика » (с. 182).

²⁰² Кавказское слово, 4.II.1919.

* * *

Армянская общественность резко протестовала против кровавых событий, развернувшихся в 1918–1919 гг. в Карабахе, когда турками и азербайджанскими мусаватистами здесь были вырезаны тысячи ни в чем не повинных армянских стариков, женщин и детей. Городецкий во время пребывания в Закавказье был довольно близок, как видим, с армянскими общественно-политическими и культурными деятелями. Благодаря им он владел информацией о событиях в крае, о положении армянского народа в целом. И не случайно, что в те тревожные дни выступает в печати со статьей «Карабах»²⁰³.

Содержание ее лишней раз свидетельствует о том, с какой глубиной русский деятель исследовал историю и культуру армянского народа, что дало ему возможность раскрыть роль края для Армении, защитить национальные интересы армян и прийти к однозначному выводу — Карабах исконно армянская земля. С. Городецкий, в частности, писал: «Когда судьба преследует нацию, она бывает оплотом национальной жизни, островом надежд, залогом возрождения. Именно последнюю роль играла и играет для армянского народа горная область Карабах. Сама природа придала ей огромное значение.

Там, в неприступных высях Карабаха, являющихся продолжением Карсских и Севанских нагорий, в течение двух тысяч с лишним лет армянский народ выдерживал натиск кочующих племен, сохраняя свою культуру, обороняя свое национальное лицо.

Будучи единым этнографически, хозяйственно и по языку, Карабах сделался цитаделью Армении, восточным ее флангом. Таким он был в прошлом, таков он сейчас, таким он будет и всегда».

Русский поэт дает точно уловленный портрет карабахца: «Широкий размах, беззаветная храбрость, склонность к риску,

²⁰³ Там же, 23.III.1919.

уверенность в себе, своеобразное упрямство, прямолинейная настойчивость, патриархальность в семейном быту — вот симпатичные черты карабахца, являющиеся как бы концентрацией старинных армянских доблестей, потускневших от жестокостей истории и в чистом виде сохранившихся в Карабахе. Высокий, кряжистый народ, ушедший в горы для спасения жизни, окреп в горном воздухе и предохранил себя от заражений, постигающих жителей долин.

Национальная память Армении должна запомнить немало громких имен карабахцев. Нет области, в которой они не проявили бы своей предприимчивости и таланта. Политика, литература, общественная деятельность, торговля — все служило ареной их работы».

Городецкий подчеркивает: «... обладая Карабахом, Армения получит богатый приток энергичной культурной силы, которая хлынув на разоренные пространства Армении, оплодотворит их культурой и тем самым завершит славную многовековую историю Карабаха».

Каждый народ ищет теперь свое. Все будущее возрожденных наций зависит от того, найдут ли они в самих себе достаточное количество, так сказать, дрожжей своей национальной культуры. При таких условиях все центры, где по тем или иным причинам сконцентрировалась культурная жизнь, приобретают исключительное значение. Таково же значение и Карабаха для Армении».

Статья является ценным документом, ибо кроме отражения исторической правды, выявляет отношение передовых людей России в лице Городецкого к вопросу, имеющему жизненное значение для армянского народа. Она дополняла огромный интерес к этим событиям. Глубокие и содержательные выводы Городецкого о проблемах Карабаха своей объективностью и непредвзятостью «человека со стороны» не потеряли актуальности и значимости до сих пор.

* * *

Среди множества публицистических работ Городецкого статья «Последний крик» — одна из самых трогательных и волнующих душу, поэтому приводим ее более подробно: «В моей душе жив один крик. Навсегда, неразделимо. В пытках ада, в блаженствах рая, в сиянии земли — всегда я могу его вспомнить — и все поблекнет: огонь, лазурь, цветы... Мы покидали Ван. В третий раз. Переполненные детьми фургоны готовы были тронуться в опасный и далекий путь на север...»

Из ворот больницы выносили последних, кого можно было поместить на переполненных фургонах.

В воротах стояла кучка осужденных остаться. Они тискались друг на друга, пробивались вперед, цеплялись за колеса. Выражение отчаяния и тоски было в их изнуренных лицах. Что их ждало? Медленная смерть, если враги их не заметят. Смерть мучительная, если у врагов будет время и охота насладиться их мучением.

В стороне стояла старуха. В своих лохмотьях она была царственна. Яркость красок национального костюма была сильнее ветхости. Заплатанная и ободранная одежда хранила все свое экзотическое величие. Босые загорелые коричневые ноги, сухие, голые до плеч темные руки с исхудавшими когтистыми пальцами. Седые волосы из-под истрепанного головного убора, и лицо, лицо — незабываемый лик долготерпения, страдания и надежды такой сильной, что сильнее его был только ее голос, который я вскоре услышал... Морщинистый лоб, орлиный нос, изможденный рот, с тем странным выражением, которое бывает в последней стадии мучений и которое похоже на улыбку. И глаза. Запавшие глубоко в орбиты, полуприкрытые тяжелыми сожженными солнцем веками, с редкими, длинноотросшими седыми ресницами, — и все же яркие, безумные, не сдающиеся глаза. Вот ее облик. Она не цеплялась, не выбивалась вперед, как другие. Она

стояла поодаль, в каменном порыве. Она протягивала свои темные руки с заостренными локтями, куда-то вверх, и резко обозначенные кости ее шеи тоже тянулись куда-то в последнем напряжении. Она не кричала, не двигалась, и оттого я ее заметил. И не мог отвести от нее взгляда. Что-то древнее, библейское, безысходное и роковое было в ее позе. И все же, наперекор всему, неизъяснимая надежда двигала ее душу...

Фургоны тронулись, один, другой и третий, много. Мертвый свет холодной луны освещал дорогу через пустой город, в ущелье зияющих развалин. Все смолкло — говорил Рок. И вдруг в этой лунной тишине раздался крик. Это завывала старуха.

Протяжно, с медленностью, которую рождает безнадежность, с тоской, которая приходит перед смертью, с каким-то звуком, напоминающим имя мать, то приближаясь к визгу отчаянья, то замирая в клочущих басовых нотах ужаса и мольбы, она — не знаю, как это назвать — рыдала, плакала или выла, и этот сложный, огромный звук покрывал и лунную ночь, и разоренные жилища, и опасный путь.

Неотступно, как ангел горя, шел он за нами, покрывая своими острыми черными крыльями весь обоз, всех детей, всех живых.

И нельзя было отметить тот момент, когда он прекратился, а слух продолжал еще его слышать. Не было спасенья от него, он остался навсегда во мне, как во многих, кто его тогда слышал, последний крик отчаянья и тоски...»²⁰⁴.

Далее в статье дается картина послевоенного обустройства Армении, неисчислимы и часто неразрешимые проблемы, стоящие перед народом. Армения, «обласканная» речами великих держав, была обманута вновь: «Обращение Армении к парламентам всех государств, — этот неизгладимый в совести всего мира документ — прозвучало так трагично, как давно не

звучало человеческое слово. Ни одного упрека, ни одной жалобы, ни одной просьбы о помощи.

Неприкрываемая правда положения, которая не нуждается в пояснениях. Ясный до ужаса, широко открытый взор на близкое будущее. И полный гордого достоинства, трагизм. Вы слышали? Теперь вы знаете? Я умираю...

Доведен здесь до предела усиления звук голоса ванской старухи, очищен всенародностью, прокален разумом. И стал он громче радио, звучит на весь мир, ко всем народам. Кто услышит? Кто придет?

И раньше, чем придут отклики, мы знаем, что совесть наций содрогнется, — не та версальская, гибкая совесть, которая лучше умеет устраивать праздники побед, чем ежедневную будничную жизнь, а та неумолкающая, внутренняя совесть, которой только и живы народы».

Армянская мечта вновь погасла: «Теперь мы должны сознаться, что обмануты в наших надеждах». «Нет для нас ни друга, ни союзника, ни помощи извне». Это — анализ положения. «Мы, объединившись, смело можем защищать себя, независимо от присутствия или отсутствия союзников». «Воспрянем с новой энергией, возьмемся за оружие и вступим в кровавый бой последний раз». Это — тактика дня. «В этот момент мы можем надеяться и рассчитывать только на наши силы».

Городецкий, однако, верит в будущее нации: «Если б не было слышно этих последних призывных звуков, то трагический голос обреченной старухи покрыл бы все голоса Армении. Но нет! Песнь последнего отчаяния таинственно переходит в песнь борьбы. На заре, когда проснулись дети в фургонах, звонкий хор их голосов заставил все-таки забыть голос старухи. Так и теперь, призывный звук слышнее вопля отчаяния. Это он раздастся над свежими могилами новых жертв. Это он их отлетающие души провожает к небу. И вслед за последним криком начинается молчаливая, немая, стиснув

²⁰⁴ Слово, 28.VIII.1919.

зубы, борьба.

Не потому последний этот крик, что за ним идет немота могил и развалин, а потому, что в нем кончается голос призывов к помощи, это бесполезное «помогите», этот долгий вопль.

И начинается иное, новое, тоже знакомое Армении, как и голос отчаянья.

В самые мрачные минуты, когда нация, казалось, гибнет в резне, все же в недрах ее шла жизнь, и собирались силы для отпора».

...Кстати, напомним, что в 1919 г. в первых двух номерах издающегося в Тифлисе журнала «Орион» С. Городецкий напечатал первые три главы романа «Алый смерч». В нем он обращался к событиям, происходившим на Кавказском фронте и в Западной Армении, затрагивал и Армянский вопрос. Осуждая политику великих держав с их идеей — «Армения без армян», Городецкий писал: «... достаточно исправно проводилась в жизнь и наполовину уже осуществилась: провокация национальной резни между горцами-курдами и долинными землепашцами-армянами, внезапные фиктивные отступления, беженство и гибель многотысячных масс — уже основательно очистили Турецкую Армению от армян, покрыв трупами весь путь от русского Игдира, через Суванан и Бегри—Калу к Ванскому озеру... Турецкая Армения была уже почти без армян...»²⁰⁵.

С. Городецкий, таким образом, предстает перед нами как совесть русского народа. Совесть, с которой публицист никогда не вступал в сделку, и это в то время, когда в полную силу политизировалось все и в первую очередь морально-нравственные ценности. Вышеизложенный материал и есть тому яркое свидетельство.

²⁰⁵ Городецкий С. *Алый смерч*. М.—Л., 1929, с. 8.

В годы проживания в Тифлисе С. Городецкий имел возможность также путешествовать по Армении и Грузии. Особого внимания заслуживает его приезд в конце апреля 1919 г. в Ереван по приглашению «Литературно-художественного общества». Прочитанные им здесь лекции явились важным событием в жизни города.

До этого Городецкий непродолжительное время был в Ереване в 1916 г. Своим мнением о городе он в форме заметок поделился в газете «Русское слово». Хотя и прошло почти 90 лет со дня присоединения Восточной Армении к России, однако губернский центр своей неблагоустроенностью произвел на русского поэта весьма гнетущее впечатление: «Если бы основатель города, ванский царь Аргишти, проехал теперь по Эривани, сердце его перевернулось бы...»²⁰⁶.

И вот он вновь в Ереване, в более тяжелые дни, когда город переполнен бездомными беженцами, когда свирепствуют голод и эпидемии, каждодневно отнимающие сотни жизней. Городецкий выступает здесь с лекциями для армянской общественности, с готовностью разделить страдания народа. 13 апреля 1919 г. ереванская газета «Жоговурд» («Народ») извещала, что 16 и 17 апреля в зале парламента состоятся две лекции русского поэта С. Городецкого. Но в эти дни лекции не состоялись, так как поэт приехал в Ереван позже, 24 апреля.

Путешествие, начатое в Тифлисе, он подробнейшим образом описал в путевых заметках «Путешествие в Эривань» и опубликовал в «Кавказском слове», где читаем: «На рассвете 24-го (третий день путешествия) мы выехали из Александрополя и в одиннадцать утра увидели Эривань с ее серым собором, садами и торжественным Араратом. Старик, весь жемчужный, сверкая сквозь кружевные облака, встретил нас

²⁰⁶ Армянский вестник, 1917, № 1, с. 15.

приветливо. В его осанке появилось спокойствие, но глубокие думы бороздили морщинами его вековое чело. Мы не посмели беспокоить его божественную нирвану назойливыми расспросами и только помечтали о том, каким интересным могло бы выйти сейчас, — и для нас, и для Европы, — интервью с самим Масисом»²⁰⁷.

Говоря «мы», Городецкий имел в виду едущих с ним в Ереван в том же вагоне артистов. Среди них — итальянка, немец и англичанин-военный. Затем описываются те местности, через которые прошли турецкие захватчики весной 1918 г. Вот поле при вокзале Александрополя, покрытое сломанным оружием, человеческими костями и черепами, в глазницах которых еще сохранилось «выражение ужаса». А под открытым небом группами собравшиеся беженцы ждали возвращения в родные края. На фоне этих ужасающих картин жизни С. Городецкий как бы спорит с европейцами, в частности с англичанами, которые в эти дни хозяйничали в Закавказье. Путешествию С. Городецкого предшествовал армяно-грузинский инцидент, который в конечном счете был результатом провокационной, шовинистической политики проводимых некоторыми политическими деятелями. Сказанное иллюстрирует и следующий факт. Весной 1929 г. с ответным визитом в Армению находилась группа представителей грузинской интеллигенции. Талантливый литератор Г. Робакидзе об этом посещении публикует в грузинском журнале «Мнатоби» очерк «Армения», который в то же время появляется в армянской прессе («Нор уги» — «Новый путь», Ереван; «Анаит», Париж). В заключение своей статьи автор пишет: «Что делали наши предшественники? Почему не увидели, не посетили Армению? Где были писатели, авторы, поэты? Если бы посетили, увидели друг друга, безусловно, «национальная — националистическая психология» нашла бы меньше места в их

²⁰⁷ Кавказское слово, 8.V.1919.

думах»²⁰⁸.

В этом конфликте, как известно, сыграл свою негативную роль пресловутый английский представитель полковник Томсон. Известно, как возмущена была в эти дни общественность Закавказья вмешательством англичан во внутренние дела народов края. Отношение С. Городецкого к английским колонизаторам, в частности, совпадает с позицией Ов. Туманяна, который еще в 1913 г. в обширной статье «Армянский вопрос и его решение» разоблачал двуличие английской дипломатии в судьбе Армении.

Несомненно, о намерении Городецкого отправиться в Ереван и предусматриваемых там лекциях знал Туманян. Лекции Городецкого были посвящены в основном Западной Армении и западноармянской культуре.

Свою первую лекцию он прочел 25 апреля под названием «Тени Вана».

Газета «Ашхатанк» («Труд») от 3 мая 1919 г. сообщала, что в своей лекции С. Городецкий «как красивые и исторические чудесные сказания ...вспоминал Ахтамар, Ара и Семирамиду, Невесту и Жениха и др. ...Говорил о багровом и золотистом закате, о прекрасной великолепной заре, о синем и мятущемся озере, о райском Айгестане, о красивых домах, об искусных ремеслах, сельских нарядах и т. д.».

В Западной Армении поэтическую душу Городецкого поразило, в частности, совершенство армянской архитектуры. «...ванские древности — это архитектура. — пишет он. — Но архитектура тех времен, когда человеческое искусство продолжало творчество природы: так она массивна, грандиозна, величава, что стоит ближе к стихийному размаху сил природы, чем к усилиям человека-художника» (с. 36). В лекции С. Городецкий раскрывает причины этого, объясняя, что армянский народ, принимая христианство, «никогда не забывал

²⁰⁸ Анаит, 1929, № 3, с. 76 (на арм. яз.).

своего прошлого... своего языческого мира», он «не уничтожил свои старинные храмы, а над ними строил новые»²⁰⁹.

Гармоничность армянской архитектуры с природой Армении, как известно, отмечали многие, однако эта архитектура характеризовалась также какой-то материальной «устремленностью в небо», на что, по воспоминаниям поэта А. Исаакяна, указывал выдающийся исследователь древнеармянского зодчества архитектор Т. Тораманян²¹⁰.

Исходя из предпосылок, что армянский народ не забыл свой «языческий мир», С. Городецкий анализирует легенды и сказания, связанные со страной Васпуракан. Корреспондент «Жоговурда» сообщает, что, возвращаясь к истории «Ара и Семирамиды», русский поэт отмечал: ее «...ценность велика и ...своей глубиной может сравниваться с легендой о Христе». Очевидно, Городецкий имел в виду общность легенд воскресения Ара и Христа. Эту же мысль о воскресении он подчеркивает, анализируя легенду о Маленьком Мхере: «... армянский народ демонстрирует большую силу и храбрость, и в этих легендах он побеждает смерть и восхваляет жизнь. В этих легендах чувствуешь дыхание жизни. Армяне не останутся без помощи — Мхер выйдет из-за двери и больше не вернется обратно».

Отчаявшийся армянский народ более всего нуждался во вдохновляющем слове. Глубоко осознавая это, Городецкий строил свою лекцию в этом духе, обращаясь к памятникам древней культуры народа, выявлял его мечты и ожидания, жизнеутверждающие стремления.

Вторая лекция — «Современная армянская лирика» — была прочитана Городецким 27 апреля²¹¹. Как в первой, так и

²⁰⁹ Жоговурд (Народ), 11.V.1919 (на арм. яз.).

²¹⁰ См.: Исаакян А. Собр. соч. в шести томах. Т. 5. Ереван, 1977, с. 75–76 (на арм. яз.).

²¹¹ См.: Ашхатанк (Труд), 3.V.1919 (на арм. яз.). По-видимому, дата прочитанной лекции неточна: газета «Айастани ашхатавор» («Ра-

в этой лекции поэт проводит ту мысль, что выносливость, стойкость, непоколебимость — традиционные свойства армянского фольклора и литературы — являются и чертами армянского народа, отраженными особенно в его легендах.

В качестве предисловия ко второй лекции С. Городецкий обратился к европейской и русской литературам конца XIX — начала XX в., считая их «...проникнутыми пессимистическими выражениями духа»²¹². Характерно объяснение поэтом этого явления. По его мнению, «Бодлер, Верлен, Блок и др. поют о той боли, которая владела подавленным человеческим сердцем. Человек стал рабом, и кто не хотел покоряться законам порочного и лживого общества, тот преследовался и изгонялся, как это случилось с Оскаром Уайльдом»²¹³. Говоря об армянской поэзии, докладчик считал, что в начале века, выйдя из национальных рамок, она выражала общечеловеческие настроения, и что «проникнутое пессимизмом выражение духа» можно найти также в армянской лирике. Отмечается общность в поэзии А. Исаакяна, В. Терьяна и Верлена, и если для Терьяна это приемлемо, то в случае с Исаакяном — спорно. А. Исаакян создавал и нежные, и поющие, и страстные, призывающие к борьбе лирические песни (как Гейне, Лермонтов). В то же время, если для лирики Верлена характерно мелодичное плавное течение, нежная модуляция, что видим в песнях Терьяна, то лирика Исаакяна отличается живописностью, красочностью, образностью, плавными переходами. Творчество Исаакяна своими истоками уходит в народные песни, откуда оно унаследовало многое. В этом смысле среди отмеченных общностей характерна оговорка Городецкого о том, что «...в их (Исаакяна и Терьяна. — *Ан. З.*) песнях мы находим также такие странички, которые свидетельствуют о

ботник Армении») 27 апреля сообщала, что С. Городецкий уже прочел две лекции в зале парламента.

²¹² Жоговурд, 11.V.1919.

²¹³ Там же. Ср.: Ашхатанк, 3.V.1919.

том, что они смогли прорвать тьму и выйти к свету».

Более примечательны оценки, данные творчеству Ов. Туманяна и Д. Варужана. «Ожидание лучших дней никогда не покидало армянских поэтов, что более всего подчеркнуто в песнях Д. Варужана и Ов. Туманяна», — заключает он.

Ереванским лекциям Городецкого предшествовало празднование в Тифлисе 35-летия со дня рождения Д. Варужана. Русский поэт, как уже сказано, принимал активное участие в нем. К жизни и творчеству Варужана он обращается и в этой лекции. Городецкий подчеркивает, что хотя Варужан «певец трагедии и боли, но его песни проникнуты примирением и миролюбием. Сивасский мужик — сила, которая всегда воскреснет и всегда будет жить». Из этих сжатых строк следует, что исходные положения прочитанной в Ереване лекции и выступления поэта на вечере, организованном в Тифлисе и посвященном 35-летию со дня рождения Варужана, идентичны. Это выступление, как отмечалось, Городецкий опубликовал под названием «Сивасский мужик». Из статьи видно, как поэт, споря с символистами, с точки зрения и согласно требованиям акмеизма, высоко оценил творчество Варужана. Анализируя стихотворение «Гадалка», «Возвращение», Городецкий констатирует жизнеутверждающую силу, оптимистическую веру, характеризующие творчество Варужана.

К указанным стихам он, несомненно, обращался также в ереванских лекциях. И, примечательно, что именно эту оптимистическую веру Городецкий считал общим свойством своеобразного творчества Варужана и Туманяна, одновременно подчеркивая неопределимую заслугу Туманяна в деле укрепления дружбы закавказских народов.

Корреспондент «Жоговурда» пишет, что в конце лекции русский поэт подчеркнул, что «еще большим оптимизмом наполнены песни Ов. Туманяна. Всю свою жизнь Туманян посвятил делу солидарности кавказских народов, и сегодня... Ов. Туманян посвящает грузинским поэтам прекрасные, с боль-

шим воодушевлением написанные стихотворения».

В стихотворении «Поэтам Грузии» Туманян с беззаветной любовью славит Грузию, грузинский народ, в духе своих сказок, легенд он выражает уверенность в том, что рано или поздно придет «конец злу» и победит братство людей.

Во время пребывания в Ереване Городецкий посетил его достопримечательности, побывал в Эчмиадзине, встречался со многими деятелями культуры, делил их радости и печали. В цикле статей «Путешествие в Эривань» живыми красками обрисовано царящее здесь общественно-политическое положение — борьба партий, будничная атмосфера. В статье «Оживающий город»²¹⁴ из этого цикла поэт описал положение армянского народа весной 1919 г., деятельность правительства на пути преодоления имеющихся в стране трудностей, проблеме беженцев.

Городецкий пишет: «Губернский городок русской окраины превратился в столицу государства, выходящего к двум морям. Захолустная провинциальная жизнь сменилась лихорадочкой строительства. Ведь, если там, в Париже, кроют карту Армении, то здесь, в Эриване, совершают первые шаги ее самостоятельной жизни. Там замыслы, здесь выполнение, там идеи, здесь факты». Русский поэт дает весьма оптимистический портрет столицы независимого армянского государства: «Эривань оживает. Внешне она мало изменилась: те же улицы и магазины, та же фланирующая толпа, но ритм движения другой, более деловитый, много новых лиц, нового типа людей, прежде невиданного в Эривани. Везде идет работа, ежедневная, муравьиная, упорная. Бутафории государственного строительства совсем не видно. Никаких декораций, никакой «придворности», все скромно и дельно. Еще у всех в душе только что пережитый тяжелый черный день. И, чтоб ликвидировать его совсем, столица Армении напрягает все

²¹⁴ Кавказское слово, 11.V.1919.

силы». Городецкий с удовлетворением отмечает тот факт, что независимая Армения не «порвала» со своим российским прошлым: «... нужно отметить бережную осторожность, с какой относятся армяне к наследству, оставленному им Россией на их территории. Связь с русской культурой ими не порвана и национальное возрождение не поставлено в противоречие с русской традицией».

Публицист отмечает все перемены в жизни армянского общества, трудности, преодолеваемые им на новом этапе жизни: «Республика Армении создается при исключительном положении ее населения. Ее население, как известно, находится в состоянии беженства. Оно в подавляющем большинстве оторвано от своих мест и от регулярной работы. И можно сказать, что беженский вопрос поглощает внимание всего правительства без различия ведомств и министерств. Разместить, накормить, возвратить к хозяйственной жизни население, прокормить и обучить в приютах тысячи сирот, сократить смертность и заболеваемость — для всего этого нужны огромные силы, средства и энергия. ...Как бы то ни было, в Эривани нет сейчас настроения отчаяния, наоборот, появились некоторые перспективы на улучшение положения. Параллельно с правительственной работой развивается общественная и городская жизнь». Если раньше жизнь ереванцев проходила замкнуто, уединенно, в тиши садов, то теперь поэт отмечает оживление в политической и общественной жизни города, неузнаваемо изменившее облик горожан: «Эриванец решительно потревожен и меняет свои привычки. Раньше жил он в своих садах, в своих уютных старинных домах... Теперь в этот ...быт ворвались новые звуки. Жизнь стала тревожной и трудной, но и богаче, интересней, содержательней. Политические вопросы захватывают всех, новости разносятся, как по радио. В этом смысле Эривань неузнаваема», — пишет Городецкий.

В основном о дивных и веселых днях Городецкого в

Ереване очерк «№ 35»²¹⁵ — по названию армянского сухого вина, любимого горожанами. «Неделя пиров» Городецкого в Армении — вот суть очерка об армянском гостеприимстве. Но не только. Здесь русский поэт констатирует также такое негативное явление времени, как наличие в городе разбойничьих элементов — маузеристов, дает их колоритнейшую зарисовку. «Маузеристы — местная достопримечательность, которой славится Эривань также, как ишханом, водой, № 35... Эриванский маузеризм — махровое явление, в котором можно видеть пережиток нашей недавней жизни, когда война, а вслед за ней анархия потрясли общество, искажая направление юношеской силы. Русские ушкуйники, английские хулиганы — вот явления, параллельные маузеризму. Удаль, молодецтво легко вырождаются в озорничество при ненормальной жизни. Надо надеяться, что теперь, когда Армения так нуждается в работниках, мускульная сила и храбрость армянской молодежи получат более правильное применение». С озабоченностью искреннего друга народа Городецкий предупреждает о его тяжелых последствиях.

Однако и в этом очерке Городецкий не удерживается от горестных воспоминаний на одной из встреч с местными руководителями: «Тугое, сладкое вино было прозрачно, как вечернее небо над Ваном, и у нас много было, о чем вспомнилось тепло и грустно. За столом прислуживала девочка из Мамахатуна с печальными глазами и забывшим улыбку лицом. Ее история — одна из многих детских трагедий. Мне передали ее рассказ о пережитых ею ужасах. Детали потрясающие. В минуту избиений и насилий мать создала всю семью, чтобы проститься. И потом бросилась с детьми в реку. Река не могла унести всех трупов, и один ребенок спасся. Девочка, рассказывающая это, взяла ребенка и понесла с собой. Ей было тяжело. Её били, когда она пыталась достать для не-

²¹⁵ Там же, 18.V.1919.

го воды... Что делалось в душах этих подростков, и сколько их таких, как рассказчица, и кто искупит все эти страдания! Кто вернет улыбку на это навсегда испуганное личико, кто опять научит смеяться скорбные не по-детски уста!».

Наряду с этим он восхищенно пишет о мужестве и нравах сасунцев: «Легендарна была гибель сасунцев. Гордое горное племя. Попав в плен, не принимают пищи и умирают от самоистощения. ... Отстаивая свою жизнь, они взойшли на скалу, женщины и богатыри. Перед ними был обрыв в пропасть. Враг напирал. И когда враг приблизился, они с пеньем песен битвы и смерти, танцующим хороводом, свободно и бесстрашно, бросились в пропасть. Турки были потрясены этим героизмом».

Для прояснения политической ситуации тогдашней Армении характерны отрывки из этого очерка. Вместе с Городецким, как уже сказано, приехали в Ереван и артисты, и как пишет он, «неделя лекций и концертов стала одновременно неделей пиров» (подчеркнуто нами. — *Ан. З.*). Эти банкеты преследовали политические и дипломатические цели, которые находят многозначительное объяснение в очерке С. Городецкого: «А банкеты играют сейчас видную роль в эриванской жизни. Постоянная смена европейцев, приезд Пуаддебара, Темберлея, Вуда и еще других, карсские торжества, — со всеми этими событиями совпало скромное прибытие нашей божественной троицы».

Уместно отметить, что и до приезда Городецкого в Ереване проводились еще более пышные банкеты; в частности, весьма роскошным был пир в честь прибывшего 25 марта в Армению с определенной миссией английского полковника Томсона. Описывая последний пир с участием англичан и французов, Городецкий с явной горечью добавляет: «Но веселья, я вдруг чувствую в себе жуть! Подхожу к окну. Темная ночь. В эриванской комнате Европа. Обыкновенная гостиная, старинный рояль — и европейцы. Это не сон? Это надолго?».

Здесь речь определенно идет о колониальной политике европейских стран, которые на пролитой крови армянского народа продолжали свой дипломатический торг...

* * *

Армяне Тифлиса старались всячески помочь разоренной родине, привлекая также представителей грузинской и русской общественности — Робакидзе, Табидзе, Гришашвили, Городецкого, Каменского. Благодаря этому сотрудничеству в крае проводились разнообразные культурные мероприятия. Так, на первой странице ереванской газеты «Арач» («Вперед») от 3 декабря 1919 г. сообщалось, что намечаются новые лекции и концерты в Ереване, Карсе, Александрополе. Приглашались для чтения лекций Евреинов, Городецкий, Каменский, Робакидзе и др. Был напечатан обширный список участников концертов и балетных спектаклей, среди которых — имена Черепнина, Левиена, Давидовой, Ледника, Сараджевой, Мириманян и др. Сообщалось, что программа концертов составляется в Тифлисе с помощью концертного бюро «Гехарвест» («Искусство») Тигр. Тарумяна и что первый концерт с участием виолончелиста Н. Левиена состоится 11 декабря в зале парламента.

Кстати, на этих концертах исполнялись также произведения армянских, русских деятелей искусства, в том числе и С. Городецкого. В этом смысле интересны воспоминания народной артистки Грузии Е. А. Сатиной: «Зимой 1919 — 20 года я приготовила специальную концертную программу из стихотворений Туманяна, Цатурьяна и других армянских поэтов в русском переводе и из посвященных Армении произведений русских поэтов. Большинство стихов я читала с музыкальным сопровождением, очень удачно подобранным Б. Прозоровским. На финал ...читала «Ангел Армении» с оркестром, — вспоминает она. — С этой программой я ездила по специальному приглашению в Ереван, где мой концерт был

очень хорошо принят. Мне и ездившему со мною пианисту предложили повторить его в Александрополе...

Во время чтения в Ереване «Ангела Армении» на словах «Восстань, страна!, Воскресни, Айастан!», читавшихся под оркестр, я непроизвольно подняла руку, и весь зрительный зал встал. То же самое повторилось и на концерте в Александрополе»²¹⁶.

Интересно отметить, что в Тифлисе устраивались чередующие друг друга выставки армянских и грузинских художников и скульпторов, издавались грузинские песни Саят-Новы, было создано, как отмечено выше, «Общество имени Комитаса». С. Городецкий принимал самое активное участие как в отмеченных, так и во всех остальных мероприятиях. Известны его статьи, посвященные выставкам армянских (о чем уже упоминалось) и грузинских художников и отличающиеся глубиной, тонкостью оценок. Еще в 1917 г. он обращается к народному творчеству: «Каждая песня, каждый миф каждого народа для нас священны, ибо произведения народа — это тайна, недостижимая для творчества единоличного.

Собирать эти сокровища можно только одним способом: записывая фонографически, чтобы ни одно слово, ни одна нота не исказились. Каждый вариант драгоценен. В таком виде и должны храниться произведения народного творчества» (с. 54).

В дни пребывания в Ереване, вновь слушая армянские народные песни, русский поэт напоминает о необходимости спасения от забвения этих сокровищ, подчеркивая значение дела Комитаса. В цикле «Путешествие в Эривань», в последнем очерке Городецкий пишет, что эти песни, звучащие в устах армянского населения с самыми различными вариантами, следует собирать всею душою, так как они показывают «как много сокровищ в народной армянской песне. Сейчас, когда в об-

²¹⁶ Сатина Е. Воспоминания. Тбилиси, 1965, с. 121.

шестве пробуждается интерес к личности и работе Комитаса, было бы своевременно продолжить его дело на серьезных основаниях. Нужно использовать скопление беженцев из разных областей в центрах, послушать их песни и записать»²¹⁷.

Посвятив себя бескорыстному делу оценки и пропаганды армянской культуры, как в Тифлисе, так и в дни пребывания в Ереване, Городецкий удостоился горячей любви и глубокого уважения не только Туманяна, но и широкой армянской общественности. Вот какое впечатление произвел в Ереване облик русского поэта и прочитанные им лекции. «С. Городецкий нам предстает молодым человеком, с широкой душой, — констатирует корреспондент газеты «Жоговурд». — Он выделяется своими свободными движениями... Куда бы он ни заходил, там тотчас же закипает жизнь, начинается оживление. С любовью он подходит к любому живому существу и в каждом человеке... умеет разбудить жизнь, найти красоту... Он хорошо знаком с перенесенными нами в последние годы страданиями, его нежная и человеколюбивая душа с нами оплакивала наши черные дни»²¹⁸.

* * *

В начале июля 1919 г. С. Городецкий едет в Батуми. Здесь «Общество деятелей искусства» организует его доклад на тему «Искусство будущего и женщина». По сообщению газет выступления русского поэта во многом способствовало укреплению авторитета новосозданного общества. Его доклад об «Армянском вопросе» планировалось также организовать в Трапезунде, инициатором которого выступил Армянский клуб²¹⁹. О батумской лекции сохранилась заметка собственного корреспондента издающейся в Тифлисе газеты «Нор ашхатавор» («Новый работник») О. М. под заголовком «Лекция Сергея

²¹⁷ Кавказское слово, 18.V.1919.

²¹⁸ Жоговурд, 11.V.1919.

²¹⁹ Кавказское слово, 8.VII.1919.

Городецкого об Армянском вопросе» с пометкой «Батум, 15 июля». Остановимся на ней подробнее.

«В зале общественного собрания, — читаем в публикации, — вчера, 14 июня (июля.—*Ан. З.*) русский поэт и искусствовед Сергей Городецкий прочитал лекцию об «Армянском вопросе» по следующей программе.

1. Способен ли армянский народ к самостоятельному существованию?

2. Необходимость объединения двух частей Армении — Русской и Турецкой — для создания единого государства.

3. Возможно ли мирное сосуществование армянского народа с мусульманским миром?

4. Сельское хозяйство, торговля и промышленность. Народное искусство и литературное искусство.

5. Культурная связь с Россией.

6. Польза и вред от покровительства европейских государств.

7. Работы правительства Республики Армении.

8. Заботы о физическом существовании и освобождении нации. Беженский вопрос.

9. Школа. Лекция (должно быть — воспитание.— *Ан. З.*) детей. Национализация и ее крайности.

10. Выводы.

Г-н лектор прежде всего отметил, что Армянский вопрос — вопрос совести. А история всегда была несправедлива. Говоря о возрождении наций и культурной творческой работе российских и турецких армян, как в прошлом, так и в настоящем, сделал вывод, что, да, армяне как культурная нация могут самостоятельно существовать и, объединив две части, создать независимое государство»²²⁰.

Далее корреспондент газеты отмечает: «Переходя к другой поставленной им проблеме — возможно ли мирное со-

²²⁰ Нор ашхатавор (Новый работник), 22.VII.1919 (на арм. яз.).

существование армянского народа (с мусульманским миром.— *Ан. З.*), и приведя несколько фактов выяснил, что если будут нейтрализованы провокации Константинополя и Берлина, как внешнее явление, возможна мирная жизнь между двумя трудовыми народами.

По сельскому хозяйству, торговле и промышленности заметил: то, что ныне делает Ереван — по проекту орошения бесплодных земель Шарура, за что армянское правительство достойно похвалы, — самый большой залог тех крупных культурных данных, что имеет правительство. Говоря об армянском народном фольклоре и прекрасной литературе и, прочитав образцы поэзии Д. Варужана и Ов. Туманяна, заметил, что подобные стихотворения — свидетельство гениальности и отнес Варужана к кругу Метерлинка. ...

Ереванское правительство проявляет большой энтузиазм и большую инициативу. Его нынешний премьер Ал. Хатисян — человек больших способностей и дипломат. Многотысячное беженство доставляет много забот. Школа и дело воспитания детей последовательно ведется в желательном направлении. Национализацию считает необходимой, она должна быть естественной, однако на этой почве *он заметил* несколько *недочетов*, явление, которое думает, легко исправимо.

Обобщая сказанное, положительным мнением завершил свою лекцию.

Публики было много»²²¹.

В дни пребывания Городецкого в Батуми армянское издательство города подготавливает к печати на русском языке литературный сборник «Джейран» под его редакцией. Сборник выходит в свет в конце сентября²²². В него вошли стихотворение Туманяна «Поэтам Грузии», «Первый грех» Д. Варужана в переводах Городецкого и, как уже отметили, поэма А. Куле-

²²¹ Там же.

²²² См.: Слово, 2.X.1919. Один экземпляр сборника хранится в МЛИ (архив С. Городецкого, № 50).

бякина – «Нанэ (Ахлатская поэма)», посвященная Туманяну, стихотворение И. Гаша.

* * *

Написанные С. Городецким в 1919 г. статьи, рецензии, очерки в той или иной степени оживляли армянскую культурную жизнь, стимулируя ее развитие, служили сближению народов Закавказья с Россией. На эту благородную роль его указывал грузинский поэт П. Яшвили, назвавший С. Городецкого «консулом эстетической России», «посланником русской поэзии»²²³ в Закавказье. Городецкий не оставлял без внимания журналы, издающиеся в Тифлисе, альманахи «Родина», выходящие в свет в Симферополе и Ростове, писал самые разнообразные статьи – о выставках армянских художников, об арабской поэзии, о «Гаврилиаде» Пушкина, о стихотворении «Сон» Лермонтова, портреты, посвященные Мусоргскому, Н. Евреинovu и др.

При непосредственном участии Городецкого в 1919 г. издаются журналы «Нарт», «Орион», «Радуга», газета «Новый день». Совместно с П. Меркуровым он издает журнал «Нарт», на страницах которого периодически печатались острые статьи против меньшевистского правительства Грузии. После нескольких номеров политическая линия журнала признается неприемлемой, и его издание прекращается. Недовольство меньшевиков вызывают и статьи, публикуемые в газете «Новый день». И на это издание ставится запрет, а члены редакционной коллегии, в том числе С. Городецкий и С. Рафалович, подвергаются аресту. Но вскоре их освобождают²²⁴.

В силу сложившихся обстоятельств, в начале октября 1919 г. Городецкий переезжает в Баку. Здесь в поисках зара-

²²³ Кавказское слово, 30.V.1918; Закавказское слово, 7.III.1919.

²²⁴ См.: Слово, 21.VIII.1919; 22.VIII.1919; 26.VIII.1919; Наше время, 28.VIII.1919; Нор ашхатавор, 23.VIII.1919.

ботка ему приходится работать в кабачках, для которых по договору он пишет пьесы, обрабатывает сказки Андерсена, восточные сказки. Одновременно с художниками С. Судейкиным и О. Сориним, также переехавшими из Тифлиса в Баку, успевает организовать художественные выставки. А в начале декабря участвует в первом организационном собрании «Цеха поэтов» Баку и вместе с Ю. Дегеном, А. Крученых, Г. Робакидзе, Т. Вечоркой избирается в состав совета цеха²²⁵.

Вскоре Городецкий намеревается издать газету «Понедельник» и журнал искусства и литературы «Красота». 25 декабря через газету «Слово» он обращается к тифлисским друзьям и бывшим сотрудникам с приглашением принять участие в работе этих органов. Насколько известно, в январе-феврале 1920 г. издавалась только газета «Понедельник» при активном участии Ов. Туманяна, Г. Робакидзе, А. Садикова. Из сообщения этой газеты узнаем, что под редакцией Городецкого и при непосредственном участии Ов. Туманяна, Г. Робакидзе, цехов поэтов Баку и Тифлиса намечено издать журнал «Мэнады»²²⁶.

В период пребывания в Баку Городецкий вновь устанавливает тесные связи с представителями армянской общности. 11 января 1920 г. он участвует в вечере, устроенном в Государственном театре, в пользу сирот-армян. Там он читает стихотворение «Ангел Армении»²²⁷. 15 января в зале Армянского епархиального дома должен был состояться вечер на тему «Жизнь и смерть в поэзии Ов. Туманяна, по его новой книге «Четверостишья»²²⁸. Русский поэт был знаком с четверостишиями до их издания. Как уже было сказано, еще

²²⁵ См.: Слово, 9.XII.1919.

²²⁶ Понедельник, 5.I.1920.

²²⁷ Наше время, 13.I.1920.

²²⁸ Там же, 14.I.1920. Книга «Четверостишья» с посвящением Туманяна от 17 апреля 1920 г. хранится в МЛИ (архив С. Городецкого, № 52).

в 1918 г. в журнале «Ars» в переводе Городецкого были опубликованы некоторые из его четверостиший²²⁹.

Живя в Баку, Городецкий время от времени бывал в Тифлисе. Из воспоминаний Н. Туманян узнаем, что 1 января 1920 г. он был гостем Туманяна и читал армянскому поэту четверостишия в своем переводе²³⁰.

В середине 1921 г. поэт переезжает в Москву, однако до конца жизни поддерживает теплые, сердечные отношения с армянскими деятелями литературы и искусства.

Спустя годы, в стихотворении «Братьям-армянам», написанном в 1941 г., он осмысливает исторические героические деяния армянского народа:

*... За свои родные горы,
За озерные просторы
Вы не раз вступали в споры
С вражьей силой боевой.
Много есть, за что любить вас,
Но за вашу храбрость в битвах
Любим вас сильнее всего (с. 16).*

Именно эту непокоренность духа армянского народа даже в условиях тяжелейших, трагических испытаний превыше всего ценил С. Городецкий.

6. С. Рафалович о бакинских событиях

Среди русских писателей и представителей интеллигенции, развернувших бурную общественно-литературную деятельность в Западной Армении и в Закавказье в 10-е гг. XX в., особое место занимает писатель, драматург *Сергей Рафалович*. Сохранившиеся в периодической печати материалы свидетельствуют о том, что он был известной личностью среди

²²⁹ Ars, 1918, № 1, с. 29.

²³⁰ Туманян Н. Воспоминания и беседы, с. 219.

современников.

Сергей Рафалович приехал в Закавказье, в Баку, в начале декабря 1917 г. К сожалению, о его деятельности здесь у нас нет достоверных сведений. Известно только, что писатель был очевидцем мартовской и сентябрьской резни армян в городе в 1918 г. В конце октября 1918 г. С. Рафалович из Баку отправился в Тифлис. По случаю его приезда Городецкий выступил в газете «Кавказское слово», представив читателям литературный путь писателя²³¹. В частности, из статьи узнаем, что Рафалович — знакомое имя в литературных кругах Петербурга, что своими стихами он близок к символистам, а его книги — «Стихи России» (Париж, 1916) и «Стихотворение» (Петроград, 1916) — имели определенный успех.

В Тифлисе С. Рафалович развернул активную общественно-литературную деятельность. Одновременно он считал своим долгом представить истину о произошедшем в Баку. 3(20) декабря «Кавказское слово» опубликовало его статью «Правда о бакинских событиях». Поводом для ее написания, как отмечает автор, послужила статья, напечатанная в газете «Грузия» (1918, № 72), — «Будущее Кавказа и армяне» за подписью «Русский». Статья искажала факты и события мартовских и сентябрьских дней в Баку и была пропитана «скрытым пристрастием к азербайджанским мусульманам и явной и резкой враждебностью к армянам». Прежде чем привести факты, которые «в корне» опровергают утверждения «Русского», Рафалович делает оговорки: на Кавказе находится впервые, нет у него никаких связей с тремя главными национальностями Закавказья, и ему чужды их разногласия. «Свидетельство мое должно быть воспринято, как показание совершенно объективного очевидца», «побуждаемого исключительно возмущенным чувством справедливости и правды дать настоящее и беспристрастное освещение фактам, искажен-

²³¹ См.: Кавказское слово, 2. XI. 1918.

ным с недопустимым... легкомыслием»²³².

Затем С. Рафалович обстоятельно описывает сентябрьские и последовавшие за резней события, представляет действия мусаватистского правительства в деле решения Армянского вопроса.

3 и 8 марта 1919 года в Тифлисе Комиссия по расследованию насильственных действий над армянами за время всемирной войны допрашивала Рафаловича в качестве свидетеля погрома армянского населения Баку. Текст допроса представляет исключительный интерес, поэтому мы приводим его полностью:

«В городе Баку я находился с начала декабря 1917 года по 20 октября 1918 года и был свидетелем зверств, учиненных мусульманским населением и погромов, учиненных турками над армянским населением. В городе Баку я жил на углу

²³² Речь идет о резне армянского населения в Баку и его окрестностей, устроенной турецкими оккупантами и мусаватистскими бандами 15–20 сентября 1918 г., в ходе которой было истреблено около 30 тыс. армян. Известно, что мусаватисты были пособниками турецких захватчиков на Кавказе. Вот, например, что написано 6 апреля 1918 г. в № 3 «Бюллетеня Комитета Революционной Обороны г. Баку и его районов» в дни обороны Бакинской Коммуны: «Победа «Мусавата» неминуемо должна была подготовить почву для победы Турции. Турецкие войска действуют на Кавказском фронте, а «Мусават» — в тылу». Или: «С провокационной целью турецкие интервенты вместе с мусаватистами устраивали армянские погромы, грабили имущество армянских крестьян, истребляли тысячи людей». И еще: «Оккупантам и мусаватистам удавалось на время отравить ядом шовинизма наиболее отсталую часть населения... В самом Баку, с одобрения оккупантов, было основано отделение турецкого пантюркистского общества «Тюрк оджаги», служившее одним из основных центров политики османизации Азербайджана. Средством насаждения пантюркистско-панисламистских идей являлась и мусаватская печать» (см. об этом: *Токаржевский Е. А.* Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957, с. 54, 168 – 169).

Николаевской и Садовой улиц в доме Садыхова. Начиная с понедельника 16 сентября по новому стилю, т. е. на второй день после вступления турецких войск в г. Баку, турецкие солдаты начали грабить дома, главным образом — армянские, вынося оттуда различное имущество как лично, так и при помощи амбалов. На моих глазах, в тот же день, местные татары ворвались в дом Шахгиданова, расположенный против дома, в котором я жил, и потребовали выдачи одного из братьев Шахгидановых, именно — старшего, который в это время находился у себя дома. В течение двух дней татары неоднократно производили обыск этого дома, разыскивая Шахгиданова, которого успела спрятать воспитанница — русская девушка. Спасти его удалось благодаря вмешательству моей квартирохозяйки княгини Лидии Николаевны Адрионовой, которая прибегла к содействию турецких офицеров, отправивших Шахгиданова под конвоем турецких аскеров в местный турецкий штаб, откуда его спустя некоторое время освободили и он снова поселился у себя на квартире. Здесь помещались также несколько турецких офицеров, которые разграбили у него много ценного имущества, как то: ковров, посуды, белья и платья и т. п.

Мусульмане, которых мы своевременно просили принять меры к охране личности Шахгиданова, как например, Селим Садыхов, отказались это сделать, несмотря на то, что во время мартовских событий Шахгиданов укрыл у себя несколько мусульманских семейств, как например Садыховых, Мустафаевых и др. На моих глазах убийств совершено не было, так как в той части города, где я жил, поместились турецкие штабы, почему аскеры и местные татары здесь особых бесчинств не чинили; в других же частях города массовые убийства продолжались около трех дней, и я лично видел много трупов армян: мужчин, женщин и даже детей, как на улицах, так и в домах, куда я заходил. Помню, что два переулка по Телефонной улице были настолько завалены

труппами, что по этим переулкам трудно было пробираться. И, между прочим, подробно осматривал громадный дом по Гоголевской улице, расположенный против дома, в котором находился 6-ой участковый домовый комитет. Все квартиры здесь снизу доверху были дочиستا разгромлены и разграблены, причем в двух квартирах я лично видел несколько трупов женщин, раздетых и явно изнасилованных; в одной из квартир, в луже крови, рядом с матерью лежал и труп грудного ребенка. На одном из женских трупов, под левой грудью, я видел колотую рану. Трупы валялись неубранными около 10-ти дней, за недостаточностью перевозочных средств для вывоза такого большого количества. Вывозили трупы целыми возами и на грузовых автомобилях в течение почти двух недель. Невыносимый трупный запах стоял не только на окраинах, но и на многих улицах в центре города. Вид торгового центра был ужасающий. — На многих улицах почти сплошь все магазины и лавки, главным образом — армянские, были разгромлены и дочиستا разграблены. В самом начале бакинских событий группа жильцов одного из больших домов по Торговой улице, среди которых было много армян, и, в том числе, родственники известного рыбопромышленника Маилова — Тер-Мартirosов с женой, отправились в один из местных лазаретов, имея в виду там укрыться. По пути они были остановлены бандой местных татар, которые отобрали мужчин-армян, тут же, на улице расстреляли их, о чем мне говорил профессор Левин (врач), находившийся в этой группе. Остальных татары отпустили, после чего, добравшись до лазарета, родственница Маилова послала за трупом мужа, который был доставлен раздетым и ограбленным на сумму, как говорили, до миллиона рублей, так как он имел при себе большую сумму денег и все драгоценности жены. По прибытии в Баку азербейджанского правительства из Елизаветполя безответственные выступления мусульманских масс отчасти прекратились, но зато началось планомерное преследо-

вание армян местным азербейджанским правительством. Так, стали производиться, как на улицах, так и в домах, облавы на армян и аресты отдельных видных армянских деятелей, во время которых арестованы были два брата Меликовых, Сергей и Георгий; о последних хлопотала жена Сергея — Ашхен Манучаровна, которая неоднократно, при мне, приходила в дом Мирзы Асадулаева, вся семья которого, в марте, укрывалась у армян Бегляровых и названных выше Меликовых. В доме у Асадулаевых часто бывал министр внутренних дел азербейджанского правительства — Бебут хан Джеваншир, близкий друг Мирзы Асадулаева и его жены Тамары ханум. Сам Мирза Асадулаев, отчасти под влиянием своей жены, отчасти благодаря своему мировоззрению и уравновешенному характеру никогда не был шовинистом и еще задолго до мартовских событий резко осуждал действия своего брата Али и агрессивную политику большинства членов мусавата. Когда госпожа Меликова обращалась к нему и к его жене с просьбой ходатайствовать перед министром внутренних дел о заключенных Сергее и Георгии Меликовых — это ходатайство очень горячо поддерживалось Тамарой ханум, которая и через мужа и лично неоднократно обращалась к Бебут хану. Мирза Асадулаев пытался говорить об этом вопросе с членами правительства, с которыми был в самых тесных отношениях и виделся ежедневно, но все эти попытки были безуспешны. Однажды, вернувшись домой, он ответил, при мне, на вопрос жены о судьбе Меликовых следующее: «Об армянах совершенно невозможно разговаривать с правительством, оно всецело поглощено двумя делами: образованием азербейджанской армии и искоренением армян». Совершенно в таком же духе говорил при мне и сам министр внутренних дел Джеваншир. Когда Тамара ханум однажды вновь затронула вопрос о Меликовых, он ей ответил таким образом: «Сегодня ко мне приходили по армянским делам Тагианосов и Авдалов; я им посоветовал ко мне не обращаться, так как разгова-

ривая с армянами я только еще больше озлоблялся, и это может только послужить им во вред». Когда одним из присутствовавших было высказано министру соображение, что с такими настроениями не следовало бы принимать министерского портфеля — Бебут хан Джеваншир ответил буквально следующее: «Что вы говорите, да я согласился стать министром исключительно для того, чтобы разделаться с армянами».

Разделялось азербейджанское правительство с армянами следующим образом. — Арестовало самых видных деятелей, к которым в какой то ни было мере возможно было придаться за принадлежность к партии Дашнакцутюн, что им необходимо было для оправдания своего образа действий перед лицом турецкого командования. Арестованных отправляли по дороге в Елизаветполь и затем приканчивали. Таким образом погибли, например: Самсон Амиров и управляющий и личный друг Мирзы Асадулаева и многих мусульман — Сероп Бабаев. Разделялись с армянами и другим путем, пытаясь их разорить. Об этой экономической борьбе, довольно наивной, как-то даже высказался, со слов правительства, Мирза Асадулаев; слова его были таковы: «Они (т. е. правительство) разоряют армянские квартиры, разбрасывая обстановку по всему городу, из одной части в другую, так что невозможно будет найти и собрать в одно место все предметы каждой данной обстановки». Я слышал от некоторых своих приятелей, не армян, бакинцев, имен и фамилий которых без их разрешения назвать не могу, что некоторыми азербейджанскими министрами высказывалось такое отношение к бывшему в Баку погрому, учиненному местными татарами: «Наши мерзавцы (местные татары) дело не доделали, — увлеклись грабежом, а армян не дорезали». Другой министр указывая на то, что главным образом резня коснулась армянской бедноты, а из видных деятелей были убиты сравнительно немногие, сказал: «Хвост отрубили, а голову оставили». Эту ошибку, допущенную мусульманской

массой, азербейджанское правительство пыталось исправить. Азербейджанское правительство не скрывало своего желания в той или иной форме насильственно очистить Баку от армян, чтобы Баку был мусульманский город»²³³.

Статья и протокол допроса С. Рафаловича еще раз подтверждают тот факт, что после падения Бакинской коммуны, захвата Баку турецкими войсками и создания мусаватистского правительства были осуществлены продуманный погром и резня армянского населения.

С. Рафалович и в дальнейшем писал статьи об Армении, о трагедии армянского народа. Из этих статей особенно достопамятна «Свобода мертвых (Pro Armenia)», в которой разоблачается политика европейских государств, направленная против малых наций, в частности, против армянского народа. «Европа несет тяжелый грех перед многими малыми народами, среди которых одно из важнейших мест, по страданиям, выпавшим на его долю, занимает народ армянский, — пишет он. — И если до сих пор сложные политические отношения и комбинации, пресловутое европейское равновесие мешали теперешним победителям (имеются в виду страны Антанты. — *Ан. З.*) от слов переходить к делам и заставляли их ограничиваться благими пожеланиями, увещаниями, то, наконец, наступило время искупить свои прегрешения и воспользоваться новой политической обстановкой прежде всего для того, чтобы исправить вековые несправедливости и спасти гибнущих»²³⁴.

С. Рафалович принимал деятельное участие в общественно-литературной жизни Тифлиса, по самым разным поводам выступал на литературно-художественных вечерах, писал множество статей, отдельной книжкой издал поэму «Семи церквам». Вместе с Городецким издавал журнал «Орион», га-

²³³ ЦГИА РА, ф. 200, оп. 1, д. 199, л. 152–153 и об. Копия. Машинопись.

²³⁴ Закавказское слово, 8. II. 1919.

зету «Новый день». В этой газете были напечатаны материалы, направленные против меньшевистского правительства. За эти и многие другие статьи, как уже сказано, он вместе с Городецким был арестован²³⁵.

С. Рафалович принимал активное участие в деятельности тифлисского «Цеха поэтов», напечатал стихи в сборнике кружка — «Акме».

По свидетельству Ильи Эренбурга, С. Рафалович до сентября 1920 г. находился в Тифлисе²³⁶.

7. Сибирская армянская рота и поэт-воин П. Сибирцев

В числе русских писателей, развернувших свою деятельность в Закавказье, заслуживает особого внимания *Петр Сибирцев*, малоизвестный литературный деятель, с именем которого, однако, связаны некоторые факты, представляющие большой интерес.

В начале 1918 г., когда турецкие войска вновь развертывают наступательные действия на Кавказском фронте, правительство Советской России после принятия «Декрета о Турецкой Армении» развернуло широкую деятельность по организации на территории России — в Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Москве, Иркутске и других городах — армянских добровольческих отрядов и отправке их на Кавказ с целью борьбы против турецких захватчиков. Советская Россия помогла этим отрядам и материально, и морально²³⁷.

В середине марта 1918 г. из Иркутска в Тифлис прибыл отряд с 210 армянскими солдатами. Большая часть этих сол-

²³⁵ См.: Слово, 21.VIII.1919; 22.VIII.1919; 26.VIII.1919; Наше время, 28.VIII.1919.

²³⁶ См.: Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1, 2, М., 1961, с. 513.

²³⁷ Хуришудян Л. А. Советская Россия и армянский вопрос. Ереван, 1977, с. 96—97 (на арм. яз.); Симонян Гр. Указ. раб., кн. Б, с. 93.

дат, служивших в турецкой армии, была родом из Западной Армении. Осенью 1914 г., в первые месяцы войны, они были взяты в плен русскими и отправлены в Сибирь. В дни Февральской революции в Иркутске усилиями местной армянской интеллигенции создается Армянский национальный совет, организованная помощь которого значительно облегчает участь этих солдат.

В Тифлисе представители роты под командованием русского капитана Якова Борты явились к полководцу Андраннику и вручили адресованное ему и написанное Вааном Ханлабяном от имени армян города Иркутска письмо. «Дорогой Андранник! Здесь сформирован Армянский совет, чтобы по возможности собрать добровольцев для отправки на нашу несчастную родину, — сказано в письме. —...Завтра отсюда отправляются в Тифлис 150 человек (рота прибыла в Тифлис в составе 210 человек. — Ан. З.) добровольцев под командованием четырех офицеров.

Офицеры — командир роты Яков Ротанович Борт (предъявитель этого письма), его три помощника — *Петр Сибирцев* (хороший поэт) (подчеркнуто нами. — Ан. З.), Алексей Колмаков и Борис Венгерцев. Эти четверо — преданные солдаты и хорошие парни, поэтому привлекаю Ваше внимание. Армянская рота завоевала себе имя в Иркутске верной и бескорыстной защитой интересов народа. Повсеместно армяне принимают с улыбкой благодаря этой роте»²³⁸.

Сибирская армянская рота в составе полка легендарного героя национально-освободительного движения Андранника отправляется на фронт. Боевой путь этой роты подробно освещен в цикле «Историческая армянская рота» *Алексея Колмакова*, который он под непосредственными впечатлениями опубликовал в 1919 г. в бакинской газете «Наше время»²³⁹.

²³⁸ Симонян Гр. Указ. раб., кн. Б, с. 95.

²³⁹ Наше время, 12.II.1919; 19.II.1919; 23.II.1919; 27.II.1919; 23.III.1919; 29.III.1919; 10.IV.1919; 11.IV.1919; 25.IV.1919; *Микаелян*

Статьи эти свидетельствуют о наличии у Колмакова яркого художественного дара.

Поручик Колмаков — участник всех тех боев, который вел Первый армянский ударный полк под командованием Андраника весной и летом 1918 г. против турецких войск и мусаватистских банд. Описываемые Колмаковым события и сообщаемый им фактический материал отличаются достоверностью, стремлением автора к их объективной передаче. В этом нетрудно убедиться, сравнив их с существующей литературой, посвященной истории армянского народа этих времен, а также с мемуарами других очевидцев. Статья Колмакова начинается с описания истории армянской роты в Сибири, вместе с которой он добровольно, как русский патриот, любящий армянский народ, ценящий его преданность России и стремящийся помочь его освободительной борьбе, прибыл в Тифлис и вошел в состав указанного полка. Колмаков выступает не только как очевидец событий, объективно раскрывающий их суть, — он является также комментатором этих событий и в таком качестве дает в основном правильную характеристику военно-политическим явлениям, партиям, правительственным органам и т. д.

Вот описание одного из боев роты против турок, выдержка из указанного труда Колмакова: «Мы жили, как на вулкане: в стране были турки. И действительно, от Андраника вскоре пришло извещение: вопреки договору, турки двинулись на Александрополь и взяли его. Мы были окружены со всех сторон. Приказ Андраника гласил:

— Защищаться и удерживать противника до моего приказа, умрите все, но не пропускайте турок.

Пехота рассыпалась в цепи. Кавалерия поскакала во фланг противника. Пулеметы установили на крышах домов и

В. А., Закарян А. А. Поручик Колмаков о деятельности Андраника в 1918 г. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1988, № 8, с. 62-84.

в цепи пехоты. С левого фланга слышна была оружейная канонада.

Андраник с бывшими у него частями вел бой с наступающими турками.

Но вот полетели снаряды и на нас, с треском разрывались на крышах, среди деревни. Дети, женщины, старики бегут. Село опустело. Затрещали пулеметы, ружейный огонь не умолкал. Вот с визгом летит снаряд, с гулом разрывается в цели. Несколько наших всадников вместе с лошадьми падают окровавленные. Вот валится один, а вот и другой — оба из нашей Сибирской роты.

Противник переводит артиллерийский огонь влево. И мы видим жуткую картину. Летит кавалерия, из-под копыт лошадей клубом поднимается пыль. Впереди кавалерии на несколько шагов, на взмыленной лошади — сам Андраник. С обнаженной шашкой, гордый, сильный, словно бронзовый. Пули с визгом пролетают мимо него, попадая во всадников, скачущих за ним. Снаряды с шумом разрывались около него, завлакивая его клубами черного дыма. Нам казалось, что вот-вот после разрыва снаряда мы не увидим больше следа его и его лошади. Но после каждого разрыва он цел и невредим выезжал из тучи дыма. Все ближе и ближе к нам. Рука его крепко сжимала эфес красивой кривой шашки. Осадив слегка лошадь, генерал скомандовал:

— За мной — вперед! Ура!

И поскакал вперед, как всегда, бесстрашный. Мы бросились за ним. Турки осыпали нас градом пуль и снарядов. Но это нас не могло остановить: с нами был Андраник. Вот и кавалерия турок. Не выдержала она нашего налета и в панике бросилась бежать. Турки были разбиты. Но Андраник преследовать не приказал, ибо еще впереди и по сторонам надвигались на нас полчища турок. Приказал всем деревням эвакуироваться. Ибо нашему отряду, состоявшему из трех тысяч бойцов, 8 пулеметов и двух горных орудий с небольшим ко-

личеством снарядов, приходилось занимать участок фронта в несколько десятков верст».

Рассказывая об армянах, которые добровольно с турецкого фронта перешли на сторону России, Колмаков тут же выражает свое негодование по поводу того, что царское правительство вместо того, чтобы оценить их поступок, держало их на положении военнопленных и сослало в Сибирь. «Это была рота из 210 военнопленных армян, — пишет он, — добровольно сдавшихся нам в боях с турками и нашим правительством зачем-то эвакуированных в Сибирь, словно в благодарность за их симпатии к России. Это были люди, прошедшие у нас четыре года тяжкого плена, голода, холода».

В историческом очерке Колмакова нашли отражение политическая ситуация в Закавказье в начале 1918 г., тяжелое положение армянского народа в Александропольском уезде, Зангезуре, Нахичеване и Карабахе весной и летом этого года, зверства турок в отношении мирного армянского населения этих областей, боль и стенания народа. В этом фактически документальном очерке, как и в другой статье²⁴⁰ Колмакова, опровергаются лживые слухи о якобы имевшем место погроме отрядом Андраника азербайджанского селения Ягджи. Автор показывает, что спровоцированные турецкими офицерами заседавшие в этой деревне националистические банды мусаватистского толка на мирные предложения Андраника ответили угрозой уничтожить его отряд и потребовали 20 тыс. рублей денег, что и заставило Андраника очистить дорогу для прохождения отряда. «Андраник предложил татарам (азербайджанцам.— *Ан. З.*) пропустить отряд, обещав им гарантировать безопасность, личную, имущественную. Татары ответили :

— Дадите двадцать тысяч рублей николаевскими деньгами,

²⁴⁰ См.: Знамя труда, 7.XII.1918; Кавказское слово, 12.XII.1918; *Нерсисян М., Арутюнян А., Мурадян Д.* Материалы о генерале Андранике. — ИФЖ, 1981, № 4, с. 244-246.

тогда пропустим вас и дадим проводников, чтобы они вас проводили, иначе мы всех перебьем».

От Колмакова не ускользнули и противоречия между Андраником и дашнакским правительством, дело дошло до того, что последнее объявило Андраника вне закона за то, что он не признавал позорного договора, заключенного с Турцией 4 июня 1918 г. в Батуме. «Не приемлю вашего позорного мира. Не умел и не сумею быть рабом турок», — заявил Андраник. «Наш отряд, — пишет далее Колмаков, — по требованию Турции, армянское правительство объявило отрядом бунтарей, за действие которого оно не отвечает. Мы были объявлены вне закона». Обращаясь к Колмакову, Андраник говорил: «Ведь нас никто не хочет признать, ни Турция, ни Армения... Кому же подавать рапорт, как не самому Богу».

Колмаков хорошо знает армянский народ, ему понятны его нужды и чаяния, известны его любовь и преданность России. И поэтому он справедливо упрекает правителей России, не сумевших оценить эти благородные качества армян, которые при иных руководителях могли бы творить чудеса: «Я пришел к заключению, что это народ поразительного героизма, но нуждающийся в достойных руководителях, которым они могли бы доверять. Многие ли из нас шли к ним с такой открытой душой, чтоб они могли нам довериться? Мы не шли, а своих руководителей, к сожалению, у них было мало, а какие были, их Россия направила на Западный фронт, откуда татары и грузины (мусаватисты и грузинские меньшевики. — *Ан. З.*) не пропустили их на родину. И вся трагедия этого маленького, героического народа, преданного России, в том и была, что он оставался как стадо без пастыря, травимый окружающей злобой и ненавистью. За что? Не мог никогда этого понять. И приходилось принимать единственное объяснение, что Россия посылала на Кавказ людей, лишенных государственного смысла и недобросовестных». Эти мысли перекликаются с известным высказыванием Туманяна в

одной из бесед с Брюсовым в январе 1916 г.

Работа Колмакова проникнута глубоким уважением и симпатией к Андранику, в ней раскрыта безграничная любовь народа к национальному герою, любовь, которую он завоевал своим служением народу, его освободительной борьбе.

«Историческая армянская рота» Колмакова состоит из содержательных и объемистых 11 глав и представляет неоспоримую документальную и художественную ценность. Уже заголовки глав – «В Сибири», «В России и на Кавказе», «В Русской Армении», «У Джульфы», «К Сисиану», «В Карабахе» и др. – свидетельствуют о том большом и трудном пути, который прошла Армянская рота, о храбрости и самоотверженности его бойцов, об их патриотизме.

В заключение своего очерка Колмаков, в частности, пишет: «Я прохожу по всем городам и селам Кавказа, где живут армяне, и весь этот путь усеян трупами. Трупами армян. Гека томбами трупов. Будет ли этому кровавому кошмару конец? И когда он настанет? Слишком велики силы, соединившиеся против армянского народа, в целях его истребления. К этим силам присоединились сейчас: и стихия, и болезни, и голод.

И все же я верю в прекрасное грядущее этого народа, героя на поле брани, такого одаренного работника для создания высших форм культурной общечеловеческой жизни.

Я верю в светлую миссию этого народа – мученика на Востоке.

Я верю в близость восхода для него солнца новой жизни.

И вместе с ним я жду этой зари... ».

* * *

В составе этого же полка участвовал в боевых операциях и *Петр Сибирцев* – русский литературный деятель. Он писал стихи, пьесы («Земля и воля», «Умирующие зори», «Гримасы жизни», «Жрецы зла» и др.). В Иркутске установив дружеские отношения со многими армянскими солдатами и через них

узнав о страданиях армян под турецким игом, Сибирцев в местной печати выступает со статьями, создает благожелательную атмосферу вокруг пленных солдат. В февральские дни Сибирцев вновь приходит на помощь солдатам-армянам. 8 февраля 1918 г. он организует в Иркутске большой концерт, и на собранные средства вместе с армянскими солдатами едет на Кавказ. Летом 1918 г., после прекращения военных действий, Сибирцев возвращается в Тифлис, работает в печати, редактирует газету «Пробуждение»²⁴¹. Увиденное на фронте, все происходящее не могло оставить его равнодушным. Он начинает выступать публично и со статьями в защиту армянского народа, его справедливого дела. Особенно интересна в этом плане статья «Pro Armenia». В ней говорилось: «По всем дорогам, шоссейным, проселочным и горным, на скалах и у берегов рек я всюду встречал караваны беженцев и всюду наталкивался на одни и те же картины голода, холода и загрязнения. Так, на скалах и дорогах гибла и гибнет армянская нация, армянский народ, гибнут люди, неповинные в политической вражде, и их надо спасти. Это долг всего человечества»²⁴².

П. Сибирцев посвятил армянскому народу, древней стране и стихотворение – «Армении». С искренним состраданием говорит он о горестях армянского народа, в его строках слышится голос протеста:

*... О, скорбный край! Край смерти и скитаний,
Как жуток и велик твой безысходный вздох!
Я слышал песнь твою, рожденную сквозь муки,
Я слышал песнь твоей замученной души...
Пугали мысль мою рыдающие звуки
И прятались, как тать, в чернеющей глуши,
Я шел сквозь лужи слез, сквозь пепел древних зданий,*

²⁴¹ Ашхатавор, 18. II. 1920; Слово, 20. II. 1920.

²⁴² Кавказское слово, 4. VIII. 1919.

*В душе моей звучал плач многих матерей...
 Печальный край! Край вечных испытаний,
 Не счесть тебе гробниц загубленных детей,
 Не счесть тебе всех столетних озлоблений,
 Ты вправе крикнуть в мире: Довольно смутных дней!
 Ты гордо пережил безумие гонений
 И хохот дерзостный издавших палачей!
 Сквозь дым твоих полей, сквозь кровь твоих селений
 Загрезился конец пожаром жутких битв...
 Армянский край! Край скорби и терпений,
 Твой близок час — час жизни и молитв²⁴³.*

Общаясь с армянами, живя среди них, Сибирцев записывал народные сказки и притчи. Одну из них, под заглавием «Казнь», он опубликовал в газете «Оризон», а затем в газете «Наше время»²⁴⁴.

Добавим также, что до середины 1920 г. П. Сибирцев жил в Тифлисе, затем в Баку, развернув бурную литературно-театральную деятельность²⁴⁵.

Как видим, А. Колмаков и П. Сибирцев, защищая оружием и пером справедливое дело армянского народа, оставались верными не только воинскому долгу, но и гуманистической, демократической сущности рядового русского интеллигента.

8. Армения в творчестве Б. Лазаревского

Есть имена, которые сегодня в силу различных объективных и субъективных причин оказались в забвении не только в широких кругах литературной общественности, но и в кругу специалистов — литературоведов, историков. К их

²⁴³ Наше время, 16. IV.1919.

²⁴⁴ Оризон, 18.IX.1918; Наше время, 24. IV. 1919.

²⁴⁵ Об этом см.: Закарян А. Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.), с. 140.

числу относится и Борис Лазаревский (1871–1936). Кто он и каким образом связан с Арменией? Сын украинского историка, Б. Лазаревский получил образование в Киевском университете. Он писал в основном повести на любовные темы, следуя чеховским художественно-психологическим традициям, считая себя специалистом — психологом женской души, о чем говорят и заглавия его книг: «Веня (история одной женской души)», «Душа женщины» и др.

Ваан Терьян в письме от 2 апреля 1915 г. из Петрограда, адресованном известному литературно-общественному деятелю Карену Микаеляну (1883–1941), говоря о намерении М. Горького издать «Сборник армянской литературы» и «предпринятом» К. Микаеляном подобном труде, в частности, писал: «Мне сказали, что мой адрес разыскивает Борис Лазаревский (знаешь, конечно), полагаю, по такому же делу, хотя я сам стесняюсь забегать вперед и, так сказать, «спешить» более, чем следует — наверное, скоро узнаю»²⁴⁶. В комментариях к письму также говорится, что упомянутым Б. Лазаревским, «Думаем, является В. Я. Брюсов»²⁴⁷. Это явная путаница. В Терьян в своем письме, адресованном Микаеляну, однозначно писал: «мой адрес разыскивает Борис Лазаревский» и в скобках добавляет: «знаешь, конечно» его. Микаелян имел широкие связи с русскими поэтами, писателями, общественно-политическими деятелями и, несомненно, был знаком с Б. Лазаревским или, во всяком случае, слышал о нем. И Терьян, и Микаелян в это время были заняты делом ознакомления российского общества посредством переводов с армянской литературой (что блестяще проявилось в вышедших в свет известных сборниках М. Горького и В. Брюсова) и, естественно, они должны были знать более или менее известных писателей, литературных деятелей.

²⁴⁶ Терьян В.. Соб. соч, т. 4, с. 200–201.

²⁴⁷ Там же, с. 418.

А чем объяснить, что в комментариях к письму указывается имя Брюсова? Пожалуй, только тем, что «полагаю, по такому же делу» «разыскивал» Терьяна «некто» Лазаревский. Терьян в начале письма к Микаеляну, перед этими словами говорит о предпринятом Горьким, Микаеляном и другими известном деле (о переводах армянской литературы) и добавляет, что его ищут «по такому же делу». Ранее исследователям не было известно, что Лазаревский также проявлял интерес к армянской действительности и культуре, и соответственно вместо того, чтобы дать читателям представление о беллетристе, по неведению, было указано имя Брюсова. Только так можно объяснить эту неточность. Думаем, что при переиздании писем Терьяна следует исправить это явное недоразумение.

И хотя мы не знаем, встречались ли Терьян и Лазаревский «по такому же делу» и имело ли оно какое-либо развитие, тем не менее этот примечательный факт еще раз свидетельствует о том большом интересе, который проявляли русские писатели и литературные деятели в 10-е годы XX века к армянской литературе и культуре.

Последовательный исследователь и неутомимый пропагандист в России армянской истории, культуры и литературы Ю. Веселовский в 1916 г. написал содержательную статью «Русская литература и армянская жизнь». Говоря об отображении в русской литературе армянской действительности, он обращается и к творчеству Б. Лазаревского: «Многие ли знают, что представители армянского народа фигурировали, по крайней мере — как эпизодические лица, в творчестве Островского, Писемского, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Невмировича-Данченко, Лазаревского и мн. других»²⁴⁸.

«В новейшей русской литературе, — пишет далее Веселовский, — также встречаются иногда любопытные отголоски армянской жизни... Если у других писателей также есть

²⁴⁸ Армянский вестник, 1916, № 15, с. 2.

отдельные отражения армянской жизни, если, например, Борис Лазаревский также показывает нам в одном из своих рассказов интересный женский образ, взятый из того же мира, то нельзя все же закрывать глаза на то, что сделанного до сих пор нашими писателями по части изображения армянской действительности совершенно недостаточно»²⁴⁹. Из статьи видно, что Лазаревский, в своей литературной работе обращаясь к армянской жизни, оставался верен своим творческим пристрастиям, а именно — специалистом-психологом женской души. Наши поиски этого рассказа беллетриста, однако, не увенчались успехом.

Связи Б. Лазаревского с Арменией и армянским народом не завершаются вышесказанным. С армянской действительностью и общественностью он соприкасался и в самом Закавказье. Весной 1920 г. «известный писатель» того времени был в Тифлисе и Ереване. 31 марта местная печать сообщает, что Б. Лазаревский на днях прочитает лекцию «Девушки и женщины Армении» в указанных городах²⁵⁰. 10 апреля в газете «Слово» публикуется его рассказ «Брошечка»²⁵¹. Кстати, в Закавказье Б. Лазаревского знали еще с середины 1919 года: в печати был опубликован его рассказ «На чужбине»²⁵², развернувшийся в те годы в Закавказье, как уже было показано, широкую литературно-общественную деятельность известный русский литературный деятель С. Городецкий выступил со статьей «Лирик прозы (портрет Бориса Лазаревского)». «Борис Лазаревский уже весь в прошлом, — писал Городецкий. — Ближайший преемник школы Чехова и Куприна, он уже под-

²⁴⁹ Там же, с. 3.

²⁵⁰ Слово, 31. III. 1920.

²⁵¹ Из газеты «Слово» от 14.IV.1920 г. узнаем, что под рассказом «Брошечка» в пасхальном номере «Слова» по недосмотру «искажена подпись автора, известного русского писателя Бориса Лазаревского, ныне пребывающего в Тифлисе».

²⁵² Кавказское слово, 13. VIII. 1919.

лежал канонизации в пантеоне «Нивы» — издание его сочинений должно было выйти «приложением» за 1919 год, да события помешали.

Старше Зайцева, Чулкова и Ал. Толстого — этих писателей новой русской прозы, он еще недавно был «молодым», но пронеслась буря над Россией, и ряд его томов стоит на полке где-то среди «классиков»²⁵³. Далее С. Городецкий обстоятельно представляет и оценивает литературный портрет писателя, тщательно раскрывает все тонкие нюансы его творчества.

И вот весной 1920 г. со своими вышеуказанными «пристрастиями» Б. Лазаревский во всей полноте предстал перед тифлисской армянской общественностью. Кстати, судя по рассказу Лазаревского «На чужбине» можно сделать вывод, что писатель был в этом городе еще двадцать лет тому назад.

28 апреля в переполненном зале Тифлисской консерватории Б. Лазаревский выступил с лекцией «Девушки и женщины Армении». В объявлении было сказано, что «из современных беллетристов Борис Лазаревский является одним из лучших знатоков психологии женской учащейся молодежи» и что «за время пребывания в таких центрах, как Ростов, Армавир, Тифлис, Эривань, уважаемый беллетрист успел пронаблюдать целый ряд характеристик армянских женщин и девушек и трагедию их неудовлетворительного стремления к свету и знанию, что и составляет главный предмет его лекции»²⁵⁴.

Естественно, лекция Лазаревского вызвала большой интерес в кругах армянской интеллигенции. Речь шла о положении армянской женщины, ее будущем, и понятно, что эта тема удостоилась откликов печати. Так, армянская газета «Нор ашхатавор» писала, что «Б. Лазаревский известен в современной русской литературе как тонкий психолог юного возраста, в частности женского пола. И действительно, за

²⁵³ Слово, 5. IX. 1919.

²⁵⁴ Нор ашхатавор, 27. IV.1920. Ср.: Слово, 28. IV.1920.

краткое время встречаясь с армянской девушкой и женщиной в городах России, в центрах Закавказья и Армении, он смог уловить подлинный тип армянской женщины».

Сообщение содержало также отрезвляющее замечание лектору: «Выступление уважаемого беллетриста нельзя назвать в подлинном смысле этого слова докладом. Это был скорее разговор о пережитых мыслях и чувствах... в интимном кругу слушателей, чем доклад для широкой аудитории ... Конечно, были допущены и крайности и ошибочные толкования, исходящие от новизны материала и кратковременного изучения». И далее: «Но в целом психологическая схема и частные определения были верны и восприняты удивительно тонко. Решение проблемы психологии армянской девушки было более успешным и безошибочным, чем женщин и дам в возрасте. Как выразительница вековых страданий, боли и тревог выступает армянская девушка, со своими редкостными по красоте глазами, точно так же, как Достоевский, живя и переживая страдания жизни, сохранил их в глубине своих необыкновенно красивых глаз»²⁵⁵.

Как бы ни были правдивы «психологическая схема и частные определения», нетрудно уловить, что рассуждения Лазаревского страдают одним основным недостатком: они очень абстрактны, лишены социально-экономических, общественных увязок, — недостаток, который в равной мере относится и к его характеристикам прошлого женщины, и к его изысканиям исторически сложившегося морально-психологического облика женщины.

Тем не менее, по понятным причинам, интерес к докладу был настолько велик, что «по просьбе правления В.А.У.С. «Миютюн» предусматривалось повторить его 2 мая²⁵⁶.

Примечательно, что именно в этот день Лазаревский по-

²⁵⁵ Нор ашхатавор, 28. IV. 1920.

²⁵⁶ Слово, 30. IV. 1920.

сетил Туманяна. Свидетельство тому — запись в семейном альбоме поэта: «Дорогой поэт! Я суеверен, был, есть и вероятно буду... Кляксы на страничке заполненной А. И. Хатисовым, мне сказали, что не ему суждено облегчить бытие своей матери Родины, несмотря на то, что он один из умнейших людей... Армения отдохнет тогда, когда любовь к ближнему из фикции делается действительностью... И в этой великой работе будут играть великую роль девушки и женщины Армении и поэты (но не «Рафайловичи»)».

Надо полагать, Туманян присутствовал на вышеуказанной лекции и после этого по традиции пригласил Б. Лазаревского домой продолжить в своем гостеприимном очаге беседу о тяжелой доле армянской женщины, о связывающей людей и народы любви и доброте, с победой которых в упомянутой записи связывается судьба многострадального армянского народа. В духе этой беседы и сама запись Б. Лазаревского.

О дальнейших связях Б. Лазаревского с армянской действительностью свидетельствует и следующее. В константинопольской газете «Чакатамарт» («Битва») в нескольких октябрьских номерах 1920 года появилось исследование «Девушки и женщины Армении» Б. Лазаревского. Первая публикация в газете предварена небольшой редакционной заметкой, где читаем: «Это исследование написано для «Чакатамарта» Борисом Лазаревским, русским писателем чеховской школы, который имел полную приключений жизнь. Истинный украинец, окончил юридический факультет Киевского университета, пребывал на военных и морских должностях. После русско-японской войны он, посвятив себя литературе, написал много сочинений, большей частью повестей. В последнее время, спасаясь от преследований большевиков, переехал в Одессу, откуда отбыл в Тифлис и Ереван, а ныне прибыл в Константинополь для отбытия в Париж»²⁵⁷.

Таким образом, круг деятелей русской литературы 10-х го-

дов XX века, отразивших в своем творчестве армянскую действительность, расширяется еще одним, почти забытым писателем в лице Б. Лазаревского. Свидетельством тому являются контакты малоизвестного в армянской среде русского беллетриста с Арменией и армянской культурой, которые, как убедились, нашли свое отражение в его литературно-общественной деятельности.

²⁵⁷ Чакатамарт (Битва), 7.X.1920 (на арм. яз.).

Г Л А В А III

СОТРУДНИЧЕСТВО РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ
С АРМЯНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ

1. В. Брюсов и классики армянской литературы

Говоря о поездке Брюсова в Закавказье, необходимо особо коснуться вопроса о его встречах с цветом армянской творческой интеллигенции, об их взаимоотношениях. Эти вопросы мы вскользь рассматривали выше, здесь же остановимся на них подробнее.

До приезда русского поэта в Баку в печати появляются статьи, в которых сообщаются общие сведения о нем, оценивается его работа по изучению, переводу и редактированию армянской поэзии, публикуются его статьи, программа планируемой лекции. Еще в середине декабря 1915 г. в газете «Подарок сиротам» помещается статья известного армянского поэта Иоаннеса Иоаннисиана, посвященная оценке принятой Брюсовым благородной работы. 31 декабря в опубликованной в газете «Арев» статье «По поводу лекции В. Брюсова», оценивая инициативу «Общества любителей армянской словесности», Иоаннисиан обстоятельно представляет работу поэта: «Лучшим средством знакомства с нацией является изучение ее литературы, знакомство с ее творческим потенциалом. Сегодня мы в том положении, что более, чем когда бы то ни было, необходимо, чтобы великие нации и, в частности, русская общественность знала нас и... уважала, любила нас. Этого уважения мы можем достичь не иначе, как доказательством, что мы народ, способный на цивилизацию, что и в прошлом и в настоящем армянская нация имела и

имеет такие дарования, что может свою маленькую лепту внести в общую духовную сокровищницу человечества. Это доказательство дает армянское искусство, армянская поэзия — об этом говорит В. Брюсов — талантливый поэт и первоклассный критик, прекрасно осведомленный в родной и других литературах».

В дни пребывания в Баку Брюсов не раз гостил в семье Иоаннеса Иоаннисиана. В одно из своих посещений русский поэт подарил Иоаннисиану сборник стихов с надписью: «Поэту Иоаннесу Иоаннисиану — в знак признательности за ту радость, которую доставила мне его поэзия. Баку, 1916».

Конечно, не обо всех их встречах и беседах сохранились сведения. О большой взаимной дружбе В. Брюсова и И. Иоаннисиана свидетельствуют воспоминания Иоанны Брюсовой: «Встреча Брюсова с Иоаннисианом была, можно сказать, встречей двух близких людей. Позднее знакомство поддерживалось дружеской перепиской. Мне Валерий Яковлевич не раз говорил, что ценит в Иоаннисиане дар поэта и неустанно повторял: «Иоаннисиан — истинный поэт!»¹.

Эта удивительная близость предполагает общность творческого склада писателей, на что в свое время обратил внимание академик А. Тертерян. Он, как уже было сказано, присутствовал на лекции Брюсова в Ереване и, прекрасно зная особенности поэзии Иоаннисиана, справедливо замечает, что в их «отношениях есть какой-то интимный момент, который следует особо подчеркнуть. Нам кажется, что Брюсов из всех армянских поэтов большее *родство испытывал* к Иоаннесу Иоаннисиану. Чувствовал близость к жанровым особенностям творчества, исторической героике, мастерству стихосложения и образцовой языковой культуре Иоаннисиана. Сам Брюсов в области русской поэзии особенно придерживался именно этих четырех особенностей»².

Эти правильно подмеченные общности можно про-

¹ Брюсова И. Указ. раб., с. 103.

² Тертерян А. Указ. раб., с. 42—43.

иллюстрировать на примере творчества двух поэтов. Вслед за Р. Патканяном и С. Шахазизом И. Иоаннисиан в восточноармянскую литературу привнес жанровое многообразие, культуру языка и стихосложения. Как отмечено в предисловии к «Поэзии Армении», он «... словно ставил себе задачей — указать все пути и дать все образцы лирики. Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье...»³. Нужно добавить также сонет, балладу. Все это Иоаннисиан писал, обращаясь к народной песне, фольклору. По сравнению с творчеством Туманяна и Исаакяна, для которых также характерно обращение к истокам народного творчества, наследие Иоаннисиана обладает неповторимыми чертами. Поэзия Иоаннисиана своим внутренним пафосом пронизана своеобразной античной строгостью, которая, по признанию многих русских литературоведов, была присуща поэзии Брюсова. Эту черту можно проследить, в частности, в исторических произведениях Иоаннисиана «Артавазд», «Рождение Ваагна», «Сюникский князь», и примечательно, что Брюсов высоко ценит именно эти произведения: «... *душой* я был всегда с Вами, много-много раз вчитывался в Ваши поэмы...», — пишет он Иоаннисиану в апреле 1916 г., имея в виду перечисленные произведения, в частности «Артавазд», которую он переводит для «Поэзии Армении».

В десятые годы армянское литературоведение определяло место и роль писателей XIX в. в истории литературы. Оценки Брюсова, которые во многом совпадали со взглядами армянских литературоведов, укрепляли их позиции и убеждения. В этом отношении очень интересна оценка И. Иоаннисиана, изложенная в стихотворной форме:

*К тебе приблизиться, то значит —
Вдохнуть души прекрасный свет.
Кто удручен, кто тайно плачет, —*

³ Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, с. 81.

*Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след⁴!*

Те же мысли высказываются в письмах И. Иоаннисиану, в которых Брюсов очень высоко отзывается и о человеческом образе поэта: «И еще реже — счастье встретиться с подлинным поэтом, как довелось мне встретиться с Вами. Я знаю, что в те дни мне посчастливилось видеть Ваш лучший образ, но ведь это и есть Вы — истинный, и таким я Вас помню, буду помнить и буду всегда знать»⁵.

Исключительное внимание к русскому поэту проявил также патриарх армянской поэзии Ов. Туманян. В письмах, воспоминаниях содержатся многочисленные сведения об их встречах и беседах на протяжении всех дней, проведенных ими вместе. Как утверждает Н. Туманян, они встречались каждый день, посещали вместе достопримечательности города, много беседовали⁶.

Более подробно об этом говорит И. Брюсова. «Из всех моих воспоминаний о встречах в Тифлисе воспоминание об Ованесе Туманяне самое яркое. Все лица заслонены неизгладимым образом незабвенного поэта»⁷, — пишет она. Туманян встречает и провожает Брюсова, организует лекции, устраивает приемы, по его инициативе Брюсов посещает могилу Саят-Новы. Туманян сопровождает Брюсова на гору Давида и в монастырь св. Давида, где похоронен Грибоедов, в знаменитый ботанический сад и т. д. И. Брюсова отмечает, что в короткий промежуток времени они стали близкими друзьями. Сказанное подтверждается их свободными и непринужденными беседами, о которых Туманян оставил интересные сведения. Как пишет Туманян, ознакомившись с армянской

⁴ Брюсов В. Указ. раб., с. 21.

⁵ Там же, с. 189—190.

⁶ См.: Туманян Н. Воспоминания и беседы, с. 136—137.

⁷ Брюсова И. Указ. раб., с. 103.

поэзией и культурой, Брюсов выразил удивление, что русская общественность не была близко знакома с этими сокровищами. Армянский поэт ответил, что причина этого явления кроется в политике угнетения малых народов царизмом. «В один из дней, во время застолья, обращаясь к нему (В. Брюсову. — *Ан. З.*), я так объяснил причину удивившего его явления, как это случилось, что они не были знакомы с нашей поэзией. Я сказал, что до сих пор из России к нам присылали полицейских, мол, езжайте и ловите воров и негодяев... Присылали жандармов, мол, бдительно следите, задерживайте революционеров. Они приезжали — находили революционеров. И так далее, и так далее. ...Но поэтов не присылали, мол, езжайте и ищите на Кавказе или среди армян поэзию. И вот впервые русский поэт приезжает к нам специально для поэзии. Впервые известные русские поэты приближаются к нашей поэзии — и находят сполна, и сейчас весть дойдет до России, что на Кавказе или среди армян есть и поэзия, и поэты...»⁸.

Такого же мнения о царской политике на Кавказе был, кстати, и А. Исаакян. «Хотя царизм и принес нам много бед, — писал он в 1916 г. в романе «Уста Каро», — недружелюбно смотрит на нас, отнял наше достояние, закрыл учебные заведения, культурные учреждения, насаждает среди нас вероотступничество, не подпускает нас к государственной машине и так далее и тому подобное, все-таки скажем по справедливости: это русская бюрократия, это правительство. Русский народ и его лучшие сыны не причастны к этим бедствиям: русский народ и его интеллигенция — лучшая часть человечества»⁹.

«Обмен мнениями» имел место накануне революции. Туманян, в частности, говорит с русским поэтом, опираясь как на свой опыт, так и на опыт собратьев по перу. Известно, что в дни революции 1905 г. за деятельность по предот-

⁸ Туманян — критик. Ереван, 1939, с. 339 (на арм. яз.).

⁹ Исаакян А. О России и русской культуре. Ереван, 1979, с. 42.

вращению армяно-азербайджанских столкновений Туманян был арестован и судим петербургским судом. Были арестованы и сосланы также писатели Ширванзаде, Исаакян и др.

Значительная часть передовой общественности Закавказья ориентировалась на демократическую Россию. К этой незыблемой убежденности Туманяна литературоведение обращалось неоднократно; однако нелишне было бы рассмотреть один вопрос, весьма важный с точки зрения этой ориентации.

На протяжении всей своей деятельности Туманян представлял существование армянского народа лишь под сенью России, в условиях мирного развития и сохранения прав национального самоопределения. Под угрозой турецкой деспотии армянский народ только с помощью могущественной России мог продолжить свое существование, что, по его представлениям, было неразрывно связано с понятиями культурной жизни и творческой работы. По убеждению Туманяна, ни один принцип для народов не имеет того значения, какое имеет «культурно-исторический принцип», им и определяется роль народов, их место в большой семье человечества. Говоря о культуре, он имел в виду не только образ жизни, но в первую очередь «духовную культуру», которая является критерием величия каждого народа. Считая словестность важным звеном духовной культуры, Туманян утверждал, что литература делает народ нацией, что она «является духом народа, его честью и славой». Выступления Туманяна о русском народе почти всегда начинаются или кончаются разговором о глубоком гуманистическом духе русской литературы и ее общечеловеческом значении. Каждый народ должен стремиться иметь правдивую культуру, настоящую литературу, которые, впитав в себя дух народа, защищают его от опасности извращения, уничтожения. А для того, чтобы иметь такую культуру, необходима свобода культурной жизни под сенью России, благодаря чему армянский народ может стать «цельным народом с самобытной культурой», «духовной Арменией» — точка зрения, которую горячо поддерживал Терьян.

В цитируемых выше строках Туманян обращался к Брюсову именно с этими мыслями, и понятно, что в своих беседах они не раз возвращались к подобным вопросам. Темой этих бесед, их стержнем, естественно, была армянская поэзия. Вот что пишет известный писатель Дереник Демирчян (1877–1956) в своих воспоминаниях о пребывании Брюсова в Тифлисе и прочитанных им лекциях. Опасаясь, что «сборник («Поэзия Армении». — Ан. З.) мог вызвать недовольство определенной части армянской интеллигенции», Туманян в эти дни у себя дома собирал видных деятелей армянской интеллигенции, чтобы представить им Брюсова и его сборник. Что же касается взглядов в отношении «Поэзии Армении», то, по свидетельству Демирчяна, точки зрения «Туманяна и Брюсова во многом совпадали... А именно, что немеркнущими звездами нашей поэзии должны быть лишь те писатели древности или новых времен, которые явились носителями идей мирового значения и ратовали за высокое качество литературы. Горячо обсуждался вопрос об армянских классиках, о выявлении художественных достоинств их творений»¹⁰.

В статье «Мои впечатления» А. Ширванзаде, который присутствовал на лекции Брюсова, писал: «Когда после завершения первой части лекции я прошел за кулисы, чтобы как слушатель и как армянин выразить свою благодарность за полученное художественное наслаждение, наш дорогой гость был бледен от волнения и дрожал. Он был взволнован не столько в высшей степени восторженным приемом публики, до краев заполнившей зал, сколько великолепными образами, возродившимися мощью его чудодейственной волшебной палочки. От тех обломков нашего богатого прошлого, которые имеют право жить и должны жить, если не для всего мира, то хотя бы для нас, как гордость за нашу национальную цивилизацию, за цивилизацию прошлого.

«Помилуйте, — сказал поэт своим трепетным голосом, — не вы меня должны благодарить, а я — армянский народ, который

¹⁰ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 60.

доставил мне величайшее наслаждение своими бессмертными творениями прошлого».

И, поверьте, это была не обычная скромность высокообразованного европейца и не тактичность, а присущая русской душе искренность»¹¹.

Другой видный представитель армянской литературы — Ст. Зорьян (1889–1967) также был в восторге от услышанной им лекции Брюсова. «Могу сказать без преувеличений, — пишет он, — что после лекции Брюсова для тбилисских армян целую неделю был праздник армянской поэзии в самом широком смысле этого слова. Мы знали, что подобное пережили армяне и в Баку, и в Ереване. ... Лекции Брюсова состоялись в 1916 году, в трагические для армянского народа дни. В эти дни пламенные слова Брюсова о культуре армян не только успокаивали нас, но вселяли веру, что народ, создавший подобные ценности, навсегда не может исчезнуть...»¹².

Брюсов в предисловии к «Поэзии Армении» путешествие по Закавказью считал как бы увенчивающим первый период его «армянских» работ, позволивший ему подтвердить «живыми впечатлениями» свои «кабинетные соображения и проверить по критике или по одобрению авторитетных лиц» те выводы, к которым он пришел, работая «самостоятельно...»¹³. Перед завершением работы над антологией, непосредственно общаясь с армянскими писателями, Брюсов уточнил свои исходные позиции в оценке многовековой армянской поэзии и отдельных поэтов. Его оценки и характеристики древних и средневековых армянских поэтов и классиков совпадают, в частности, со взглядами Ов. Туманяна. Они питали страсти даже к одним и тем же стихам Саят-Новы.

Благодаря деятельности Туманяна, Абегамяна, Овсепяна, Тороманяна и многих других в армянской действительности развернулось культурно-историческое движение по изучению

¹¹ Там же, с. 39–40.

¹² Там же, с. 72–74.

¹³ Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, с. 9.

армянского фольклора, песни, эпоса, историографии древних и средних веков, искусств, поэзии, осмыслению и оценке классической литературы. Весь этот материал «передается» Брюсову через сотрудничающих с ним в Москве Терьяна, Микаеляна, Макинцьяна, а в дни поездки по Закавказью — через Иоаннисиана, Туманяна, Шанта, Овсепяна, Демирчяна, Ширванзаде, и он, систематизируя и обобщая, организационно обеспечивая высокий переводческий уровень, завершает благородную работу по изданию «Поэзии Армении». Со всей уверенностью можно сказать, что без подобного большого культурно-исторического движения невозможно было бы осуществить такую объемную работу.

В беседах Туманяна и Брюсова, несомненно, затрагивались вопросы высокой миссии литературы, призвания писателя, особенно в период войны. Дух их общения глубоко выражен в стихотворении Туманяна, посвященном Брюсову. Это стихотворение по своему художественному содержанию — своеобразный клич, обращенный к владыкам «человеческих сердец» — к Брюсову и его братьям по перу:

*...Средь скорби, увлажняющей глаза,
Да будут наши помысли чисты
И страны согласуют голоса
Под общим небосводом доброты.*

*Пусть крепнут в сердце милость и добро.
Совпав в пространстве и пропав вдали,
Пусть люди помнят, что лишь им дано
Явить собою нравственность земли.*

*Уж если нам соперничать в борьбе,
То лишь в одной: кто более других
Выгадывает выгоду себе,
Безмерно полюбив и одарив...¹⁴*

¹⁴ Армянские писатели о Валерии Брюсове, с. 15–16.

Стихотворение целиком овеяно общечеловеческой любовью и надеждой. Поэт народа, оказавшийся на краю пропасти, пишет обо всем этом с покоряющей непосредственностью и теплотой.

Об этом же свидетельствует «Посвящение» Брюсова Туманяну (датировано «25 февраля 1916 г., Москва»), которое является своеобразным поэтическим отзвуком совместных бесед, раздумий. Брюсовское «Посвящение», напоминающее ритмы пушкинского стихотворения, адресованного сосланным декабристам, пронизано верой в то, что «тьма пронзится» и под звездным небом отпразднуется торжество братства и любви:

*... Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках!
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.*

*Пусть звезды, малые и крупные,
Вокруг тебя пронзают тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!...¹⁵*

С четырехтомником своих сочинений Брюсов из Москвы посылает в Тифлис это «Посвящение», написанное на первом томе.

Туманян был магическим собеседником, его эпически спокойное слово имело воздействующую и покоряющую силу, о которой по разным поводам говорил Брюсов. На рукописи стихотворения «К армянам» (23 января 1916 г.) он написал: «Ованнесу Туманяну это стихотворение — вдохновленный от бесед, от благодарного автора». В одном из своих писем Брюсов пишет: «...воспоминания о моей встрече с Вами остаются — и всегда останутся — в числе самых дорогих

¹⁵ Брюсов В. Указ. раб., с. 20.

мне»¹⁶. Дружба Туманяна и Брюсова продолжается до конца их жизни, она передалась супруге Брюсова и наследникам Туманяна.

2. Взаимоотношения С. Городецкого и Ов. Туманяна

Незабываемые впечатления от Западной Армении, тесное общение с армянским народом все более сближают Городецкого с армянской культурой и интеллигенцией.

После первых встреч с Туманяном, как было сказано, Городецкий уезжает в Западную Армению и там благодаря сыну Туманяна — Артавазду — знакомится и увлекается творчеством поэта. По возвращении из Западной Армении, обосновавшись в Тифлисе, он начинает работать над переводами произведений Туманяна, переводит «Концерт», «Странники», «Проклятая невестка», «Поэтам Грузии», «Парвана», четверостишия, которые для него Туманян часто читал и переводил. С глубокой искренностью Городецкий всегда подчеркивал, что «на мое творчество Ованес Туманян «повлиял» во всю меру нашей личной с ним дружбы»¹⁷. А в стихотворении «Беседа с Ованесом Туманяном», написанном в 1947 г., он признается:

*... В этом городе слез и утех
Над Курюю зелено-седою,
Мне милей и дороже был всех
Этот старец с душой молодою* (с. 18).

Живя в Тифлисе, Городецкий ежедневно встречается с Туманяном, с окружавшей его интеллигенцией. Трудно перечислить имена всех деятелей армянской литературы, театра, живописи, музыки, арменоведения, печати, с которыми общался Городецкий. Это — А. Ширванзаде, Л. Шант, В. Су-

¹⁶ Там же, с. 197.

¹⁷ Дружба, с. 99.

ренянц, Е. Тадевосян, Ов. Абелян, М. Зарифян, М. Абемян, Н. Агбалиян, А. Тигранян, Д. Демирчян, О. Севумян, А. Калантар, М. Геворкян и др. Он был окружен также представителями грузинской интеллигенции, многие из которых — например, Г. Робакидзе, Т. Табидзе, И. Накашидзе — находились в тесных дружеских отношениях с Туманяном. Каждодневные встречи, беседы вокруг самых разных тем, споры в домашнем кругу, в клубах, во время вечеров, прогулок по живописным уголкам города во многом содействовали укреплению связей культур русского и закавказских народов, их дружбы.

В 1917 — 1920 гг. Городецкий был душой всех начинаний, связанных с литературой и искусством. Вместе с Туманяном, представителями армянской и грузинской интеллигенции в Тифлисе он часто устраивал вечера, часть которых организовал Русский национальный совет Тифлиса (например, доклады, посвященные Некрасову и Клоеву). Из записки, адресованной Городецким Туманяну, мы узнаем о тургеневских празднествах в мае 1918 г.

«Дорогой Ованес Фадеевич!

Очень просим Вас быть завтра в зале Артистического Обва, в 12 ч. дня — на торжественном заседании Руссовета в память Тургенева и, если будет Ваша милость, сказать несколько слов. Но это не обязательно — одно Ваше присутствие увеличит наш праздник» (с. 182), — пишет он.

Преданность С. Городецкого и Ов. Туманяна была взаимной, свою дружбу они пронесли через всю жизнь. Это была дружба, как уже отметили, освященная историческими испытаниями русского и армянского народов. Этим духом было проникнуто открытое письмо Туманяна Городецкому, опубликованное 3 января 1918 г. в «Кавказском слове». Все строки этого письма, от первой до последней, пронизаны верой в русский народ.

Туманян, в частности, писал: «В то время, когда все народы Кавказа друг за другом приветствуют новую свобод-

ную Россию и на своих национальных съездах выносят решения о том, что остаются в составе великой свободной республики, в это именно время на нашем фронте русская армия, победоносно врезавшаяся в глубь вражеской страны и ставшая там хозяином положения, начинает отходить не только с полей сражений, но и покидать самый Кавказ... Россия за столетие с лишним положила миллиарды денег и миллионы жизней в бесчисленных героических войнах и создала обширнейшее государство, представляющее ныне великую российскую республику.

Как вы думаете, нет никакой связи между теми миллионами русских людей и нынешними. И свободные русские люди наших дней, стоящие еще на исторических братских могилах, разве ныне отказываются от своего наследства, от своего положения на Востоке и от исполнения своей великой национальной миссии?.. ».

В том же номере газеты было напечатано стихотворение Городецкого «Ангел Армении», а спустя несколько дней, 10 января, публикуется его ответное письмо Туманяну. Тонко, с политической дальновидностью написанное письмо проникнуто верой в армяно-российское братство. « ...Я с радостью берусь за перо, чтобы ответить Вам, — пишет Городецкий. — Ибо всю Россию, все ее проклятия, все ее мучения, так же, как и все надежды, ношу в себе и ежедневной думой пытаю будущее, которое предчувствую как самое яркое и прислушиваюсь к настоящему, ища из него выхода. Ведь только в этом и вопрос, где, какие и когда найдем мы выходы из настоящего... Ведь в будущем России никто из чутких не сомневается; «русский народ умеет совершить великую миссию в жизни народов», как говорите вы. Ваше письмо я принимаю как многозначительный акт дружбы и братства между Арменией и Россией, закрепленных кровью войны... Кавказ не может жить без России, как и Россия без Кавказа», — в свою очередь утверждает русский поэт.

Уже отмечалось, какой широкий резонанс в печати, в

обществе имели эти, «открытые» письма двух видных деятелей.

Письмо Туманяна настолько тронуло Городецкого и запало в его память, что годы спустя в стихотворении «Беседа с Ованесом Туманяном» он вспоминает:

*Встал поэт. Из замученных глаз
Проблеснули зарницы тугие.
Он спросил: «Неужели Кавказ
Покидает навеки Россия?»*

*Ведь она лишь одна помогла
Нам далекие черные годы
И от шахского рабства спасла
Закавказские наши народы.*

*Правда в сердце российском живет —
Это знают века и народы.
Неужели же русский народ
Позабудет нас в трудные годы?»*

И Городецкий от имени русского народа отвечал «мудрецу»:

*«Буря мчится над нами теперь,
Вольно сердце московское бьется,
И в Россию открытая дверь
Пред Кавказом вовек не замкнется».*

*Вспыхнул взором седой Туманян,
И душа распахнулась поэта,
О свободе, о дружбе всех стран
Убежденной мечтою согрета (с. 18).*

Именно в дни появления «открытых» писем выходит в свет книжка Городецкого «Ангел Армении», которую он дарит Туманяну с надписью: «Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до корня сердца очарован вашей

личностью, но и потому, что ваше имя — это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной» (с. 80–81). Трогательна и дарственная надпись на форзаце:

*«Из горнила бедствий
Армении вынес я
Надежду на ее воскресение.
Благословен день, когда
Оно свершится.
Ованесу Туманяну
Сергей Городецкий 1918. III. 6»¹⁸.*

На экземпляре Нвард Туманян читаем:

«Одной из дочерей прекрасной страны, о которой здесь поется, да будут в надежду эти песни.

*Нвард Туманян
Сергей Городецкий
<1>918. III. 6»¹⁹.*

В феврале-марте 1919 г. торжественно отмечается 50-летие со дня рождения Ов. Туманяна²⁰. Общественность Тифлиса широко, с воодушевлением и любовью празднует юбилей великого гражданина города. Весьма активно содействует проведению юбилея С. Городецкий.

Торжества начинаются 20 февраля. В этот день, ранним утром, на Вознесенскую улицу, к квартире поэта направляются деятели литературы и искусства, учителя, учащиеся. В

¹⁸ Личная библиотека Ованеса Туманяна в Ереване. Библиографическое описание. Кн. 2. Книги на русском языке, ч. 1, А–М. Ереван, 1989, с. 215.

¹⁹ Там же, с. 216.

²⁰ См.: Ованесян С. Юбилей Ованеса Туманяна в 1919 г. — В кн.: Туманян. Исследования и публикации. 5. Ереван, 1998, с. 125–143 (на арм. яз.).

их числе были С. Городецкий и делегация «Цеха поэтов» (А. Кулебякин, Ю. Данцигер, Н. Бел-Кон-Любомирская), передавшие юбиляру после теплых поздравлений адрес: «Тифлисский цех поэтов сегодня, в день вашего пятидесятилетия, обращает к вам свои восторженные голоса. Ваш праздник является не только народным праздником Вашей многострадальной родины, но и днем великой радости для всех поэтов, чествующих в лице Вас высокого жреца вселенского слова... И сколько раз в эти тревожные годы Ваш голос звучал как совесть человечества! Великого гуманиста, мощного сердцем пророка приветствуем мы Вас сегодня и славим»²¹.

Постоянно общающаяся с Туманяном русская интеллигенция края воспринимала его поэзию, его творчество как вселенское слово, его личность как олицетворение человеческой совести. Тем же духом была проникнута статья С. Городецкого «О мудром и нежном», напечатанная в тот же день в газете «Закавказское слово». В статьях, опубликованных в связи с юбилеем, творчество Ов. Туманяна было признано и по достоинству оценено во всем своем национальном и общечеловеческом звучании. В таком отношении к поэту велика была заслуга и Городецкого. «... Этот день — праздник многих миллионов, и не только армян, но всех закавказцев..., — отмечал русский поэт, — ибо Ованес Туманян всей своей песней, всей своей работой проповедовал верховенство всечеловеческих идеалов над национальными. Понять Ованеса Туманяна — значит понять Армению в ее исконных идеалах мирного земного быта, в ее стремлениях к идиллической жизни в содружестве с природой и людьми, — наперекор трагическому ходу истории».

В статье Городецкий подчеркивает стремление армянского народа — жить мирно и творить туманяновскими идеалами и мыслями.

В тот же день, 20 февраля, вечером, в Артистическом театре армянская общественность города отмечает «День

²¹ Закавказское слово, 22. II. 1919.

армянского актера». В своем выступлении на этом вечере председатель «Общества армянских драматических актеров» Ов. Абелян отметил, что «День армянского актера» совпадает с юбилеем Туманяна и от имени актеров приветствовал юбиляра. Участвовавший в вечере С. Городецкий на армянском языке прочел одно из стихотворений Туманяна, затем то же стихотворение — в своем переводе. По просьбе актеров он зачитал также текст приветствия Туманяну²².

26 февраля состоялось 24-е заседание «Цеха поэтов», посвященное 50-летию Ов. Туманяна. Присутствовавший на вечере Туманян торжественно избирается почетным членом цеха, члены кружка читают свои стихи, композитор Ф. Гартман исполняет новый этюд, посвященный Туманяну. Выступив со словом благодарности, армянский поэт приглашает поэтов «Цеха» следующую встречу провести у него дома²³.

В книге Н. Туманян «Воспоминания и беседы» читаем запись от 12 марта: «Во главе с Городецким отца вновь посетили молодые поэты «Цеха поэтов», чтобы поздравить его с 50-летием со дня рождения. В альбоме записали свои стихотворения. Остались на ужин. Был интересный и радостный вечер».

Об этой же встрече Р. Погосян пишет: «И вот, воспользовавшись его любезным приглашением, писатели нашего «Цеха поэтов» пришли к нему в гости.... Кроме нас, Туманян, великий поборник дружбы народов, пригласил и грузинских писателей. Здесь Иосиф Гришашвили, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе и др. Слышится армянская, грузинская и русская речь. ...Потом некоторые из нас прочли стихи, посвященные великому лорийцу. ...Поэт попросил нас вписать эти стихи в его альбом»²⁴.

²² См.: Мшак, 23.II.1919; Закавказское слово, 23.II.1919; Наше время, 26.II.1919.

²³ Закавказское слово, 28.II.1919.

²⁴ Погосян Р. Незабываемые встречи. — Литературная Армения, 1959, № 1, с. 169.

4 марта Городецкий принял участие в литературно-художественном вечере, организованном культурным обществом армянских студентов в Артистическом клубе в честь Туманяна. На вечере присутствовали русские, армяне, грузины. Зал шквалом аплодисментов встретил Туманяна, которого сопровождал Ширванзаде. Поэт сердечно благодарил «молодое поколение, хозяев нашего будущего». М. Агаян и В. Аракелян исполнили песни Саят-Новы и Комитаса, поэт И. Гришашвили продекламировал на армянском языке «Каплю меда», затем свое стихотворение на грузинском языке и исполнил также одну песню Саят-Новы. С. Городецкий прочел свое стихотворение «Ангел Армении» и оду А. Кулебякина, посвященную Туманяну. Юбиляра приветствовали также другие представители армянского и грузинского искусства²⁵.

В одной из своих статей, упоминая об этом вечере, Городецкий пишет: «И — нельзя умолчать — все поэты говорили о культурной связи здешних стран с Россией, пили за здоровье Бальмонта и Брюсова, вспоминали Москву, светлый призрак которой стоял на улицах, запорошенных снегом»²⁶.

Юбилейные торжества Туманяна переросли в демонстрацию братства народов Закавказья, дружбы и мира между ними. Известно, что армяно-грузинский конфликт конца 1918 г. вызвал возмущение в кругах интеллигенции обоих народов. И. Гришашвили имел в виду именно деятельность Туманяна, направленную на пресечение этих бессмысленных столкновений, говоря: «Князь армянской поэзии! ... И впредь поддерживай огонь своего костра и в нем сожги тех шовинистов, которые забыли песни Саят-Новы. Пусть все знают, что несчастье одного соседа не может принести счастья другому»²⁷.

В эти дни рядом с Туманяном стоял Городецкий, своими

²⁵ См.: Мшак, 6.III.1919; Закавказское слово, 6.III.1919; Арач (Тифлис), 8.III.1919.

²⁶ Закавказское слово, 7.III.1919.

²⁷ Там же, 25.II.1919.

статьями, выступлениями, встречами неустанно пропагандировавший мир между братскими народами. С законной гордостью он говорит об этом в дни юбилея Туманяна: «Армянский праздник стал торжеством всего Закавказья. ...Ованес Туманян дождался того момента, когда его проповедь солидарности наций стала лозунгом дня...»²⁸.

Эта проповедь была также постоянным девизом Городецкого.

3. А. Кулебякин и армянская общественность

После ухода русских войск из Закавказья А. Кулебякин обосновывается в Тифлисе, где в то время сильны были антиармянские настроения. В этой связи уместно привести высказывание С. Городецкого: «Еще сильнее зашипели черносотенцы из подворотни Русского клуба. Страшно смотреть, до чего дошла общественная рознь... Русский клуб играет крайне мрачную роль в Т[ифлисе]. Оттуда ползут слухи о предстоящих погромах. Там куются крылатые слова вроде: «недорезанный народ» (про армян), и создаются государственные истины вроде той, что «нам нужна Армения без армян». Усы Вильгельма торчат из Русского клуба, и именно оттуда раздаются вздохи о непобедимости германцев и праздности борьбы»²⁹.

Вот в такой атмосфере общественно-политической жизни Тифлиса разворачивалась деятельность А. Кулебякина. Он принимал активное участие в работе «Цеха поэтов», созданного и возглавляемого С. Городецким. Как было отмечено выше, «Цех» был одним из отделений объединения «Артистериум», созданного в конце марта 1918 г. при журнале «Агс». Участники собирались каждую среду — главным образом в музыкальной студии виолончелиста Н. Бендицкого, на квар-

²⁸ Там же, 7.III.1919.

²⁹ Армянский вестник, 1917, № 1, с. 15.

тирах С. Городецкого и А. Кулебякина³⁰, читали свои произведения, слушали интересные лекции на различные литературные темы. На «средах» всегда было многолюдно: кроме самих участников, бывали и гости — профессор консерватории Ф. Гартман, музыкант Н. Черепнин, грузинские поэты Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили, тифлиссские футуристы во главе с А. Крученых. Сохранились интересные сведения об участии в них и Ов. Туманяна³¹. Вот что пишет о Кулебякине в своих воспоминаниях поэтесса Р. Погосян: «Во время очередного собрания («Цеха поэтов».— *Ан. З.*) с чтением своего стихотворения об Армении выступил поэт-генерал Александр Кулебякин — очень уважаемый человек, который, несмотря на возраст, был одним из активных членов «Цеха»³². А. Кулебякин был в числе членов «Цеха», подписавших письмо в защиту С. Городецкого от клеветнических нападок Г. А. Харазова³³.

А. Кулебякин поддерживал дружеские отношения со многими представителями армянской культуры, литературы, общественно-политическими деятелями. Особенно близкие отношения сложились у него с великим армянским поэтом Ов. Туманяном. По всей вероятности, их дружба зародилась еще в ноябре-декабре 1914 г., когда Ов. Туманян вместе с писателем А. Ширванзаде, инспектором тифлиссской школы Нерсисян Овсепом Хунунцем, священником Никогойосом Бавояном, юристом Смбатом Хачатряном, епископами Месропом и Хореном выехал на фронт: целью их выезда на место

³⁰ «— Цех поэтов. Сегодня очередное собрание на квартире А. Кулебякина, Коргановская 18, кв. 2, в 7 ч. веч.» (Слово, I.X.1919; 15.X.1919; 5.XI.1919; 19.XI.1919).

³¹ Об этом более подробно см.: Закарян Ан. Основанный С. Городецким в Тифлисе «Цех поэтов» и его сборник «Акмэ», с. 44—56.

³² Погосян Р. Ардзаганк. Ереван, 1973, с. 49 (на арм. яз.).

³³ Закавказское слово, 15.II.1919.

военных событий были встречи со сражающимися на фронте армянскими добровольцами, ознакомление с общим положением дел. Ов. Туманян с подобной же миссией был, в частности, в Ване и в июне 1915 года, вместе с Овсепом Хунунцем и доктором философии Ервандом Франгяном³⁴.

Заметим, кстати, что маршрут вышеназванных армянских деятелей по Западной Армении совпал с той же дорогой, по которой весной 1913 г. прошел Т. Ольгенин. Выводы, сделанные русским публицистом после этой поездки, о которых мы подробно уже писали, подтверждаются путевыми заметками Ширванзаде «По местам войны» (1915 г.).

Нововыявленный нами фактический материал свидетельствует, что, приезжая с фронта в Тифлис, поэт-генерал часто встречался с Туманяном, поддерживал с ним переписку. В интересных воспоминаниях «Об Ованесе Туманяне» известный армянский писатель Дереник Демирчян писал: «Его (Туманяна.—*Ан.З.*) дом был местом встреч даже в те дни, когда он отсутствовал из дома или города. С ним имели дружеские или иные связи политические, культурные деятели, торговые люди, не говоря уже о представителях искусства и литературы. Хватало в последние годы и военных. К нему обращался полковник, не то генерал, Кулебякин, который на Ванском фронте стал знакомиться с армянскими древностями и с армянами начал писать поэмы из жизни Вана»³⁵.

До нас дошел рукописный «подстрочный» и «дословный» перевод сочинения Туманяна «Последний день»³⁶. С большой долей вероятности можно предположить, что перевод сделан

³⁴ *Карпетян Л.* Общественная деятельность Ованеса Туманяна (фрагменты). Ереван, 1992, с. 113–156 (на арм. яз.); *Гарибджанян Г. Б.* Добровольческое движение армян в 1914–1915 гг. и Ованес Туманян. — ИФЖ, 1997, № 2, с. 98 (на арм. яз.).

³⁵ Туманян в воспоминаниях современников. Ереван, 1969, с. 37 (на арм. яз.).

³⁶ Музей Ов. Туманяна, Книга поступлений (далее — КП) № 1073/2751.

или самим А. Кулебякиным, или же по его просьбе, так как текст находится в общей папке материалов, которые 20 июня 1986 г. дочь поэта Тамар Туманян передала в дар Музею Ов. Туманяна. 10 января 1917 г. полководец с дарственной надписью («Ованесу Туманьяну поэту Армении от сердца автора Александра Кулебякина. 10/1. 1917. Тифлис») подарил Ов. Туманяну свою книгу «Гребеничка в плену. Казачья старина» (Владикавказ, 1913)³⁷.

Как уже говорилось, В. Брюсов в 1916–1917 гг. побывал в Закавказье — в Тифлисе, Ереване, Эчмиадзине и Баку, прочитал ряд лекций, в частности, об армянской поэзии. Вся закавказская интеллигенция была под впечатлением этих выступлений. В конце февраля 1917 г. печать сообщала о предстоящем приезде в Тифлис В. Брюсова и Ю. Веселовского и чтении ими лекций³⁸. Ов. Туманян 24 февраля телеграфирует В. Брюсову: «Правление общества писателей просит Вас <в> Тифлис <на> вторую неделю после Пасхи. Ждем <с> нетерпением»³⁹.

А. Кулебякин был в курсе всего происходящего. Так, 29 января 1917 г. в письме Ов. Туманяну русский генерал пишет: «... Завтра хочу пойти на последний вечер Игоря Северянина, чтобы иметь собственное представление о нем...»⁴⁰ Кажется, не придется послушать В. Брюсова⁴¹, а 28 февраля того же года отмечает: «Жалею, что мало пришлось повидаться. Сегодня уезжаю в Игдырь. Книжка стихотворений о Ване скоро выйдет. Хотелось бы лично познакомиться с В. Я. Брюсовым,

³⁷ Там же, личная библиотека, 8/767. См. также: Личная библиотека Ованеса Туманяна в Ереване. Библиографическое описание. Кн. 2. Книги на русском языке, ч. I, А–М, с. 380.

³⁸ Оризон, 22.II.1917.

³⁹ *Туманян Ов.* Полное собр. соч., т. десятый, с. 261.

⁴⁰ О тифлиских «поэзовечерах» И. Северянина подробно см.: *Закарян Ан.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920), с. 16–20.

⁴¹ Музей Ов. Туманяна, КП № 1072/2740.

но не знаю, удастся ли мне приехать к Пасхе: зависит от наших военных дел»⁴².

В этот же период Кулебякин пишет состоящее из 6 частей произведение «Крест Масиса. Две легенды» с посвящением армянскому поэту: «На добрую память сердечно уважаемому поэту Армении Ованесу Фаддеевичу Туманяну преданный автор. А. Кулебякин. 9. IV. 1917 Тифлис»⁴³.

Строки Кулебякина не могут оставить читателя равнодушным:

*Величаво мрачен и прекрасен
С юга конус снежного Масиса.
Он вдали похож на великана,
Выше груди вгрузнувшего в землю.
Он собой долину замыкает,
По бокам ее два гребня лавы,
Как его протянутые руки.
Широки его громады плечи,
Страшно грудь могучая изрыта,
Головою шею придавило,
Шлем-вершина на брови надвинут.
Из под шлема из очей закрытых
Светлых слез источники струятся
И сбегает речкой серебристой
Между рук, простертых над долиной.
Рядом с ним пониже малый конус —
Точно шлем другого исполина.
Грозно спят чудовищные горы.
Великан Масис не шевелится,
Великан Масис молчит и дремлет
Затаив могучее дыханье, —
Ожидает часа пробужденья...*

Обосновавшись в Тифлисе, А. Кулебякин чаще стал на-

⁴² Там же, КП № 1072/2742.

⁴³ Там же, КП № 1072/2748.

вещать великого армянского поэта. Интересные воспоминания об этой поре оставил поколениям Джалал Тер-Григорян (Саллюмян). В своих воспоминаниях он писал: «У Туманяна часто видел также генерал-майора А. П. Кулебякина, который был командиром дивизии, затем корпуса, на Кавказском фронте, в районе Вана. Он был одновременно поэтом. Написал поэму «Дверь Мхера», ряд стихотворений под общим заголовком «Отзвуки Вана», которые изданы отдельным сборником. Он часто бывал у Туманяна, конечно, не как генерал, а как поэт. Он очень высоко оценивал нашего поэта, с теплым уважением относился к нему и свою поэму «Нанэ» («Ахлатская поэма», которая напечатана в сборнике «Джейран», изданном в Батуми) посвятил Туманяну. Беседы с Александром Кулебякиным также носили чисто литературный характер. Однажды Туманян прочитал переведенного им «Утопленника», не сообщив, что это «Утопленник» Пушкина. Кулебякин, не знавший армянского, прослушав 2–3 куплета, сразу же сказал:

– Это «Утопленник» Пушкина.

Он, конечно, это понял по размеру, ритму и соответствующему произношению. Затем беседа продолжалась вокруг Пушкина. Туманян говорил, что русские не имели более талантливого поэта, чем он, до сих пор. Кулебякин был согласен, что Пушкин действительно великий поэт, но был и более великий, чем он, и, кажется, ждал, что мы отметим более великого, чем Пушкин, поэта. Мы не догадались, на кого намекает Кулебякин, и он отметил неизвестного автора созданной в XII веке поэмы «Слово о полку Игореве».

Забыл сказать, что и Кулебякин со своей стороны мастерски продекламировал стихотворение, посвященное пляске «Камаринская» или «Трепаку», которое своим ритмом, тактом напоминало мелодию этого танца: сам же во время чтения своей мимикой и движениями, казалось, танцевал сидя»⁴⁴.

Вспомним также свидетельство дочери поэта Нвард Туманян: «Утром (13 января 1919 г. — *Ан. З.*) к отцу зашли

⁴⁴ Туманян в воспоминаниях современников, с. 409.

французский консул Поль Дюбуа и генерал Кулебякин»⁴⁵.

В феврале—марте 1919 г., как уже было сказано, торжественно отмечается 50-летие со дня рождения Ов. Туманяна. Весьма активное участие в чествовании принял и А. Кулебякин.

20 февраля поэта посетила делегация «Цеха поэтов», в том числе А. Кулебякин, а 26 февраля на 24-ом заседании «Цеха поэтов», посвященном юбилею Ов. Туманяна, А. Кулебякин прочитал свое стихотворение — «Ованнесу Туманяну. 20-го февраля 1919-го года. Сонет акростих». Армянский поэт был представлен как гражданин, разделяющий горе и радость родного народа. Обращаясь к Туманяну, Кулебякин вопрошает:

*О чем грустишь, задумчивый поэт?
В твоих глазах мы видим тень укора.
Армянский бард! Ты грустен, что не скоро
Народам Бог пошлет покой от бед.*

Стихотворение пронизано верой в будущее армянского народа:

*Но это будет: стихнут волны спора,
Едва в сердцах забрезжит новый свет —
Святой огонь... Уже полсотни лет
Тоска о нем твои туманит взоры.*

*Уныл наш мир, как темный, жуткий лес,
Могила грез, святилище обмана.
А все ж и в нем сквозит лазурь небес.*

*Нет! не померкнет солнце Айастана!—
Яснеет даль: ты видишь, Ованнес?...
Не умолкай: нам нужно Туманяна!!⁴⁶*

⁴⁵ Туманян Н. Воспоминания и беседы, с. 173.

⁴⁶ Музей Ов. Туманяна, КП №1072/2744; МЛИ, ф. Ов. Туманяна,

Как свидетельствует Нвард Туманян, теплая дружба продолжалась и в 1919 г. Она писала: «Вечером (24 декабря 1919 г. — *Ан. З.*) было много гостей — проф. Тотомян, Лисициан, Городецкий с женой, Кулебякин и др. В этот вечер отец прочитал несколько своих новых четверостиший. Впечатление было сильное, всем понравилось. Затем он сам стал говорить о четверостишиях»⁴⁷. Возможно, именно подобные встречи и беседы Кулебякина с Туманяном способствовали проявлению искреннего, неподдельного интереса к малым поэтическим формам — четверостишиям, переводом которых он впоследствии, как увидим, занялся всерьез.

Сотрудничество А. Кулебякина и Ов. Туманяна было наиболее плодотворно в «Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны». Остановимся на этом подробнее.

28 мая 1918 г. родилась Первая Республика Армения. Новосозданное государство вызвало подъем национально-патриотического мышления.

В этом плане примечательно, что в период подготовки Парижской мирной конференции возникла необходимость представить также сведения об участии армянского народа в Первой мировой войне и понесенных им потерях. 21 ноября 1918 г. (подготовительные работы начались с октября) Совет Союзов Центрального Совета армянских землячеств на общем собрании сформировал «Бюро по установлению потерь

№ 1299. В МЛИ хранятся два экземпляра машинописи стихотворения с подписью Кулебякина. На одном из них карандашом в верхнем углу страницы написано: «Л. С. Лисициану автор. 27/II». Внизу, также карандашом, приписано: «Прочитано автором юбилею на заседании тифлисского цеха поэтов 26 февраля 1919 г. в честь О. Ф. Туманяна, где ему было поднесено звание почетного члена цеха. А. Кулебякин. 27/II».

⁴⁷ Туманян Н. Воспоминания и беседы, с. 216.

армян от всемирной войны», председателем которого был избран Ов. Туманян⁴⁸. В протоколе состоявшегося 24 ноября 1918 г. общего собрания Управления земляческих союзов (более 30 представителей), во втором пункте повестки был доклад Ов. Туманяна о созданном Бюро, его деятельности, об организационных вопросах⁴⁹. На состоявшемся 4 декабря заседании Совета Союзов Центрального Совета армянских землячеств был заслушан доклад Туманяна о деятельности Бюро и «решение принято к сведению»⁵⁰.

В письме поэта от 14 декабря 1918 г., адресованном полководцу Андранику, читаем: «Наше правительство до сих пор не хлопотало относительно меморандума, представляемого конгрессу (Парижскому. — *Ан. З.*), не собрало материалов о том, какие потери мы имели или какие насилия свершались над нашим народом. Вынужденно начали мы — Совет Союзов Центрального Совета землячеств. Ныне под моим председательством организовано Бюро и работает оно с энтузиазмом. И правительство дало свою санкцию»⁵¹. 22 марта 1919 г. известный армянский историк Лео, заведующий историко-политическим отделом Бюро, писал: «Целью предпринятого Армянскими земляческими союзами дела было представить положение армянского народа в период первой мировой войны, т. е. выполненную им роль, понесенные им жертвы, приобретенные права. Будучи уверенным, что наступает великий день окончательной расплаты, армянский народ должен

⁴⁸ О создании, деятельности Бюро подробно см.: *Закарян Ан.* Поэт — генерал Александр Кулебякин и Армения. — ИФЖ, 2001, № 3, с. 115–126; *его же*, Участие генерала Александра Кулебякина в работе Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны, с. 155–158; *его же*, Нововыявленные документы о деятельности возглавляемого Ов. Туманяном «Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны». — ИФЖ, 2002, № 2, с. 271–304 (на арм. яз.); *его же*, Александр Кулебякин и Армения, с. 40–51.

⁴⁹ ЦГИА РА, ф. 244, оп. 1, д. 4, л. 83–84.

⁵⁰ Там же, л. 85.

⁵¹ *Туманян Ов.* Полное собр. соч., т. десятый, с. 299.

представить свои требования мировой инстанции и получить возмещение. Предусмотрено было это большое и общенациональное дело претворить в меморандуме, который должен был быть представлен Армянскому правительству, а оно — посредством своей делегации — Парижскому конгрессу»⁵².

По предварительным расчетам предполагалось, что эта акция потребует почти полмиллиона рублей. Было создано 4 отдела, руководителями которых назначаются известные общественно-политические деятели. Обязанности и должности были распределены следующим образом. Историк Лео, заведующий историко-политическим отделом, должен был представить историю «Армянского вопроса». Второй отдел — военно-исторический — должен был представить участие армянских вооруженных сил, армянского народа в мировой войне, показать значение этого участия. Предварительно, до того, как найти подходящего заведующего отделом, «временно вместе с несколькими военными руководит Тиг. Бегзаян»⁵³, однако спустя некоторое время удостоился чести возглавить этот отдел генерал А. Кулебякин. Экономический отдел призван был подсчитать потери армянского народа в Первой мировой войне — отделом должен был заведовать Христ. Вермишян, но вскоре его заменил Аш. Атанасян. Четвертый отдел — уголовно-следственный — обязан был вскрыть и протоколировать факты всех имевшихся убийств и резни во

⁵² ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 143, л. 29. См. также: Документы — 1. Лео. О путях в Армении и об оборонительных средствах этой страны. Сост. А. Газиян, А. Калантарян. Ереван, 1999, с. 20 (на арм. яз.).

⁵³ Затем Т. Бегзаян «взялся за организацию канцелярии и руководство всеми делами Бюро в качестве «представителя канцелярии». В письме к премьер-министру Республики Армении Р. Качазнуни от 21 января 1919 г. Т. Бегзаян подробно представляет цель и организационную работу Бюро, при этом просит «авторитетное содействие». — ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 31, л. 39–40. См. также: *Аветисян Г.* Победа национального единства армян. Май 1918 года. Ереван, 1998, с. 251–255 (на арм. яз.).

время турецких наступлений; отделом должен был заведовать Т. Иоаннисян.

Как видим, заведующего военно-историческим отделом «долго» выбирали, в конце концов нашли достойную кандидатуру в лице русского поэта-генерала. Секретарь этого отдела Л. Лисицын в 1920 г. написал исторический очерк «Участие армян в мировой войне 1914–1918 годов. Военно-исторический обзор. Предварительное ознакомление». Здесь, в частности, есть очень интересные сведения о А. Кулебякине как заведующем отделом. Так, например, Л. Лисицын пишет: «В качестве председателя и главного редактора этой военно-исторической комиссии был приглашен полковник Александр Кулебякин, известный как поэт и романист, который уже опубликовал несколько поэтических произведений об Армении ... В то время он был непосредственным участником всей войны на русско-турецком фронте с начала до последнего периода и, имея исключительную память и большой дар большого писателя, действительно должен был считаться наиболее подходящим для составления упомянутой военной истории.

Имело значение и то обстоятельство, что историческое описание и оценка, данные таким нейтральным и авторитетным человеком, как полковник Кулебякин, должны были быть особенно авторитетны и надежны для всех»⁵⁴.

Из докладной записки «Национальному бюро Армении» (9 декабря 1918 г.) видно, с какой готовностью и ответственностью подходил А. Кулебякин к выполнению порученного дела:

«Мне поручается составить военно-исторический очерк: «Участие армян в мировой войне 1914–1918 гг.» для представления его на предстоящей мирной конференции. Срок составления — 3 месяца. Срок этот для труда, обнимающего

⁵⁴ ЦГИА РА, ф. 428, оп. 1, д. 77, л. 2–3. Очерк опубликован нами. См.: Участие генерала Александра Кулебякина в работе Бюро по установлению потерь армян от Всемировой войны, с. 159–160.

более чем 4-летний период величайшей из войн, только что закончившейся, ввиду отсутствия в настоящий момент в одном месте готовых, полных и систематизированных материалов, безусловно, мал. В такой срок закончить такой важный труд во всей его полноте, со всеми приложениями, не упустив ни одной важной подробности, невозможно: на одно только собирание и систематизацию материалов должно уйти не менее года. Но серьезная цель представления на мирной конференции народов не позволяет продлить этот срок. Нужно мириться с этим обстоятельством и сообразно составить программу труда, дабы читатели могли получить наиболее полное представление о сути изложения при возможной его краткости.

Участие армян в истекшей войне разделяется на 3 главных периода: 1) период народных восстаний и добровольческих дружин; 2) период регулярных батальонов и стрелковых полков по день ухода с фронта русских войск и формирования национального корпуса и 3) период последней борьбы армянских войск с турками в районах Карса, Эривани и Баку после ухода русских. Кроме того вкратце необходимо обрисовать общее политическое положение и русские военные операции, в которых принимали участие армяне, а также роль их в рядах союзников англо-французов, указав количество участвовавших армян, фамилии виднейших деятелей, характер боевой работы, потери и т. п. При такой обширной программе, в виду краткости срока и необходимости большую часть его потратить на исследование материалов, изложение придется по возможности сократить, усилив его выпуклость в той мере, как это будет нужно для того, чтобы возможно ярче представить конференции деятельность армян в истекшую великую войну.

Сообразно с изложенным разработку всех материалов по указанным выше периодам должны взять на себя 3 моих помощника со своими сотрудниками, которые не позже как к середине второго месяца работы должны составить перечне-

вые указатели источников, с указанием к какому времени каждый относится, а также хронологические указатели боевых и других важных для истории событий для каждой армянской части и сведения, в каких операциях и в составе каких войсковых соединений какая часть участвовала. Кроме того каждый мой помощник к означенному времени должен настолько изучить касающийся заданного ему периода материал, чтобы иметь возможность по краткому конспекту доложить его мне в присутствии других моих помощников для окончательной оценки и развития уже в моем изложении. Работа моих помощников должна вестись в общем контакте не только между нами, но и с историком Лео, обрабатывающим историю общих событий той же войны. Работа эта должна вестись самым интенсивным образом, т. к. времени мало, а подробности программы ее будут разрабатываться постепенно в зависимости от хода дела. Необходимость сохранить срок сбора материалов, невольно заставляет увеличить состав сотрудников, т. к. иначе не управиться. Настоящее весьма трудное в экономическом отношении время, по моему мнению, основанному на моей беседе с моими предполагаемыми помощниками, требует вознаграждения работающих согласно с их положением в работе и постольку, поскольку это вознаграждение по требованиям настоящей жизни является достаточным, выделив из основного содержания деньги разъездные, которые желательно установить посуточно с отдельной оплатой железнодорожных, автомобильных и экипажных переездов согласно представленных счетов. При сем прилагаю на утверждение составленный мною совместно с моими помощниками проект штата и сметы руководимой мною комиссии по составлению порученного мне военно-исторического очерка»⁵⁵.

К докладной записке приложен проект «Штата военно-исторической комиссии по составлению очерка «Участие армян в мировой войне 1914–1918 гг.». Согласно этому проекту

⁵⁵ ЦГИА РА, ф.221, оп. 1, д. 37, л. 5.

представлено 19 штатных единиц с ежемесячной зарплатой 20300 руб. (3 месяца составляет 60900 руб.) и «Смета дополнительных расходов» — за 3 месяца — 53000 руб., всего — 113900 руб.⁵⁶. Правда, впоследствии этот проект был пересмотрен в сторону некоторого сокращения штатов и сметы.

Уже с 19 декабря в Бюро обращаются поручик Арам Тер-Мкртчян, бывший офицер 1-го Армянского стрелкового батальона Ованес Тер-Григорян, подпоручик Левон Лисицян, предлагая свое сотрудничество в этом отделе⁵⁷. В дальнейшем ряды сотрудников отдела пополняют С. Сергеев, Н. Абазян, М. Валадян, С. Пирумян.

22 января 1919 г. за подписью председателя Бюро Ов. Туманяна было направлено письмо А. Кулебякину:

«Настоящим «бюро по исследованию потерь армян от всемирной войны» сообщает Вам, что согласно постановлению названного бюро Вам поручается руководство военно-историческим отделом для составления очерка об участии армян во всемирной войне. При производстве Вашей работы Вы имеете руководствоваться сметой, представленной Вами и утвержденной постановлением бюро. Согласно постановлению Вы приглашаете по своему усмотрению трех помощников и 6 сотрудников, с вознаграждением в пределах утвержденной сметы. Сообщая Вам об этом, бюро просит незамедлительно приступить к работе»⁵⁸.

Одновременно Ов. Туманян обращается к заведующему военно-историческим отделом архива Грузии генералу С. С. Эсадзе:

«бюро по установлению потерь армян от всемирной войны» поручило генералу А. П. Кулебякину составить исторический очерк участия армян в этой войне. Для исполнения этой работы ему необходимы материалы, находящиеся во вверенном Вам Военно-историческом отделе. бюро просит не

⁵⁶ Там же, л. 6.

⁵⁷ Там же, л. 7, 8, 9.

⁵⁸ Там же, д. 38, л. 3.

отказать разрешить, как генералу Кулебякину, так и его сотрудникам, которым будут выданы соответствующие удостоверения за подписью последнего, разрешить работать в архиве порученного Вам отдела и пользоваться вышеупомянутыми материалами»⁵⁹.

В эти же дни Ов. Туманян и А. Кулебякин обращаются с просьбой помочь им материалами к известным военачальникам русской армии – генерал-лейтенантам Д. К. Абациеву, Ф. И. Назарбекову, генерал-майорам М. Н. Морелю, И. В. Ахвердову, М. А. Арешеву, А. К. Багратуни, М. П. Силикову, Даниэль-бек Пирумову, П. К. Пирумову, П. П. Бенефу, Осипянцу, генералу Г. Э. Берхману, полковникам М. Е. Мелик-Мурадову, А. П. Бей-Мамиконяну, Х. Г. Араратову и др.

А. Кулебякин писал (17 января 1919 г.) полководцу Х. Г. Араратову:

«БЮРО по установлению потерь армян от всемирной войны» поручило мне заведывание военно-историческим отделом для составления очерка: «Участие армян в мировой войне 1914–18 гг.».

Вы участвовали в формировании частей армянского корпуса и в его боевых действиях против турок.

Крайне необходимо и ценно было бы получить для составления названного очерка имеющиеся у Вас письменные материалы (как официальные, так и частные) о деятельности частей, находившихся под Вашим командованием, а также Ваше краткое описание событий в хронологическом порядке с Вашим заключением и впечатлениями. Кроме того желательно было бы при возможности личное освещение Вами тех или иных фактов мне или моим сотрудникам.

Сбором материала ведают мои помощники – г-н Валадян, ген. шт. пол. Сергеев и кап. Абазов со своими сотрудниками. Материалы должны быть собраны в возможно кратчайший срок. Ваш ответ благоволите сообщить мне по адресу: Тифлис, Коргановская ул. № 18, кв. 2, ген. м. Кулебякину.

⁵⁹ Там же, л. 4.

Вашим содействием этому делу Вы окажете родине такую же услугу, какую Вы всегда оказывали ей на поле брани.

С искренним уважением и преданностью,
Готов к услугам А. П. Кулебякин»⁶⁰.

Аналогичные письма были направлены всем вышеперечисленным военачальникам. Интересно, что материалы должны были быть высланы по указанным домашним адресам Туманяна и Кулебякина.

В следующей докладной записке (5 февраля 1919 г.) председателю Бюро Ов. Туманяну А. Кулебякин уже подробно описывает проделанную работу, перечисляет те трудности (главным образом финансовые), с которыми он столкнулся при работе. Кулебякин ставит в известность, что на призыв откликнулись видные военачальники Кавказского фронта. Резюмируя доклад, А. Кулебякин пишет: «...капитальная важность предпринятого военно-исторического труда вполне очевидна: для армянского народа необходимо, чтобы на мирной конференции перед лицом всех наций и мировой истории он мог представить фактические доказательства своего активного, кровью и бесчисленными жертвами запечатленного участия в мировой войне на стороне союзных нам держав до самого конца, даже когда он остался совершенно одинок в этой неравной борьбе. Таким образом, разрабатываемый мною очерк имеет не только специально военно-историческое, но в данный момент также и исключительное политическое значение для дела армянского народа»⁶¹.

Несмотря на финансовые трудности, сотрудники были отправлены в командировки. Удостоверения, выданные им, были подписаны Ов. Туманяном и А. Кулебякиным. Вот их образец:

⁶⁰ Там же, л. 31.

⁶¹ Там же, д. 37, л. 13–14. См. также: *Аветисян Г.* Указ. раб., с. 268.

«15 февраля 1919 г. УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Капитану Николаю Сергеевичу Абазову в том, что он командирован от бюро по установлению потерь армян от всемирной войны в г. Эривань и др. места Республики Армения для сбора Военно-исторических материалов, в качестве Члена Военно-исторической Комиссии по составлению очерка: «Участие армян в мировой войне 1914–1918 гг.».

Бюро просит всех начальствующих лиц и учреждения оказать Капитану Н. С. Абазову возможное содействие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БЮРО

О.Туманян

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ген. Кулебякин»⁶².

6 марта 1919 г. А. Кулебякин обращается к председателю Бюро Ов. Туманяну, сообщая, что «у г. М[икаела] Арзуманова имеется доклад генерала Деева (коменданта крепости Карс) о последних днях Карса в 1918 г., а также, по-видимому, и другие важные для работы... исторические документы». Его неоднократные обращения к Арзуманяну не увенчались успехом. А. Кулебякин просил председателя Бюро организовать снятие копий необходимых документов ввиду предстоящего отъезда Арзуманяна из Тифлиса⁶³. Бюро среагировало быстро. Уже 10 марта за подписью и. о. секретаря Бюро С. Сарикяна была отправлена записка М. Арзуманяну с указанной просьбой. Заметим, что в копии письма карандашом была вычеркнута следующая фраза: «Несмотря на ряд обращений генерала Кулебякина, ему не удалось до сих пор получить от Вас эти материалы»⁶⁴. Уже 16 апреля Т. Иоаннисян посылает в военно-исторический отдел доклад генерала Деева, при этом сообщая, что документ им дан на несколько дней, и что после использования его надо вернуть⁶⁵.

⁶² ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 38, л. 67.

⁶³ Там же, д. 37, л. 17.

⁶⁴ Там же, д. 38, л. 79.

⁶⁵ Там же, д. 105, л. 11.

Так как для продолжения работ необходимы были материальные средства, 4 марта 1919 г. Ов. Туманян вынужден был обратиться к председателю правительства Армении А. Хатисяну: «Бюро постановления* потерь армян от всемирной войны» убедительно просит ускорить разрешение парламентом вопроса об ассигновании трехсот тысяч субсидий на работы бюро. Промедление может вызвать ликвидацию деятельности бюро ввиду исчерпания собранных частных средств. Ответ благоволите телеграфировать»⁶⁶. Вскоре (7 марта) Ов. Туманян получает ответную телеграмму от А. Хатисяна: «Вопрос ассигнования стоит повестке. Первом заседании будет рассмотрен»⁶⁷.

Забегая вперед, отметим, что парламент Армении постановлением от 1 апреля принял решение вместо 300000 руб. предоставить лишь 50000 руб.⁶⁸

22 марта 1919 г. состоялось второе смешанное собрание исполнительного органа Центрального Совета земляческих союзов и Бюро, в котором участвовали заведующие отделами Бюро генерал Кулебякин, Лео, Т. Иоаннисян и Аш. Атанасян. На собрании были заслушаны доклады заведующих, состоялся обмен мнениями. Было решено, «согласно докладом заведующих, обратиться к Совету Союза Центрального Совета землячеств на его предстоящем заседании, доложить о деятельности Бюро и предложить Совету продлить срок его полномочий»⁶⁹.

Именно под этой датой до нас дошел подробный доклад А. Кулебякина о состоянии работ своей комиссии, адресованный Бюро. Очевидно, это доклад, заслушанный на вышеупомянутом собрании. Приведем его полностью:

«I – Фактически комиссия могла приступить к со-

* Так в документе.

⁶⁶ Туманян Ов. Полное собр. соч., т. десятый, с. 305.

⁶⁷ ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 31, л. 10.

⁶⁸ Туманян Ов. Полное собр. соч., т. десятый, с. 320.

⁶⁹ ЦГИА РА, ф. 244, оп. 1, д. 15, л. 13.

биранию военно-исторических материалов с 20-го января. До этого времени она имела только два заседания, которые затем были прерваны армяно-грузинской войной, создавшей в Тифлисе всем известную обстановку и совершенно прекратившей всякое сообщение с Эриванью, куда комиссия с самого начала своих работ предполагала командировать сотрудника для сбора важнейших документов.

Но и после 20-го января работа комиссии не могла идти продуктивно по причине отсутствия денег. Так например, командировка капитана Абазова в Эривань могла состояться, да и то не с полным ассигнованием средств, лишь во второй половине февраля. Сотрудники теряли много времени на отыскание себе денег, что отражалось на их работе.

В Тифлисе до сих пор не удалось получить архив военной миссии, арестованный грузинами. Кроме того, за невозвращением капитана Абазова из Эривани пока нет еще сведений о действиях: 1-ой дружины за май — апрель 1915 года; 2-ой дружины за декабрь 1915 г., январь-март 1916 года; 4-ой дружины — с января по июнь 1916 года; 7-ой дружины — с января по июнь 1916 года; отсутствует: что-либо о 6-ой дружине; 2-м и 3-м стр. батальоне и — все подробности по последнему периоду армяно-турецкой борьбы от Эрдзинджана до Караклис и Эривани, по обороне Баку и о действиях ударного отряда Андраника. /О Баку лишь 18-го сего марта получены от генер. Багратуни сравнительно краткие и неполные документы, по которым восстановить общую картину явится возможность только с возвращением из Баку С. Пирумова/.

Согласно постановления Бюро, посланного на утверждение правительства Армении, на расходы по работе комиссии было ассигновано с расчетом на 3 месяца — 100000 руб. В эту сумму входило содержание: 1 председателя, 3 помощника по отделам, 6 сотрудников, 1 секретарь, 3 писемоводителя (по отделам), 1 реминктонистка, 2 сторожа, оплата квартиры (с расчетом 1000 руб. в мес.), обзаведение инвентарем, канце-

лярские расходы, суточные по командировкам и гонорары посторонним сотрудникам. Из этого штата не были приглашены 2 сотрудника (а с 1-го марта из наличных еще убыл 1), 3 писемоводителя, 2 сторожа, а реминктонистка приглашена лишь 19-го сего марта. Кроме того, совсем не нанималось помещение и работы происходили частью по квартирам председателя и его помощников, частью же у секретаря Лисициана. Никакого инвентаря не покупалось, гонораров пока уплачено лишь 500 руб. генер. П. К. Пирумову и предполагается еще уплатить ген. Морелю и Арешеву и в общем, все канцелярские расходы сокращены до минимума.

Таким образом, до полного исчерпания всей сметы с удовлетворением членов комиссии по 1-ое апреля, останется еще половина не израсходованных денег (около 50000 руб.), которые с пользой могут быть обращены на дальнейшее продолжение работы, невольно замедленной выше указанными обстоятельствами. Довести ее до конца — необходимо, тем более что с фактического начала работ (20-ое января — протокол № 3) прошло только 2 месяца, а самое писание по добытым материалам начинается именно теперь.

II — Систематизировано и уже изложено с некоторыми, подлежащими дополнению, проблемами следующее:

1) Вступление и общий краткий обзор событий до начала войны. Формирование добровольческих дружин и распределение их по фронту до вступления в Турцию.—12 страниц.

2) С начала войны до сформирования Арагатского отряда (январь 1915 г.). Описание действий 1-ой, 2-ой и 3-ей дружины (4-ая за этот период пока отсутствует).—40 страниц.

3) Поход Арагатского отряда на Ван весной 1915 года, с значительными пробелами в подробностях, подлежащими пополнению из поступающего материала.—20 страниц.

4) Движение от Вана по южному берегу озера до июльского отступления 1915 года, включая Шатах-Мокусскую операцию.—25 страниц.

5) Ликвидация июльского отступления 1915 года и новое

выдвижение к западу по обоим берегам Ванского озера по взятие Битлиса 19-го февраля 1916 года включительно.—44 страницы.

6) Хизанская экспедиция Амазаспа в марте 1916 года.—13 страниц.

7) Бои после взятия Битлиса за период с 20-го февраля по 29-ое марта.—15 страниц.

8) /По 2-му периоду:/ С начала формирования батальонов. Общая картина формирования и деятельности 1-го стрел. батальона до начала революции.—22 страницы.

9) Написано, но еще не отредактировано около 40 страниц текста о действиях 4-го и 6-го батальонов.

10) /По 3-му периоду:/ От Эрдзинджана до Эрзерума, декабрь 1917 г., январь-февраль 1918 г.—91 страница.

11) Общая картина развала фронта, уход русских войск и формирование армянского корпуса.—29 страниц.

Помимо этого до настоящего времени собраны и систематизированы материалы за исключением перечисленных выше пробелов; имеются также документы по истории армянских восстаний в Турции в течение этой войны (не полные).

К сожалению, об участии армян в войсках союзников имеются лишь краткие газетные сведения.

III — Таким образом, в общем пока составлено около 350 страниц листового формата, из которых еще не все эпизоды связаны между собою. Этот материал, однако, ввиду поступающих новых документов, подлежит еще окончательной переработке, после того как будет перебран.

Работа в сущности только теперь начинает двигаться непрерывно, а главная масса документов (особенно по последнему периоду) еще ожидается из Эривани.

Труд в общем должен выйти хотя и довольно компактным, но во всяком случае — не совсем полным в подробностях, все по той же причине недостатка материалов и времени, — и не разобранности русского архива кавказской армии за 1914—18 гг., находящегося сейчас в хаотическом

состоянии. Кроме того, недостаток времени не позволяет дать к этому труду достаточное количество документальных и графических приложений: карты, схемы и т. п.

Однако и при этих вынужденных недочетах составляемый очерк, при всей своей схематичности, приобретает серьезное значение как военно-историческое исследование, важное не только для представления на мирной конференции, но и для удовлетворения общего исторического интереса, и как первый опыт составления, хотя бы частичной, истории войны на Армянском и Кавказском фронтах.

Было бы печально бросить эту работу в самом разгаре ее, тем более, что другого случая для ее продолжения в ближайшем будущем может и не представиться, а множество пока еще живых свидетелей великой эпопеи, равно как и многие интересные документы, навсегда будут потеряны для истории.

Думаем, что для окончания очерка комиссии еще понадобится работать в течение всего апреля»⁷⁰.

27 марта 1919 г. на заседании Центрального Совета землячеств заслушивается вопрос о продлении срока деятельности Бюро — решено было продлить его еще на один месяц, начиная с 27 марта, для составления меморандума⁷¹.

В связи со скудостью материальных средств представляет интерес письмо А. Кулебякина Ов. Туманяну от 31 марта 1919 г. Изложенное с искренним уважением и почтением к известному армянскому деятелю, оно — свидетельство искренней заинтересованности в успехе дела незаурядной личности:

«Очень сожалею, что опять беспокою Вас просьбой за мою историческую комиссию. Хотел переговорить лично, но не застал Вас.

Сегодня Валадян подал мне письменный отказ от дальнейшей работы с 1 апреля из-за неплатежа денег, и в таком

⁷⁰ ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 143, л. 19—20.

⁷¹ ЦГИА РА, ф. 244, оп. 1, д. 15, л. 15.

же положении находятся и все остальные сотрудники, о чем они настоятельно просят меня довести до Вашего сведения. Дальше так дело продолжаться не может. Фактически я и теперь уже остался почти без сотрудников, если не считать прекрасно работающего Лисициана и Сергеева (Валадян выбыл, Абазов и Пирумов отсутствуют, Григорян только что вернулся из Баку в самом тяжелом материальном состоянии, мешающем ему работать, и еще хуже обстоит с Петросяном, который на днях уезжает на службу в Батуми). Денежный вопрос тормозит всю работу.

Сердечно прошу Вас как можно скорее помочь всем нам в этом отношении, ибо и мое положение тяжко и материально и еще более нравственно, т. к. я стою во главе комиссии.

Будьте любезны, — не откажите завтра сделать все возможное и через Лисициана (телеф. 16-45) уведомить меня: я буду ждать ответа.

Кроме удовлетворения сотрудников есть еще другие не менее срочные платежи, совершенно не терпящие отлагательства. Положение критическое. Простите за причиняемое беспокойство, но Ваша всегдашняя длительная отзывчивость дает мне надежду на удачу в Ваших хлопотах за нас. Знаю, что в таком же положении находятся и другие комиссии, но я по своему долгу не могу не ходатайствовать о своих сотрудниках.

Искренне Вам всегда преданный А. Кулебякин⁷².

Любопытный факт: 4 апреля 1919 г. за подписью и. о. председателя Бюро Тиграна Иоаннисяна направляется «в хлебное бюро продовольственного отдела» городской управы следующая записка: «Представляя при сем список служащих и лиц, находящихся на их иждивении, Бюро по установлению потерь армян от всемирной войны просит выдать на имя Бюро соответствующую бумагу на получение дешевого хлеба на 113 лиц»⁷³. Под 13-м пунктом данного списка значится: «Кулебякин Александр Парфенев. «5 [лиц]».

Однако материальное положение Бюро не улучшается. Поэтому 14 апреля 1919 г. созывается смешанное заседание Совета Союзов Центрального Совета армянских землячеств, следственного Бюро, представителей купечества, дипломатического представителя Армении в Грузии, представителя европейской делегации, Армянского Национального Совета Грузии. Председатель Туманян подробно докладывает о деятельности Бюро, о финансовом положении, отмечая при этом, что правительство Армении не выполнило своих финансовых обязательств. Начатая Бюро работа остается незаконченной, «ответственность за это безусловно падает на Армянское правительство», — подчеркивает докладчик. Собрание решает «пока что деятельность бюро приостановить»⁷⁴. В письме от 22 апреля 1919 г., адресованном Хрис. Вермишяну, Ов. Туманян с болью пишет: «Я узнал, что Вы защитили дело нашего злосчастного следственного бюро, но тем не менее [оно] провалилось в нашем знаменательном парламенте. Вопреки даже поддержке и предложению правительства (по крайней мере его большинства).

Вы не можете представить, что бюро и, в частности, я испытали вообще в результате всего этого.

Взялись за дело на три месяца и выделяемую сумму определили лишь на пятый месяц, и то лишь одну шестую часть... и эти люди, которые считают это дело столь неважным и смотрят на него поверхностно, — эти люди считаются представителями этого народа. И выходит, что весь мир имеет требования, кроме армянства.

В то время как американский консул, прошлым днем я был у него, сам предложил — через три недели едет в Париж, дайте, мол, дела бюро, повезу с собой, даже указал, что нам написать и что делать нашей делегации, обещал и сам помочь там. Наконец, с другой стороны, наша делегация едет, со всех сторон шлют новые материалы... а мы оставили все

⁷² Музей Ов. Туманяна, КП №1072/2743.

⁷³ ЦГИА РА, ф. 221, оп. 1, д. 38, л. 98.

⁷⁴ ЦГИА РА, ф. 244, оп. 1, д. 15, л. 20.

наполовину и закрыли двери бюро»⁷⁵.

Как Бюро в целом, так и А. Кулебякин проделали огромную работу. Начиная с января, в числе других материалов Бюро передало члену армянской делегации на Парижской мирной конференции М. Пападжаняну «часть (314 стр.) того доклада, который подготовил заведующий военной частью комиссии генерал Кулебякин об участии армян в мировой войне»⁷⁶. Председатель Бюро Ов. Туманян с сожалением заключает: «Если дела комиссии ликвидируем, останутся незавершенными труды заведующих отделами гг. Лео, Т. Иоанни-сяна и генерала Кулебякина»⁷⁷.

Как уже было отмечено, работы Бюро временно были приостановлены, однако возобновить их не удалось⁷⁸.

Вот что пишет Л. Лисицян в своем вышеупомянутом очерке: «Полководец Кулебякин, который уже рассматривал взятую на себя работу по историческому труду как свое кровное дело и литературное его завершение считал делом чести и самолюбия автора, еще целый год продолжал свое исследование, знакомясь исключительно ... с историей отдельных армянских военных частей и армяно-турецкой войны после русской революции, несмотря на то, что был лишен какой-либо материальной помощи.

Ныне полководец Кулебякин, попав в период властвования большевиков, после выполнения большей части работы, лишен возможности завершить исследование. Так как мы осознаем огромное значение настоящего исследования для истории нашего молодого воинства, боевых традиций армянства и укрепления сознания народа, мы должны постараться подготовить к печати на армянском языке полученные от полководца Кулебякина рукописи ... Рукопись полко-

⁷⁵ Туманян Ов. Полное соч. собр., т. десятый, с. 309–310.

⁷⁶ Там же, с. 324.

⁷⁷ Там же, с. 325.

⁷⁸ Об этом более подробно см. письма Ов. Туманяна от 7 и 15 июня 1919 г. к Ал. Хатисяну (там же, с. 320 – 327).

водца Кулебякина мы должны дать без изменений, *оставляя за ним права и ответственность автора* (подчеркнуто нами. — Ан. З.)»⁷⁹.

Эта оценка, данная деятельности А. Кулебякина, не нуждается более в каких-либо комментариях.

Материалы, подготовленные военно-историческим отделом «Участие армян в первой мировой войне 1914–1918 гг.» под руководством генерал-майора А. Кулебякина о формировании и боевых действиях армянских добровольческих дружин и стрелковых батальонов, хранятся в Центральном государственном историческом архиве РА, часть их опубликована в вышеназванной книге М. Карапетяна⁸⁰.

В заключение заметим, с каким огромным усердием, строка за строкой — с первой до последней страницы, с поразительным знанием политико-правовых и дипломатических тонкостей, с логически уместными доводами, членами Бюро был собран и создан на основании многочисленных материалов исторический документ — Меморандум, который, к сожалению, не достиг предназначенной цели — быть представленным на Парижской мирной конференции. И на этот раз не оказалось соответствующих финансовых средств, которые неоднократно просили как Туманян, так и члены Бюро для завершения работы. Если бы даже этот Меморандум и не принес бы реальной пользы, то хотя бы был сохранен в дипломатических архивах одной из великих держав.

* * *

В целях содействия экономическому, духовному возрождению, укреплению обороноспособности и мощи Первой Республики Армении, в марте 1919 г. крупный армянский промышленник из Баку Илья Лазаревич Маилов с двумя своими братьями организывает на Северном Кавказе — в

⁷⁹ ЦГИА РА, ф. 428, оп. 1, д. 77, л. 5–6.

⁸⁰ Карапетян М. Указ. раб., с. 184–329.

Кисловодске «Научно-промышленную экспедицию братьев Маиловых». До этого, в начале 1919 г., представители армянского крупного капитала Закавказья, учитывая факт существования армянской государственности, собрались в Тифлисе на совещание, где обсуждался вопрос о переводе их предпринимательской деятельности из разных мест Закавказья в Армению. Чтобы изучить народнохозяйственную, административную и культурную жизнь Армении, была создана выше-названная экспедиция. Это гарантировало бы дальнейшее развитие армянского капитала в самой Армении⁸¹. Создание экспедиции имело широкий общественный резонанс не только среди армян⁸².

⁸¹ Этих гарантий добивались также представители армянского крупного капитала Баку и Восточного Закавказья на своем осеннем заседании, что отражено в протоколе заседания. Об этом подробно см.: *Микаелян В. А., Мирзоян С. С.* Участие армян в экономической жизни Восточного Закавказья (вторая половина XIX – первые десятилетия XX вв.). – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1990, № 2, с. 74–81.

⁸² Известный грузинский литературно-общественный деятель Лев Кипиани в статье «Дело бр. Маиловых» писал, что это начинание «... является серьезным культурным делом, могущим оказать молодому государственному строительству Армении громадную и неоценимую услугу» (Кавказское слово, 9.VIII.1919).

В статье «Обследование Армении» читаем: «В целях содействия зарождению новых и развитию существующих отраслей промышленности в Армении снаряжается научно-промышленная экспедиция, имевшая своей задачей изучение, по возможности всестороннее, народнохозяйственной жизни страны. Работы по изучению страны будут производиться в нескольких направлениях: 1) в непосредственном обследовании страны на местах специалистами и сведущими лицами, 2) в собирании и систематизации уже имеющихся материалов печатных и рукописных, касающихся Армении и 3) в опросе населения через специально снаряженные экспедиционные отряды» (там же, 7.VIII.1919).

В другой статье – «К работам научно-промышленной экспедиции в Армению братьев Маиловых» – сообщается, что

Экспедиция обратилась к видным специалистам с предложением разработать и представить соответствующие обоснованные программы⁸³.

Вновь доклад, касающийся вопросов обороны Республики Армении и проблем ее армии, составил и представил экспедиции генерал-майор А. Кулебякин. Это было естественно: русский полководец принимал самое непосредственное участие в военных действиях на Кавказском фронте, был хорошо знаком с западноармянскими областями, с жизнью, обычаями, бытом армянского народа. Свой доклад, состоящий из 2 разделов – «Военные задачи Армении» (21 лист, XI отдел) и «Особое мнение. Несколько слов о новых границах будущей Армении» (17 листов)⁸⁴, – Кулебякин закончил 1 октября 1919 г. В нем рассматривались вопросы границ республики, их пересмотра в свете сложных взаимоотношений с Грузией, Азербайджаном и Турцией, «особое мнение» о новых границах и другие вопросы, касающиеся стратегии и обороны⁸⁵.

Этот доклад по сей день сохраняет свою историческую и теоретическую ценность. «Я не могу промолчать о том, что подсказывает мне глубокое внутреннее убеждение, основан-

«Дело по своду материалов по русской Армении уже экспедицией налажено..., что касается Западной Армении, так как невозможно теперь проникнуть туда для сколько-нибудь спокойной работы, то работа на этот год поневоле ограничивается собиранием материала и опросом беженцев». Сообщается также, что для этого уже подготовлен на армянском опросник, который скоро выйдет из печати, и можно будет приступить к опросу по ним беженцев из Западной Армении в главных пунктах их скопления (там же, 16.VIII.1919).

⁸³ О проделанной работе экспедиции по состоянию на 1 января 1920 г. подробно см.: ЦГИА РА, ф. 428, оп. 1, д. 75, л. 1–8. См. также: *Закарян Ан.* Левон Лисицян о научно-экономической экспедиции братьев Маилян. – ИФЖ, 2001, № 3, с. 277–285 (на арм. яз.).

⁸⁴ ЦГИА РА, ф. 196, оп. 1, д. 12.

⁸⁵ См.: Документы – 1. Лео. О путях в Армении и об оборонительных средствах этой страны, с. 6–7.

ное на изучении дела, и личный опыт, — пишет Кулебякин. — Я сам видел и прошел эти исторические места, о которых пишет мое перо. С тяжкими трудами, шаг за шагом одолевала русская армия природу и человеческое сопротивление, и работа ее не должна остаться забытой и безрезультатной. Говорю как русский человек. Если сама Россия ушла отсюда в лице своего сломанного революцией солдата, то пусть плоды вековых трудов моего Отечества достанутся тому народу, освобождению которого от мусульманского ига оно поставило одной из своих задач, исторически стремясь ее выполнить».

* * *

О последующей деятельности Кулебякина мы располагаем следующими достоверными сведениями. Из выявленного нами письма Кулебякина Туманяну от 11 мая 1921 г. становится ясна участь русского генерала. «Вы, вероятно, уже знаете, что я арестован 28 апреля 1920 года в Баку, — пишет, в частности, Кулебякин армянскому поэту, — а с 24 октября нахожусь в Москве. До 23 апреля 1921 г. сидел в Кожуховском лагере, а затем переведен в Брестский госпиталь, палата № 2 (пресненский Камерколлежский вал, 39)»⁸⁶. После освобождения генерал выезжает в Тифлис к семье, где продолжает творить.

Как уже было сказано выше и как свидетельствуют фактические материалы, Кулебякин, начиная с 1914 года, поддерживал дружеские отношения со многими видными армянскими военачальниками, общественно-политическими и культурными деятелями, работал с ними. Среди них был и сын известного ученого-арменоведа Степана Лисициана — Левон Лисициан, являвшийся секретарем «Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны», сотрудником экспедиции братьев Маиловых. Его безвременная и трагическая смерть произвела глубокое впечатление на Кулебякина. Годовщине смерти своего молодого армянского друга он посвятил трогательное стихотво-

⁸⁶ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 760.

рение — «Памяти Левона Лисициана (19/II 1921 г.):

*В минуту бед, когда вся жизнь — ничто,
Одна есть ценность — дух неистребимый.
Жив человек, — толпа проходит мимо,
Один, быть может, спросит: — это кто? —*

*Работник сильный скромн у станка,
Но за него горда его работа.
Знаток посмотрит, скажет: — сделал кто-то,
Но видимо способная рука. —*

*А он попал под зубья колеса
И превращен в кровавый слепок мяса:
Он не предвидел гибельного часа,
Когда взмахнет жестокая коса.*

*Но нет! ты жив: твой подвиг налицо.
Ты жив, герой! я в смерть твою не верю.
Ты заплатил собою Року-зверю,
Но от тебя осталось деревцо.*

*Ты из зерна на вспаханном пути
Вспоил росток его грядущей жизни.
Его плоды оценятся в отчизне,
И ты ее за кровь твою... прости!!!*

Дарственная надпись его жене на рукописи стихотворения гласила: «Елене Аветовне Лисициан в знак памяти и глубокого почитания дорогого имени погибшего моего молодого друга: да будет живо оно. А. Кулебякин. 23/II.1922. Тифлис»⁸⁷.

⁸⁷ ЦГИА РА, ф. 428, оп. 1, д. 147, л. 1; *Гарибджанян Г. Б., Варданян Л. М.* Левон Лисициан (1892–1992). — Вестник общественных наук НАН РА, 1993, № 1, с. 58 (на арм. яз.). В архиве нами обнаружен второй экземпляр стихотворения — с посвящением родителям Л. Лисициана: «Отцу и матери на память о любви моей к их безвременному павшему дорогому сыну» (ЦГИА РА, ф. 428, оп. 1,

... Примечательно, что А. Кулебякин «с армянского перевел» четверостишия Ов. Туманяна. Из них 30, каждое на отдельной странице, написанные от руки, он бережно сброшюровал в маленькую книжку и 12 апреля 1923 г., спустя 20 дней после смерти армянского поэта, подарил семье Ов. Туманяна с надписью: «На добрую память дорогой для меня семье сердечно любимого мною человека, поэта Армении Ованнеса Фадеевича Туманяна. А. Кулебякин. 12/IV.1923 г. Тифлис»⁸⁸. Интересно также, что в стихотворении «Памяти Ованеса Туманяна» русский поэт-генерал «воспроизводит образ национального поэта, который, перерабатывая в своем поэтическом горниле творения народа, возвращает ему их, отметив печатью своего гения»⁸⁹.

Наше исследование об А. Кулебякине и его связях с Арменией завершается 1923 годом. О дальнейшей судьбе генерала мы, к сожалению, не имеем сведений...

А. Кулебякин, русский казак-полководец, был яркой личностью, сочетающей в себе талант военного, поэта и общественного деятеля. Своим ратным делом и поэтическим словом он внес неоценимый вклад в борьбу армянского народа за свое освобождение, был искренне предан интересам Армении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В русской прогрессивной общественной мысли 10-х годов XX века происходит весьма существенный сдвиг с точки зрения оценки национально-политического положения армянского народа, армянской действительности. Передовая русская интеллигенция в лице литературных деятелей своими контактами, знакомством с историей армянского народа, его культурной жизнью, с Армянским вопросом, силой своей демократической ориентации проявляет гуманное и беспристрастное отношение к народу, к историческим судьбам Армении. Она способствовала укреплению представлений российского общества об армянских реалиях.

В статье «Тогда ... и теперь» Ю. Веселовский писал: «... если теперь настроение русского общества и интеллигентных кругов по отношению к армянам стало совершенно другим ..., то это было вызвано не только тем, что в новейшее время появилось несколько новых книжек и статей, посвященных армянскому народу и его литературе, но также тою усиленною и настойчивою работою, которая в течение, приблизительно, четверти века подготовляла определенно обозначившийся именно теперь поворот русского общественного мнения. Нужно было долгие годы говорить о тех же самых вопросах, напоминать о том, что не должно было забываться, неизменно бить в одну точку, взывать к читателю, рискуя навлечь на себя обвинения в однообразии и повторении того, что уже сказано было раньше, — но чувствуя, что это неизбежно, раз имеется в виду бороться с застарелыми предрассудками и подготовлять взаимное понимание двух народов»¹.

д. 147, л. 2).

⁸⁸ Музей Ов. Туманяна, КП №1072/2750.

⁸⁹ Ганалаян О. Указ. раб., с. 24.

¹ Кавказское слово, 1.X.1916.

В результате исследования нами сделаны следующие выводы.

1. Широкие слои российского общества в начале XX века весьма слабо были знакомы с армянами, их историей и культурой, с армянской общественно-политической и национальной жизнью, с их потребностями и запросами, настроениями и стремлениями живущих в России и в Турции армян.

2. Русские литераторы занимаются исследованием положения западноармянства в 10-е годы, посещают Западную Армению, собирают здесь огромный материал об их тяжелом социально-политическом положении и своими публикациями настраивают российское общество и властные круги на благорасположение к армянам. Чем ближе российская общественность знакомилась с армянской действительностью, тем большее расположение проявляла по отношению к судьбе древнего народа.

3. Геноцид западных армян, организованный младотурками в 1915 г., вызвал широкую волну протеста и справедливого гнева передовой интеллигенции многих стран. Свой голос подняли также русские ученые, литературоведы, писатели, представители общественно-политической мысли. В годы Первой мировой войны с целью оказания помощи армянскому народу, западноармянским беженцам, информирования общественности России о судьбах армян на страницах российской и кавказской печати публиковались разнообразные материалы — статьи, исследования, художественные произведения, переводы, корреспонденции видных представителей русского общества, которые освещали суть Армянского вопроса, общественно-политическую жизнь армян, раскрывали преступную политику правительства младотурок в Западной Армении и т. д.

4. Русские литераторы опубликовали материалы о войне и событиях, связанных с ней, богатые сведения о жизнестойкости армян в жесточайших условиях, а также ярко пред-

ставили вековые достижения литературы и искусства, духовные ценности армянского народа. Этим они способствовали укреплению веры в борьбу за выживание перенесшего трагедию народа, развивали всесторонние связи с русским народом, в частности в интеллектуальной и духовной сфере, поднимая на более высокую ступень лучшие традиции.

Знакомясь непосредственно с армянской действительностью и глубоко переживая трагедию армян, русские литераторы во имя справедливости поднимали свой голос протеста. Через все их произведения проходит боль и беспокойство за судьбу армянского народа, стремление пробудить в своих соотечественниках сострадание по отношению к нему. Они не только резко осуждали политику геноцида, но и выражали твердую надежду, что страна древней цивилизации и бесстрашных героев в конце концов обретет свободу.

5. Представлены героические действия армянских добровольцев и их вклад в обеспечение победы русских войск на Кавказском фронте. На богатом фактическом материале показана преданность армянского народа России, скрепленная кровью в совместных боях против врагов. Всесторонне освещены вопросы освобождения армянского народа от турецкого ига с помощью России, пророссийская ориентация западноармянства в период Первой мировой войны.

6. В материалах российских публицистов, журналистов, корреспондентов различных изданий, поэтов, писателей вскрывается и освещается позиция великих держав по Армянскому вопросу, самооборонительные бои, массовая резня армян также в Восточной Армении, положение беженцев, вопросы самоопределения и автономии Западной Армении, создание и деятельность Первой Республики и другие проблемы.

Интерес русских литературных деятелей к Армении, как видно из данного исследования, был исторически оправдан и закономерен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Периодическая печать

а) Газеты

1. Айастан (Армения), Тифлис, 1917–1918 (на арм. яз.).
2. Айастан ашхатавор (Работник Армении), Ереван, 1919 (на арм. яз.).
3. Арач (Вперед), Тифлис, 1919 (на арм. яз.).
4. Арач (Вперед), Ереван, 1920 (на арм. яз.).
5. Арев (Солнце), Баку, 1914–1917 (на арм. яз.).
6. Ашхатавор (Работник), Тифлис, 1919–1920 (на арм. яз.).
7. Ашхатанк (Труд), Ереван, 1916, 1919 (на арм. яз.).
8. Баку, Баку, 1913–1917.
9. Бакви дзайн (Голос Баку), Баку, 1913 (на арм. яз.).
10. Биржевые ведомости, Спб., 1914.
11. Ван-Тосп, Ереван, 1919 (на арм. яз.).
12. Вестник Армении, Одесса, 1919.
13. Возрождение, Тифлис, 1917–1919.
14. Гахапар (Идея), Тифлис, 1916–1917 (на арм. яз.).
15. Гракан терт (Литературная газета), Ереван, 1959, 1963, 1965, 1970, 1990 (на арм. яз.).
16. Жаманак (Время), Константинополь, 1913 (на арм. яз.).
17. Жоговрди дзайн (Голос народа), Тифлис, 1918–1919 (на арм. яз.).
18. Жоговурд (Народ), Ереван, 1919 (на арм. яз.).
19. Закавказская речь, Тифлис, 1913–1914.
20. Закавказское слово, Тифлис, 1919.
21. Знамя труда, Тифлис, 1918.
22. Кавказ, Тифлис, 1913–1916.
23. Кавказское слово, Тифлис, 1914–1919.
24. Кавказский телеграф, Тифлис, 1916.
25. Каспий, Баку, 1917.
26. Литература и жизнь, Москва, 1960.
27. Мшак (Труженик), Тифлис, 1913–1920 (на арм. яз.).
28. Народная свобода, Тифлис, 1917–1918.
29. Наше время, Баку, 1918–1920.
30. Новое время, Петербург, 1913.

31. Нор ашхатавор (Новый работник), Тифлис, 1919–1920 (на арм. яз.).
 32. Оризон (Горизонт), Тифлис, 1913–1918 (на арм. яз.).
 33. Пайкар (Борьба), Тифлис, 1916 (на арм. яз.).
 34. Понедельник, Баку, 1920.
 35. Правда, Москва, 1913.
 36. Республика, Тифлис, 1918.
 37. Речь, Тифлис, 1918.
 38. Русские ведомости, Москва, 1895, 1912–1917.
 39. Русское слово, Москва, 1912–1916.
 40. Слово, Тифлис, 1919–1920.
 41. Терек, Владикавказ, 1916.
 42. Тифлисский листок, Тифлис, 1912–1914.
 43. Чакатамарт (Битва), Константинополь, 1920 (на арм. яз.).
 44. Ширази ашхатавор (Работник Ширази), Александрополь, 1919 (на арм. яз.).
- #### б) Журналы
45. Айкакан банак (Армянская армия), Ереван, 2002, 2003 (на арм. яз.).
 46. Анаит, Париж, 1929 (на арм. яз.).
 47. Андес Амсореа (Ежемесячный журнал), Вена, 1924 (на арм. яз.).
 48. Армяне и война, Одесса, 1915–1917.
 49. Армянский вестник, Москва, 1916–1918.
 50. Агс, Тифлис, 1918.
 51. Ван-Тосп, Ван, 1911–1915, Тифлис, 1915–1918 (на арм. яз.).
 52. Вестник архивов Армении, Ереван, 1960–2003 (на арм. и рус. яз.).
 53. Вестник Ереванского университета, Ереван, 1967–2003 (на арм. и рус. яз.).
 54. Вестник общественных наук НАН РА, Ереван, 1943–2003 (на арм. и рус. яз.).
 55. Горц (Дело), Баку, 1917 (на арм. яз.).
 56. Дружба народов, Москва, 1956.
 57. Звезда, Ленинград, 1967.
 58. Искусство, Баку, 1921.
 59. Историко-филологический журнал НАН РА, Ереван, 1958–2003 (на арм. и рус. яз.).
 60. Кавказская рампа, Тифлис, 1918.
 61. Летопись, Петроград, 1917.

62. Литературная Армения, Ереван, 1958–2003.
63. Литературная Грузия, Тбилиси, 1978.
64. Литературный Азербайджан, Баку, 1964.
65. Народный вестник, Москва, 1917.
66. Новый мир, Москва, 1972.
67. Орион, Тифлис, 1919.
68. Райский орленок, Тифлис, 1918.
69. Советакан манкаварж (Советский педагог), Ереван, 1982, 1984 (на арм. яз.).

2. Материалы архивов

- 2.1. Дом-музей И. Иоаннисиана, Вагаршапат, ф. И. Иоаннисиана, № 127.
- 2.2. Музей Ов. Туманяна, Ереван, семейный архив; Книга поступлений, 1072/2740, 2741, 2742, 2743, 2744, 2748, 2750, 1073/2751; личная библиотека, 8/767.
- 2.3. Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, Ереван, ф. Ов. Туманяна, №№ 578, 580, 581, 760, 785, 785а, 1289, 1299, 1775, 1779; ф. Т. Иоаннисиана, №№ 79–81, 263, 264, 266, 269; архив С. Городецкого, №№ 5, 33, 39, 50, 52, 57–73, 85; ф. Кавказское общество армянских писателей, №№ 188, 232.
- 2.4. Центральный государственный исторический архив РА, Ереван, ф. 121, 196, 198, 199, 200, 202, 221, 242, 244, 428.

3. Специальная литература

а) Книги и брошюры

- 3.1. *Абегян М.* Соч. В 8-ми т., т. 5. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. – 510 с. (на арм.яз.).
- 3.2. *Аветисян Г.* Победа национального единства армян. Май 1918 года. – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1998. – 302 с. (на арм. яз.).
- 3.3. *Адонц Н.* Собрание в 4-х томах, т. А. Армянский вопрос. – Ереван: Изд-во «Айагитак», 1996. – 244 с. (на арм. яз.).
- 3.4. Акмэ. Первый сборник тифлисского Цеха поэтов. – Тифлис: Типогр. «Слово», 1919. – 64 с.
- 3.5. *Акопян Э. А.* Арменоведение в России (Вопросы филологии). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. – 319 с.
- 3.6. *Амирханян А. М.* Л. Н. Толстой и армянская действительность. –

- Ереван: О-во «Знание» АрмССР, 1985. – 44 с.
- 3.7. *Амирханян М. Д.* Русская художественная литература об Армении. – Ереван: Научно-методический кабинет Минвуза АрмССР, 1983. – 204 с.
 - 3.8. *Амирханян М. Д.* Русская художественная публицистика об Армении. – Ереван: Айастан, 1984. – 192 с.
 - 3.9. *Амирханян М. Д.* Русская художественная литература и геноцид армян. – Ереван: Айастан, 1988. – 272 с.
 - 3.10. *Амирханян М. Д.* Русская художественная литература и геноцид армян. Науч. ред. Р. Г. Саакян. 2-е изд., расширенное. – Ереван: Айастан, 1990. – 255 с.
 - 3.11. *Амирханян М. Д.* Русская поэзия и Ван. 2825. – Ереван: Изд-во РАУ, 2002. – 52 с.
 - 3.12. *Ананян Г. Г.* Егише Чаренц и русская литература. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 1979. – 344 с. (на арм. яз.).
 - 3.13. Андраник Озанян. Документы и материалы. Составили: А. О. Арутюнян (руководитель), Г. Г. Арутюнян, В. С. Эвоян, С. С. Мирзоян, П. Г. Сафян, Г. М. Шатириян. – Вестник архивов Армении, № 1-2, Ереван, 1991. – 496 с.
 - 3.14. *Арзуманян М.* Армения. 1914–1917. – Ереван: Айастан, 1969. – 780 с.
 - 3.15. Армяно-грузинский вооруженный конфликт на основании фактических данных и подлинных документов. – Баку: Изд. Бакин. Арм. нац. совета, 1919. – 38 с.
 - 3.16. Армянский вопрос: 1878–1983. (Библиография литературы на русском языке). Сост. А. Дж. Киракосян. – Ереван: Центр научной информации по общественным наукам АН АрмССР. Научно-информ. бюллетень. Серия 2. Библиография, № 1(79), 1985. – 64 с.
 - 3.17. Армянский вопрос. Геноцид армян. Библиогр. лит. на рус. яз. (1877–1997) /Сост.: П. О. Оганесян, Э. А. Бабаян. – Ереван: Хоск, 1998. – 316 с.
 - 3.18. Армянский вопрос. Энциклопедия. – Ереван: Гл. ред. Арм. энциклопедии, 1991. – 350 с.
 - 3.19. Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913–1919). Материалы Политического архива Министерства иностранных дел Кайзеровской Германии. Сборник. Сост., отв. ред., автор пред., введения и примеч. В. Микаеляна. – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1995. – 643 с.
 - 3.20. Армянские писатели о Валерии Брюсове /Сост. и ред.

- Г. Овнан. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975. — 132 с.
- 3.21. Армянский корпус против турецких войск (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.). Воспоминания генерала Ф. Назарбекян. — Ереван: М. Варандян, 1994. — 112 с. (на арм. яз.).
- 3.22. *Арутюнян А. О.* Кавказский фронт. 1914 — 1917 гг. — Ереван: Айастан, 1971. — 416 с.
- 3.23. Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Доклады Н. Марра и И. Орбели. — Петербург: Академическая типография, 1922. — 67+XIX с.
- 3.24. *Багдасарян Р.* Геноцид и армянская интеллигенция России. — Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2003. — 256 с.
- 3.25. *Барби Анри.* В стране ужаса. Мученица Армения. — Тифлис: Изд. С. Меликова, 1919. — VII+151 с.
- 3.26. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам: Литературно-научный сборник. 2-е вновь обработ. и дополн. изд. — М.: Типолитограф. Т-ва И. Н. Кушнерев и К&, 1898. — U+LXXXII+15+624+5+174 с.
- 3.27. Библиография В. Я. Брюсова. 1884—1973. Сост. Э. С. Даниелян, ред. К. Д. Муратова. — Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1976. — 502 с.
- 3.28. *Брюсов В.* Как прекратить войну. — М.: «Свободная Россия», 1917. — 31 с.
- 3.29. Брюсов и Армения. В 2 кн. — Ереван: Советакан грох, кн. 1, 1988; кн. 2, 1989. — 376 с.; 526 с.
- 3.30. *Брюсов В.* Летопись исторических судеб армянского народа. (От VI в. до Р. Хр. по наше время). — М.: Изд. Моск. Арм. ком-та, 1918. — 124 с.
- 3.31. *Брюсов В.* Об Армении и армянской культуре. Стихи. Статьи. Письма /Подготовка текста и коммент. И. Сафразбекян. Послесл. Г. Н. Овнана. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1963. — 247 с.
- 3.32. Брюсовские чтения 1962 года /Ред.- сост. и авт. предисл. К. В. Айвазян. — Ереван: Армгосиздат, 1963. — 415 с.
- 3.33. Брюсовские чтения 1963 года /Ред.-сост. и авт. предисл. К. В. Айвазян. — Ереван: Айастан, 1964. — 570 с.
- 3.34. Брюсовские чтения 1966 года /Ред.- сост. и авт. предисл. К. В. Айвазян. — Ереван: Айастан, 1968. — 631 с.
- 3.35. Брюсовские чтения 1971 года /Ред.- сост. и авт. предисл. К. В. Айвазян. — Ереван: Айастан, 1973. — 639 с.

- 3.36. «Брюсовские чтения» в критике. Ред. — сост. М. Д. Амирханян. — Ереван, 1998. — 183 с.
- 3.37. Ваан Терьян в воспоминаниях современников. — Ереван: Айпетрат, 1964. — 583 с. (на арм. яз.).
- 3.38. *Венгеров С.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Второе, соверш. переработ., иллюстриров. изд. Т. 1 (вып. 1-3). — Пгр., 1915. — 436 с.
- 3.39. Венок Брюсову. Стихотворения. Сост.: Э. С. Даниелян, А. В. Геворкян. Ред. и авт. вступ. слова М. Д. Амирханян. — Ереван: Высш. школа, 1996. — 72 с.
- 3.40. *Верхарн Эмиль.* Алые крылья войны. — М., 1916.
- 3.41. *Веселовский Ю.* Трагедия Турецкой Армении. — М.: Кн-во «Звезда» Н. Н. Орфенова, /б.г./ — 47 с.
- 3.42. *Веселовский Ю.* Дети обездоленного края. — М., 1916. — 19 с.
- 3.43. *Веселовский Ю. А.* Очерки армянской литературы, истории и культуры. Вступ. статья, сост., ред. и прим. А. Давтян. — Ереван: Айастан, 1972. — 503 с.
- 3.44. *Галоян Г. А.* Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. — Москва: Мысль, 1977. — 293 с.
- 3.45. *Галоян Г.* Армения и великие державы. 1917—1923 гг. — Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1999. — 539 с. (на арм. яз.).
- 3.46. *Ганалаян О.* Армения в творчестве русских поэтов. — Ереван: Советакан грох, 1988. — 180 с.
- 3.47. *Ганалаян О. Т.* Подвиг Валерия Брюсова. — Ереван: Гителик, 1991. — 41 с.
- 3.48. *Гарибджанян Г. Б.* Геноцид армян и мировая общественность. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. — 76 с.
- 3.49. *Гарибджанян Г. Б.* Армения и Россия. Начало и развитие армяно-русских отношений. X—XIX вв. — Ереван, 1993. — 121 с.
- 3.50. *Гарибджанян Г. Б.* Геноцид армян перед судом истории. — Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1995. — 108 с.
- 3.51. *Гарибджанян Г. Б.* Страницы истории армянского народа. — Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1998. — 276 с.
- 3.52. Геноцид армян в Османской империи. Сб. документов и материалов. Под ред. М. Г. Нерсисяна. Сост. М. Г. Нерсисян, Р. Г. Саакян. 2-е доп. изд. — Ереван: Айастан, 1982. — XVI+685 с.
- 3.53. Геноцид армян и русская публицистика. /Сост., ред. и вступ. очерк М. Д. Амирханяна. — Ереван: МИГА НАН РА, 1998. — 273 с.

- 3.54. Геноцид армян 1915–1916 гг. Библиография. Ред. М. Г. Нерсисяна. – Ереван: «Арересум»–Ани, 1995. – 111 с.
- 3.55. Германские источники о геноциде армян. Период первой мировой войны. Сб. документов и материалов в 2-х томах. Сост.: С. С. Степанян, Н. К. Багдасарян. Под. ред. С. С. Степаняна. Т. I. – Ереван: Айастан, 1991. – 378 с.
- 3.56. *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения. Т. 3. – М.: Изд. вост. лит., 1962. – 588 с.
- 3.57. *Городецкий С.* Ангел Армении. Стихотворения. – Тифлис: Типография «Слово», 1918. – 31 с.
- 3.58. *Городецкий С.* Альпий смерч. – М. – Л., 1929.
- 3.59. *Городецкий С.* Об Армении и армянской культуре /Под ред. и с предисл. акад. АН АрмССР Г. Б. Гарибджаняна. Сост., вступ. статья и коммент. И. Р. Сафразбекян. – Ереван: Айастан, 1974. – 220 с.
- 3.60. Горький и Армения. Статьи, письма, воспоминания и «Хроника». – Ереван: «Митк», 1968. – 702 с.
- 3.61. *Горький М.* Собр. соч. В 30-ти т., т. 17. – М.: Гос. изд. худож. лит., 1952. – 496 с.
- 3.62. *Григорьян К.* Валерий Брюсов и армянская поэзия. – Ереван: Айпетрат, 1959. – 215 с. (на арм. яз.).
- 3.63. *Григорьян К. Н. В. Я.* Брюсов и армянская поэзия. – М.: Изд. вост. лит., 1962. – 134 с.
- 3.64. *Григорьян К. Н.* Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X – начало XX вв.). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974. – 367 с.
- 3.65. *Гукасян З.* Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода. – Ереван: Айпетрат, 1961. – 251 с. (на арм. яз.).
- 3.66. *Давтян А.* Юрий Веселовский и армянская литература. – Ереван: Айастан, 1970. – 298 с.
- 3.67. *Даронян Ю.* Сергей Городецкий и Армения. – Ереван: Айастан, 1985. – 116 с.
- 3.68. Джейран. – Батуми: Батумское армянское изд-во, 1919. – 36 с.
- 3.69. Документы – I. Лео. О путях в Армении и об оборонительных средствах этой страны. Сост. А. Газиян, А. Калантарян. – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1999. – 22 с.
- 3.70. Дружба: Статьи, очерки, исследования, воспоминания, письма об армяно-русских связях. В 2-х т., 4-е переработ. изд. /Сост. и

- авт. вступит. очерка А. Арзуманян. Кн.1. – Ереван: Айпетрат, 1960. – 703 с.
- 3.71. *Егиазарян А.* Поэтика Туманяна и ее народные истоки. – Ереван: Изд-во «Хорурдаин грох» («Советский писатель»), 1990. – 264 с. (на арм. яз.).
- 3.72. *Закарян Ал.* Егише Чаренц. Жизнь, дело, время. Кн. I. – Ереван: Изд-во НАН РА, 1997. – 968 с. (на арм. яз.).
- 3.73. *Закарян Ан.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). – Ереван: Советакан грох, 1984. – 256 с. (на арм. яз.).
- 3.74. *Закарян Ан.* Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.). – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1994. – 197 с.
- 3.75. *Закарян Ан.* Александр Кулебякин и Армения. – Ереван: Авторское изд., 2003. – 238 с.
- 3.76. *Исаакян А.* Аветик Исаакян и Россия. – М.: Советский писатель, 1988. – 297 с.
- 3.77. *Исаакян А.* Собр. соч. в шести томах, т. 5. – Ереван: Айастан, 1977. – 434 с. (на арм. яз.).
- 3.78. *Исаакян А.* О России и русской культуре /Вступ. статья и примеч. А. Исаакяна. – Ереван: Советакан грох, 1979. – 110 с.
- 3.79. *Ишханян Б.* Великие ужасы в гор. Баку: Анкетное исследование сентябрьских событий 1918 г. – Тифлис: Изд. Анкет. Комис. при Бакин. Арм. Нац. Совете, 1920. – 178 с.
- 3.80. *Карапетян Л.* Общественная деятельность Ованеса Туманяна (фрагменты). – Ереван: Изд-во АН Армении, 1992. – 256 с. (на арм. яз.).
- 3.81. *Карапетян М.* Армянские добровольческие дружины и национальные батальоны на Кавказском фронте (1914–1917 гг.). – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1999. – 335 с. (на арм. яз.).
- 3.82. *Киракосян Дж. С.* Первая мировая война и западные армяне 1914–1916 гг. – Ереван: Айастан, 1965. – 511 с. (на арм. яз.).
- 3.83. *Киракосян Дж. С. А. К.* Дживелегов и его историко-публицистическое наследие. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. – 86 с.
- 3.84. *Кулебякин А.* Дверь Мехера. Отзвуки Вана. – [Тифлис]: Изд. Армянского комитета Верашинутюн, [1917]. – 109 с.
- 3.85. *Ленин В. И.* Полное собр. соч., т. 48. – М.: Политиздат, 1964. – 543 с.
- 3.86. Литературное наследие, т. 74. Из творческого наследия советских писателей /Ред. И. И. Анисимов и др. – М.: Наука,

1965. — 742 с.
- 3.87. Личная библиотека Ованеса Туманяна в Ереване. Библиографическое описание. Кн. 2. Книги на русском языке, ч. I. А—М. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. — 487 с. (на арм. и рус. яз.).
- 3.88. *Маркарян А.* Валерий Брюсов (к 90-летию со дня рождения). — Ереван: Общ-во «Знание» АрмССР, 1963. — 42 с. (на арм. яз.).
- 3.89. *Меликян Ов.* Валерий Брюсов об армянской поэзии (очерк). — Ереван: Арменгиз, 1939. — 70 с.
- 3.90. *Мкртчян Л.* Армянская поэзия и русские поэты XIX—XX вв. (вопросы перевода и литературных связей). — Ереван: Айастан, 1968. — 465 с.
- 3.91. *Мкртчян Л. М.* Аветик Исаакян и русская литература. — Ереван: Айастан, 1975. — 241 с.
- 3.92. *Мнацаканян А. Н.* Трагедия армянского народа в оценке русской и мировой общественной мысли. — Ереван: Айастан, 1965. — 207 с. (на арм. яз.).
- 3.93. *Мурадян М. А.* Армянский вопрос и русская общественно-политическая и историографическая мысль. — Ереван, 1998. — 181 с. (на арм. яз.).
- 3.94. Нагорный Карабах в 1918—1923 гг. Сб. документов и материалов. Ответ. ред. В. А. Микаелян. Сост.: В. А. Акопян, О. С. Баликян, А. С. Вирабян, В. А. Микаелян (руковод. коллектива состав.), В. С. Эвоян. — Ереван: Изд-во АН Армении, 1992. — XXXII+756 с.
- 3.95. *Нанумян Р.* К армяно-русским литературным связям (краткий очерк). — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1945. — 54 с. (на арм. яз.).
- 3.96. «Не убий!». Геноцид армян и русская поэзия. 1895—1918 гг. /Сост., ред. и вступит. очерк М. Д. Амирханяна. — Ереван: Апага, 1996. — 123 с.
- 3.97. *Нерсисян М. Г.* Фальсификаторы истории (статьи и сообщения). — Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1998. — 343 с. (на арм. и рус. яз.).
- 3.98. *Ованн Г.* Максим Горький и армянская культура. — Ереван: Айастан, 1968. — 271 с. (на арм. яз.).
- 3.99. *Ованн Г.* Русско-армянские литературные связи в XIX—XX веках. Кн.1,2. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1960; 1961. — 519 с.; 491 с. (на арм. яз.).
- 3.100. *Партизунни В.* Ваан Терьян. Творчество. — Ереван: Айастан, 1968. — 668 с. (на арм. яз.).

- 3.101. *Петросян Г. С.* Армянский вопрос и армяно-русские отношения в начале XX века. — М.: Тип. РХТУ им. Д. И. Менделеева, 1996. — 163 с.
- 3.102. *Погосян Р.* Ардзаганк. — Ереван: Айастан, 1973. — 308 с. (на арм. яз.).
- 3.103. Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918—1920 гг. Сборник документов /Отв. ред. А. Вирабян. Сост.: С. Мирзоян, А. Газиян. — Ереван: Исторический архив РА, 2003. — 523 с. (на арм. и рус. яз.).
- 3.104. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней /Под ред., со вступит. очерком и примеч. В. Брюсова. — М.: Изд. Моск. Арм. ком-та, 1916. — 523 с.
- 3.105. Республика Армения в 1918—1920 гг. (Политическая история). Сборник документов и материалов. Сост.: Г. Галоян и др. — Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2000. — 455 с. (на арм. и рус. яз.).
- 3.106. Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915—1916 годы (Сб. док. и матер.). Вып. 1. /Сост.: Г. А. Абраамян, Т. Г. Севан-Хачатрян. Предисл. М. Г. Нерсисяна. — Ереван: «Арересум» — Ани, 1995. — XVI+270 с.
- 3.107. *Сатина Е. А.* Воспоминания. — Тбилиси: «Литература да хеловнеба», 1965. — 214 с.
- 3.108. *Сафразбекян И.* Ованес Туманян и мировая литература. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. — 276 с.
- 3.109. Сборник армянской литературы /Под ред. М. Горького. — Пг.: Парус, 1916. — 316 с.
- 3.110. *Симонян Гр.* Время Андраника. В двух книгах: кн. А, Б. — Ереван: Каиса, 1996. — 751 с.; 830 с.
- 3.111. *Табидзе Т.* Статьи, очерки, переписка. — Тбилиси: «Литература да хеловнеба», 1964. — 298 с.
- 3.112. *Тавшишвили Г.* Анна Антоновская — Тбилиси: «Заря Востока», 1958. — 45 с.
- 3.113. *Тертерян А.* Валерий Брюсов и армянская культура. — Ереван: Айпетрат, 1944. — 174 с. (на арм. яз.).
- 3.114. *Терьян В.* Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. — Ереван: Айпетрат, 1961. — 507 с. (на арм. яз.).
- 3.115. *Терьян В.* Собр. соч. В 4-х т. Т. 4. — Ереван: Айастан, 1979. — 464 с. (на арм. яз.).
- 3.116. *Терьян В.* Критика и публицистика. Статьи. Сост., пер. и примеч. Н. Терьян. Ред. и предисл. Э. М. Джрбашяна. — Ереван:

- Советакан грох, 1985. — 192 с.
- 3.117. *Токаржевский Е. А.* Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. — Баку: Изд-во АН АзССР, 1957. — 332 с.
- 3.118. *Туманян Н.* Ованес Туманян и русская литература. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1956. — 149 с. (на арм. яз.).
- 3.119. *Туманян Н.* Воспоминания и беседы. — Ереван: Луйс, 1987. — 335 с. (на арм. яз.).
- 3.120. Туманян-критик. — Ереван: ГИЗ АрмССР, 1939. — 470 с. (на арм. яз.).
- 3.121. *Туманян Ов.* Полное собр. соч., в десяти томах, том седьмой. — Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1995. — 718 с. (на арм. яз.).
- 3.122. *Туманян Ов.* Полное собр. соч., в десяти томах, том десятый. Письма (1905–1922). — Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1999. — 771 с. (на арм. яз.).
- 3.123. *Туманян Ов.* О России и русской культуре. Статьи и письма. — Ереван: Айастан, 1969. — 126 с.
- 3.124. Туманян в воспоминаниях современников. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969. — 1001 с. (на арм. яз.).
- 3.125. *Тыркова А.* Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе. — Пг.: Тип. Б. М. Вольфа, 1916. — VIII+180 с.
- 3.126. *Фирбюхер Г.* Армения, 1915. Уничтожение Турцией культурного народа. Отв. ред. В. Микаелян. Пер. с немецкого В. Миналян. Посл. Г. Доната. — Ереван: Изд-во АН Армении, 1991. — 96 с.
- 3.127. *Хуршудян Л. А.* Советская Россия и армянский вопрос. — Ереван: Айастан, 1977. — 211 с. (на арм. яз.).
- 3.128. *Хуршудян Л.* Армянский вопрос. — Ереван: «Общенациональный армянский просветительский и культурный союз», 1995. — 100 с. (на арм. яз.).
- 3.129. *Цурикова Г.* Тициан Табидзе. Жизнь и поэзия. — Л.: Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1971. — 311 с.
- 3.130. *Чалхушьян Гр.* Красная книга. — Ростов-на-Дону: Тип. «Ашхатанк», 1919. — 128 с.
- 3.131. *Чаренц Е.* Собр. соч. В 6-и т. Т. 1. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1962. — 391 с. (на арм. яз.).
- 3.132. *Чаренц Е.* Собр. соч. В 6-и т. Т. 6. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967. — 803 с. (на арм. яз.).
- 3.133. *Чаренц Е.* Стихотворения и поэмы. — Л.: Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1973. — 525 с.
- 3.134. *Эренбурге И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 1, 2. — М.: Советский

писатель, 1961. — 634 с.

б) Статьи

- 3.135. *Аветисян Г.* Армяно-русское боевое единство. Традиции и современность. — Историко-филологический журнал НАН РА, 2000, № 2, с. 3–17 (на арм. яз.).
- 3.136. *Агабабян С. Б.* Динамика армянских откликов русской литературы. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1978, № 3, с. 77–86 (на арм. яз.).
- 3.137. *Агаронян А.* За что? — Кавказское слово, 1917, 20 августа; Оризон, 1917, 20 августа.
- 3.138. *Аджемян Г.* Раскопки проф. Н. Марра в Ване. — Андес Амсореа (Ежемесячный журнал), 1924, № 9–10, сентябрь–октябрь, с. 442–453; № 11–12, ноябрь–декабрь, с. 528–535 (на арм. яз.).
- 3.139. *Айвазян К. В.* Работа В. Я. Брюсова над вторым изданием «Поэзии Армении». — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1963, № 4, с. 99–114.
- 3.140. *Айвазян К. В.* Пушкин в Армении (к 175-летию со дня рождения). — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1974, № 1, с. 3–19 (на арм. яз.).
- 3.141. *Акопян Э. А.* Связи В. Я. Брюсова с русской школой арменоведения. — В кн.: Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985, с. 291–302.
- 3.142. *Алексянян Е. А.* В. Брюсов и П. Антокольский — переводчики поэмы Ав. Исаакяна «Абул-Ала-Маари». — В кн.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 336–358.
- 3.143. *Амирханян М.* Армения в русской литературе накануне Октябрьской революции. — Литературная Армения, 1978, № 10, с. 93–102.
- 3.144. *Амирханян М.* Пушкин и Армения. — Литературная Армения, 1980, № 1, с. 85–90.
- 3.145. *Амирханян М. Д.* Поэтический цикл «В Армении» В. Я. Брюсова. — В кн.: Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983, с. 198–206.
- 3.146. *Амирханян М. Д.* В. Я. Брюсов и классики советской армянской литературы. — В кн.: Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985, с. 283–290.
- 3.147. *Анчугова Т.* Брюсов и Игорь Северянин (к истории литературных взаимоотношений). — В кн.: Брюсовский сборник. Ставрополь, 1977, с. 51–62.

- 3.148. *Арзуманян А.* Встречи с Сергеем Городецким. — Гракан терт, 1959, 10 апреля (на арм. яз.).
- 3.149. *Арзуманян М. В.* История армянского народа в освещении В. Я. Брюсова. — В кн.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 53–81.
- 3.150. Армянский корпус против турецких войск (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.). Воспоминания генерала Ф. И. Назарбекова. Сост. Г. М. Шатирян, ред. Г. А. Аветисян. — Вестник архивов Армении, 1992, № 3, с. 34–153.
- 3.151. *Ахумян Т.* Валерий Брюсов — переводчик армянской поэзии. — Дружба народов, 1956, № 5, с. 181–184.
- 3.152. *Ахумян Т. С.* Две встречи с Валерием Брюсовым. — В кн.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 319–328.
- 3.153. *Ахумян Т. С.* Валерий Брюсов и Ваан Терьян (к вопросу об их творческих взаимоотношениях). — В кн.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 116–129.
- 3.154. *Багдасарян И.* Замечания. VI. Армяне и русская литература. — Оризон, 1916, 27 ноября.
- 3.155. *Багдасарян Р.* Геноцид армян в зеркале российской прессы (1914–1916). — Литературная Армения, 2000, № 2, с. 167–176.
- 3.156. *Брюсов В. Я.* Эмиль Верхарн об Армении. — В кн.: Брюсов и Армения. Кн. 1. Стихи, статьи, очерки и письма. Ереван, 1988, с. 260–265.
- 3.157. *Брюсова И.* Из воспоминаний. — Литературная Армения, 1959, № 5, с. 99–106.
- 3.158. *Вернер Э.* Армянские ужасы 1915–1916 гг. — Армянская ли выдумка? — Вестник архивов Армении, 1974, № 1, с. 137–143.
- 3.159. *Веселовский Ю.* Русская литература и армянская жизнь. — Армянский вестник, 1916, № 15, с. 2–4.
- 3.160. *Веселовский Ю.* Тогда... и теперь. — Кавказское слово, 1916, 1 октября.
- 3.161. *Газиян Ал.* Заявление архитектора Т. Тораманяна о понесенных им потерях во время турецкого нашествия в апреле 1918 г., адресованное Комиссии по выявлению потерь армянского народа в период первой мировой войны. — Историко-филологический журнал НАН РА, 1999, № 2–3, с. 388–396 (на арм. яз.).
- 3.162. *Ганалаян О.* Армянская поэзия и Валерий Брюсов. — В кн.: Брюсов В. Я. Поэзия Армении. В переводах и оценке В. Я. Брюсова. Ереван, 1963, с. 5–25.
- 3.163. *Ганалаян О.* Армения в поэзии Брюсова. — В кн.: Брюсовские

- чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 538–545.
- 3.164. *Ганалаян О.* Страницы большой дружбы (У С. М. Городецкого с армянскими собратьями по перу). — Звезда, 1967, № 9, с. 185–187.
- 3.165. *Ганалаян О. Т.* Поэты Армении и Валерий Брюсов. — В кн.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 107–115.
- 3.166. *Гарибджанян Г.* Бескорыстный друг армянского народа (к 90-летию со дня рождения С. М. Городецкого). — Литературная Армения, 1974, № 1, с. 77–82.
- 3.167. *Гарибджанян Г.* Предисловие. — В кн.: Городецкий С. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1980, с. 3–7 (на арм. яз.).
- 3.168. *Гарибджанян Г. Б.* Первый геноцид XX века и мировая общественность. — Литературная Армения, 1988, № 4, с. 74–87.
- 3.169. *Гарибджанян Г. Б., Варданян Л. М.* Левон Лисициан (1892–1992). — Вестник общественных наук НАН РА, 1993, № 1, с. 53–58 (на арм. яз.).
- 3.170. *Гарибджанян Г. Б.* Добровольческое движение армян в 1914–1915 гг. и Ованес Туманян. — Историко-филологический журнал НАН РА, 1997, № 2, с. 93–98 (на арм. яз.).
- 3.171. *Гаспарян А. М.* Раскрытие В. Брюсовым армянской темы в поэзии Э. Верхарна. — В кн.: Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983, с. 207–211.
- 3.172. *Городецкий С.* Открытое письмо Ов. Туманяну. — Кавказское слово, 1918, 10 января.
- 3.173. *Городецкий С.* Ржавые перья. — Кавказское слово, 1918, 20 января.
- 3.174. *Городецкий С.* Pro Armenia. — Кавказское слово, 1918, 25 июля.
- 3.175. *Городецкий С.* Новая рана. — Кавказское слово, 1918, 29 августа.
- 3.176. *Городецкий С.* Живое кладбище. — Кавказское слово, 1918, 8 ноября.
- 3.177. *Городецкий С.* Немножко зубрологии. — Кавказское слово, 1918, 30 (17) ноября.
- 3.178. *Городецкий С.* Венок друзьям. — Кавказское слово, 1918, 8 (25) декабря.
- 3.179. *Городецкий С.* Бедствия Армении. — Кавказское слово, 1919, 4 февраля.
- 3.180. *Городецкий С.* Карабах. — Кавказское слово, 1919, 23 марта.
- 3.181. *Городецкий С.* Тише пешего. — Кавказское слово, 1919, 8 мая.
- 3.182. *Городецкий С.* Оживающий город. — Кавказское слово, 1919,

- 11 мая.
- 3.183. *Городецкий С.* № 35. — Кавказское слово, 1919, 18 мая.
- 3.184. *Городецкий С.* Последний крик. — Кавказское слово, 1919, 28 августа.
- 3.185. *Городецкий С. М.* Мой путь. — В кн.: Советские писатели. Автобиографии. В 2-х т., т. 1, М., 1959, с. 320–331.
- 3.186. *Григорьян К.* Переписка В. Я. Брюсова с Ованесом Ованисяном. — Изв. АН АрмССР, обществ. науки, 1964, № 9, с. 53–58 (на арм. яз.).
- 3.187. *Даниелян Э. С.* Несколько архивных материалов о В. Я. Брюсове. — В кн.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 563–567.
- 3.188. *Даронян С.* Проблема литературных связей в работах В. Я. Брюсова по армянской литературе. — В кн.: Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968, с. 82–106.
- 3.189. *Даронян С.* Валерий Брюсов (к 100-летию со дня рождения). — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1973, № 4, с. 3–16.
- 3.190. *Даронян С. К.* Валерий Брюсов и Ованес Туманян. — В кн.: Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985, с. 271–282.
- 3.191. *Даронян Ю.* Армения в поэзии С. Городецкого. — Литературная Армения, 1981, № 8, с. 99–104.
- 3.192. *Даронян Ю.* Армения в публицистике и прозе С. Городецкого. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1982, № 4, с. 41–52.
- 3.193. *Даронян Ю. С.* Городецкий и деятели армянской культуры. — Советакан манкаварж (Советский педагог), 1982, № 8, с. 44–49 (на арм. яз.).
- 3.194. *Даронян Ю. С. С.* Городецкий и Ов. Туманян (из истории русско-армянских литературных связей). — Русский язык в армянской школе, 1982, № 4, с. 46–48.
- 3.195. *Даронян Ю.* Древнеармянская культура в освещении С. Городецкого. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1983, № 1, с. 33–40.
- 3.196. *Даронян Ю.* Армения в произведении С. Городецкого. — Советакан манкаварж, 1984, № 5, с. 49–54 (на арм. яз.).
- 3.197. *Девит В.* Алая нефть. — Литературный Азербайджан, 1964, № 1, с. 107–109.
- 3.198. *Дербенева А., Дербенев Г.* Брюсов как классик дружбы народов. — В кн.: Брюсовский сборник. Ставрополь, 1974, с. 86–99.

- 3.199. *Егикян С. А.* Брюсов в «Армянском вестнике». — В кн.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 546–553.
- 3.200. *Закарян Ан.* Сергей Городецкий в Ереване (апрель 1919 г.). — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1981, № 6, с. 53–64 (на арм. яз.).
- 3.201. *Закарян Ан.* Деятельность Сергея Городецкого в Западной Армении. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1982, № 8, с. 37–46 (на арм. яз.).
- 3.202. *Закарян Ан.* Основанный С. Городецким в Тифлисе «Цех поэтов» и его сборник «Акмэ». — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1982, № 12, с. 44–56 (на арм. яз.).
- 3.203. *Закарян Ан.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1984, № 8, с. 25–35 (на арм. яз.).
- 3.204. *Закарян Ан.* Из переписки Гарегина Овсепяна и Тирайра Тер-Ованисяна. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1985, № 5, с. 79–90 (на арм. яз.).
- 3.205. *Закарян Ан.* Страницы признательности. — Советакан гракану-тюн, 1983, № 10, с. 136–138 (на арм. яз.).
- 3.206. *Закарян Ан.* Сергей Городецкий в Закавказье и армянская литературная жизнь (1916–1921). — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1984, № 2, с. 22–33 (на арм. яз.).
- 3.207. *Закарян Ан.* Письма Иоанны Брюсовой Тиграну Иоаннисяну. — Вестник архивов Армении, 1986, № 1, с. 97–99.
- 3.208. *Закарян А. А.* Валерий Брюсов в Закавказье и армянская литературная жизнь. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1983, № 2-3, с. 74–88 (на арм. яз.).
- 3.209. *Закарян Ан.* Программа лекций В. Брюсова в Закавказье. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1986, № 3, с. 79–82.
- 3.210. *Закарян Ан.* Валерий Брюсов — пропагандист армянской поэзии. — Литературная Армения, 1986, № 10, с. 93–96.
- 3.211. *Закарян Ан.* Русский писатель С. Рафалович о сентябрьских событиях в Баку 1918 г. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1988, № 2, с. 48–51.
- 3.212. *Закарян Ан., Харатян А.* Малоизвестная статья С. Городецкого о Карабахе. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1988, № 5, с. 73–75.
- 3.213. *Закарян А. А.* Русский публицист Т. Ольгенин об Армении и Армянском вопросе. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1989, № 4, с. 66–84 (на арм. яз.).

- 3.214. *Закарян А. А.* Сергей Рафалович об Армении и армянах. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1990, № 2, с. 88–94.
- 3.215. *Закарян А. А.* Армянская действительность и русские литературные деятели (10-е годы XX века). — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1990, № 2, с. 78–88.
- 3.216. *Закарян А. А.* Армения и армяне в статьях С. Городецкого. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1990, № 8, с. 80–93.
- 3.217. *Закарян Ан., Харатян А.* Аветис Агаронян. За что? — Гракан терт, 1990, 21 сентября.
- 3.218. *Закарян А. А.* Статьи: «В. Брюсов», «Ю. Веселовский», «Русская дореволюционная литература», «С. Городецкий», «М. Горький», «Т. Ольгенин», «С. Рафалович», «П. Сибирцев», «А. Тыркова» и др. — В энциклопедии «Армянский вопрос», Ереван, 1991 (на рус яз.); Ереван, 1996 (на арм. яз.).
- 3.219. *Закарян Ан.* Борис Лазаревский и Армения. — Литературная Армения, 1995, № 7–9, с. 157–159.
- 3.220. *Закарян Ан.* Отражение жизни западных армян в статьях Т. Ольгенина. — Историко-филологический журнал НАН РА, 2000, № 1, с. 199–206 (на арм. яз.).
- 3.221. *Закарян Ан.* Поэт-генерал Александр Кулебякин и Армения. — Историко-филологический журнал НАН РА, 2001, № 2, с. 99–129.
- 3.222. *Закарян Ан.* Тридцать дней осады. — Голос Армении, 2001, 5 мая.
- 3.223. *Закарян Ан.* Левон Лисицян о научно-экономической экспедиции братьев Маилян. — Историко-филологический журнал, 2001, № 3, с. 277–285 (на арм. яз.).
- 3.224. *Закарян А. А.* Участие генерала Александра Кулебякина в работе Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны. — Айкакан банак, 2002, № 1–2, с. 155–161 (на арм. яз.).
- 3.225. *Закарян А. А.* Александр Кулебякин и Ованес Туманян. — Вестник общественных наук НАН РА, 2002, № 1, с. 157–164.
- 3.226. *Закарян Ан.* Нововьявленные документы о деятельности возглавляемого Ов. Туманяном «Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны». — Историко-филологический журнал НАН РА, 2002, № 2, с. 271–304 (на арм. и рус. яз.).
- 3.227. *Закарян Ан.* Письма поэта-генерала Ал. Кулебякина Ов. Туманяну. — Вестник архивов Армении, 2002, № 1, с. 78–81.
- 3.228. *Закарян Ан.* Армения в творчестве и общественной деятельности Бориса Лазаревского. — Историко-филологический журнал

- НАН РА, 2002, № 3, с. 103–108 (на арм. яз.).
- 3.229. *Закарян А. А.* Армения в литературно-общественной деятельности Валерия Брюсова. — Вестник общественных наук НАН РА, 2002, № 2, с. 125–134.
- 3.230. *Закарян А. А.* Русские литературные деятели об Армянском вопросе и о геноциде армян (10-е годы XX века). — Вестник Ереванского университета, 2003, № 1, с. 63–73.
- 3.231. *Закарян А. А.* Русские военные и Сибирская армянская рота. — Айкакан банак, 2003, № 1, с. 80–85 (на арм. яз.).
- 3.232. Исчезающая Армения. (По поводу статьи Т. Ольгенина). — Правда, 1913, 14 июня.
- 3.233. *Казахеян В.* О материальном ущербе, нанесенном армянскому народу в Закавказье и в Карсской области турецкими интервентами. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1987, № 2, с. 81–88.
- 3.234. *Карапетян Л.* Туманян и Союз армянских земляческих союзов. — Историко-филологический журнал НАН РА, 2002, № 2, с. 30–46 (на арм. яз.).
- 3.235. *Карапетян М. М.* Ованес Туманян о геноциде армян. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1987, № 2, с. 240–243 (на арм. яз.).
- 3.236. *Киров С. М.* (Подпись: Серми). Народ страдающий. — Терек, 1916, 14 февраля.
- 3.237. *Киров С. М.* (Подпись: Серми). У беженцев. — Терек, 1916, 25 февраля.
- 3.238. *Маргарян А.* Валерий Брюсов и литература Армении. — Литература и жизнь, 1960, 30 ноября.
- 3.239. *Маргарян А. Е.* В. Брюсов в оценке армянской критики. — В кн.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 260–290.
- 3.240. *Машинский С.* Путь поэта. — В кн.: Городецкий С. Стихи. М., 1964, с. 3–36.
- 3.241. *Машинский С.* Сергей Городецкий. — В кн.: Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л., 1974, с. 5–52.
- 3.242. *Микаелян В. А., Закарян А. А.* Поручик Колмаков о деятельности Андраника в 1918 г. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1988, № 8, с. 62–84.
- 3.243. *Микаелян В. А., Мирзоян С. С.* Участие армян в экономической жизни Восточного Закавказья (вторая половина XIX — первые десятилетия XX вв.). — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1990, № 2, с. 74–81.

- 3.244. *Микаелян В.* Свидетельства немецкого очевидца о геноциде армян. — Историко-филологический журнал НАН РА, 2000, № 3, с. 258–263 (на арм. яз.).
- 3.245. *Мнацаканян А.* Русские писатели о трагедии армянского народа. — Литературная Армения, 1965, № 4, с. 72–78.
- 3.246. *Нерсисян М. Г. В.* Брюсов и его книга «Летопись исторических судеб армянского народа». — В сб.: Нерсисян М. Г. Страницы из новой истории армянского народа. Ереван, 1982, с. 218–226.
- 3.247. *Нерсисян М., Арутюнян А., Мурадян Д.* Материалы о генерале Андранике. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1981, № 4, с. 244–246.
- 3.248. *Нерсисян М. Г.* Обращение католика М. Хримяна к Николаю II (1907 г.) и другие архивные материалы по Армянскому вопросу (1912–1915 гг.). — Историко-филологический журнал НАН РА, 1993, № 1–2, с. 165–180 (на арм. и рус. яз.).
- 3.249. *Нерсисян М. Г.* О некоторых вопросах истории геноцида западных армян 1915–1916 гг. — Историко-филологический журнал НАН РА, 1995, № 2, с. 11–20 (на арм. и рус. яз.).
- 3.250. *Нерсисян М. Г.* Геноцид западных армян и русская интеллигенция в 1894–1896 годах. — Историко-филологический журнал НАН РА, 1997, № 1, с. 15–24 (на арм. яз.).
- 3.251. *Ованесян С. Г.* Переписка Иоанны Брюсовой с Нвард Туманян. — В кн.: Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985, с. 418–451.
- 3.252. *Ованесян С.* Общественная деятельность Ованеса Туманяна в годы первой мировой войны. — Литературная Армения, 1991, № 11–12, с. 148–155.
- 3.253. *Ованесян С.* Юбилей Ованеса Туманяна в 1919 г. — В кн.: Туманян. Исследования и публикации. 5. Ереван, 1998, с. 125–143 (на арм. яз.).
- 3.254. *Овнан Г. В.* Брюсов и армянская поэзия. — В кн.: Брюсов В. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1967, с. 263–273 (на арм. яз.).
- 3.255. *Овнан Г.* Большой друг армянской культуры. — В кн.: Армянские писатели о Валерии Брюсове. Ереван, 1975, с. 5–11 (на арм. яз.).
- 3.256. *Оганесян Т., Закарян Ан.* Тифлис, 1919, «Общество имени Комитаса». — Советакан арвест (Советское искусство), 1984, № 2, с. 59–61 (на арм. яз.).

- 3.257. *Оганисян П. О.* Николай Адонц и Армянский вопрос. — Историко-филологический журнал, 1999, № 1, с. 130–138 (на арм. яз.).
- 3.258. *Паниян Ю. М.* Чаренц и Брюсов. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1974, № 4, с. 61–71 (на арм. яз.).
- 3.259. *Погосян Р.* Незабываемые встречи. — Литературная Армения, 1959, № 1, с. 167–170.
- 3.260. *Погосян Р.* Память сердца. — Литературная Армения, 1973, № 10, с. 112–114.
- 3.261. *Погосян Р.* Старейший мастер «Цеха поэтов». — Литературная Армения, 1964, № 3, с. 64–68.
- 3.262. *Порутик Колмаков.* Историческая армянская рота. — Наше время, 1919, 12 февраля, 19 февраля, 23 февраля, 27 февраля, 23 марта, 29 марта, 10 апреля, 11 апреля, 25 апреля.
- 3.263. *Рафалович С.* Правда о Бакинских событиях. — Кавказское слово, 1918, 3(20) декабря.
- 3.264. *Рафалович С.* Свобода мертвым (Pro Armenia). — Закавказское слово, 1919, 8 февраля; Наше время, 1919, 12 февраля.
- 3.265. *Саринян С. Н.* Туманян и вопрос русской ориентации армянского народа. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1978, № 3, с. 87–97 (на арм. яз.).
- 3.266. *Саруханян Н. Б.* Освещение армяно-русских отношений, Армянского вопроса и геноцида армян в изданиях «Армянский вестник» и «Армяне и война». — Историко-филологический журнал НАН РА, 1999, № 1, с. 109–122 (на арм. яз.).
- 3.267. *Сафразбекян И.* Новые материалы об истории создания сборника «Поэзия Армении». — Литературная Армения, 1965, № 11, с. 106–110.
- 3.268. *Сафразбекян И.* Городецкий и Армения. — Гракан терт, 1970, 10 апреля (на арм. яз.).
- 3.269. *Сафразбекян И.* Ов.Туманян и С. Городецкий (по следам неопубликованных писем). — Литературная Армения, 1970, № 7, с. 83–87.
- 3.270. *Сафразбекян И. С. М.* Городецкий (1884–1967). — В кн.: Городецкий С. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1974, с. VII–XI.
- 3.271. *Сафразбекян И. Р. С. М.* Городецкий. — В кн.: Городецкий С. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1980, с. 8–16 (на арм. яз.).
- 3.272. *Сибирцев П.* Pro Armenia. — Кавказское слово, 1918, 4 августа.

- 3.273. *Сибирцев П.* Армении. — Наше время, 1919, 16 апреля.
- 3.274. *Сибирцев П.* Казнь (армянская сказка). — Наше время, 1919, 24 апреля.
- 3.275. *Татосян Г. А.* Из архива Валерия Брюсова. — Изв. АН АрмССР, обществ. науки, 1959, № 5, с. 88–93.
- 3.276. *Татосян Г. А.* Большой друг армянской литературы (к 90-летию со дня рождения В. Я. Брюсова). — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1963, № 4, с. 15–24 (на арм. яз.).
- 3.277. *Татосян Г. А.* В. Брюсов — переводчик армянской поэзии (о некоторых переводческих принципах В. Брюсова). — В кн.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 185–198.
- 3.278. *Толстая А.* Армянские беженцы. — Русские ведомости, 1915, 7 февраля; Кавказское слово, 1915, 12 февраля.
- 3.279. *Туманян Ов.* Армянский вопрос и его решение. — Литературная Армения, 1969, № 9, с. 57–63.
- 3.280. *Туманян Ов.* Слово, обращенное к Брюсову. — В кн.: О. Туманян. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. Ереван, 1969, с. 288–291.
- 3.281. *Ханзадян В. М.* Валерий Брюсов в Баку. — В кн.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 329–331.
- 3.282. *Шенгели Г.* Валерий Брюсов. — Литературная Армения, 1980, № 9, с. 93–101.
- 3.283. *Элизбарашвили Н. С. М.* Городецкий — художественный критик. — Литературная Грузия, 1978, № 9, с. 125–133.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ	
1. Журналистская и исследовательская деятельность Т. Ольгенина	13
2. Поэт-полководец А. Кулебякин на Кавказском фронте	32
3. Гуманистическая миссия С. Городецкого	45
ГЛАВА II. АРМЕНИЯ, АРМЯНСКИЙ ВОПРОС И АРМЯНСКАЯ КУЛЬТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ И В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ	
1. Цикл лекций Т. Ольгенина «Исчезающая Армения».....	57
2. Геноцид армянского народа глазами русских журналистов	70
3. Армения в стихотворениях А. Кулебякина	87
4. Лекции В. Брюсова об армянской поэзии	97
5. Литературно-общественная деятельность С. Городецкого и Армения	129
6. С. Рафалович о бакинских событиях.....	188
7. Сибирская армянская рота и поэт-воин П. Сибирцев....	196
8. Армения в творчестве Б. Лазаревского	204
ГЛАВА III. СОТРУДНИЧЕСТВО РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ С АРМЯНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ	
1. В. Брюсов и классики армянской литературы.....	212
2. Взаимоотношения С. Городецкого и Ов. Туманяна	222
3. А. Кулебякин и армянская общественность	230
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	261
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	264

ЗАКАРЯН АНУШАВАН АЗАРАПЕТОВИЧ

**ТРАГЕДИЯ АРМЯНСКОГО НАРОДА
В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ**

Формат 60x84_{1/16}. Бумага № 1.
Печ. л. 18. Тираж 1000 экз. Цена договорная.

Типография НАН РА,
375019 Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24.